

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№165/1-2 (5036)
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 2025

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

С Новым годом
и Рождеством
Христовым!

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland .....5.60 CHF
Hungary .....2290 HUF
Poland .....26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала «Русская мысль»: russianmind.com/payment/
2. Оплата через платформу **Subscribe:**

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

«ЖИЗНЬ ОБРЕТЕТ ПОДЛИННЫЙ СМЫСЛ...»

«И если во взаимоотношениях с людьми, в повседневных делах и заботах мы научимся руководствоваться Божественными установлениями, то многое изменится не только в нас, но и вокруг нас: жизнь обретет подлинный смысл, наполнится настоящей радостью и счастьем...»

С этих слов из Рождественского послания Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла мне хотелось бы начать этот номер «Русской мысли». Ибо посвящен он прекрасным праздникам: Новому году, Рождеству Христову и Старому Новому году, который многие православные еще продолжают отмечать. Традиция есть традиция! Отсюда и наши материалы на эти темы. Это и Православный вестник, посвященный Святому Рождеству,

и беседа о создателе Императорского Православного Палестинского Общества (основан державной волей императора Александра III в 1882 году) Василии Хитрово и о деле всей его жизни – Русской Палестине; и Рождественские стихи Иосифа Бродского; и новогодние рассказы Ольги Кузьминой и Марины Соловьевой.

Кроме того, в рубрике «Литература» будут очерки, посвященные грандам отечественной культуры – Антону Чехову и Борису Пастернаку.

А в рубрике «События и информация» мы расскажем о торжественном открытии в Москве памятника знаменитому сыщику Аркадию Кошко, прозванному на Западе «русским Шерлоком Холмсом».

С Новым годом, дорогие читатели «Русской мысли»! С Рождеством Христовым!

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№165/1–2(5036)
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адаминин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ и ВЫПУСКАЮЩИЙ
РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

ОБЛОЖКА:
Рождественская дореволюционная открытка.
Российская империя. 1908

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

historyrussia.org, wikireading.ru, en.wikipedia.org,
patriarchia.ru, arts-dnevnik.ru;
фото: wikimedia.org/wikipedia/commons,
commons.wikimedia.org, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

6 И САЛАТ
«ОЛИВЬЕ»...

2025 год, считают любители математических парадоксов, – первый квадратный год после 1936-го.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК

12 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

«Вечная участь каждого человека является продолжением того духовного состояния, которое было свойственно ему в земной жизни».

14 ОБЕЩАНИЯ БОГОЯВЛЕНИЯ

В Богоявленские дни Церковь особенно молится и просит благодати, чтобы в сплошные нарушенные обещания не превращалась жизнь верующих.

20 «НЕ УМОЛКНУ... НЕ УСПОКОЮСЬ...»

Василий Хитрово жил с острым осознанием своей миссии на Земле.

ИСТОРИЯ

30 РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

8 февраля без объявления войны Япония осуществила коварное нападение на русский флот на рейдах Порт-Артура и Чемульпо.

42 СУДЬБА ЧЕТЫРЕХ: ЦАРСКИЕ УЗНИКИ В ДАНИИ

Память о них хранится на чужбине, а имена увековечены на мраморной доске в капелле древнего монастыря.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

48 КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье (продолжение).

ЮБИЛЕЙ

54 СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

К 90-летию князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

ИНТЕРВЬЮ

58 БЕСЕДА С АНГЕЛОМ

Людмила Варламова: «В картине должна быть загадка: недосказанность интригует человека и включает его воображение».

КУЛЬТУРА

64 ПЕВЕЦ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

7 февраля 1780 года родился видный русский живописец и график Алексей Гаврилович Венецианов.

68 «ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ»: ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА

К 160-летию со дня рождения выдающегося русского живописца и одного из главных портретистов своего времени Валентина Серова.

ЛИТЕРАТУРА

72 БЕЗ СКИДОК НА ТАЛАНТ

К 165-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова.

75 «СНЕГ ИДЕТ, И ВСЕ В СМЯТЕНЬЕ...»

135 лет со дня рождения Бориса Пастернака.

78 СБЫЛОСЬ

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира Малышева.

82 НОЧНОЙ ЗВОНОК

Предлагаем вниманию читателей рассказ известного российского журналиста Ольги Кузьминой.

РЕЦЕНЗИЯ

85 МНОГОЛИКАЯ ГОРДЫНЯ

Серый кардинал в повести Максима Замшева.

ТОЛЬКО У НАС

88 В ПОИСКАХ МОРОЗА (СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ)

Рассказ российской писательницы Марины Соловьевой, любезно предоставившей нам право первой публикации.

92 ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Мы продолжаем публикацию повести Валерия Поволяева.

ОЧЕРК

96 «БУДЬТЕ МУДРЫ, КАК ЗМИИ»

2025 год по восточному календарю – год Змеи, символа мудрости, которого так не хватает в современном мире.

102 АРАБЕСКИ ВЛАДИМИРА ТИТОВА

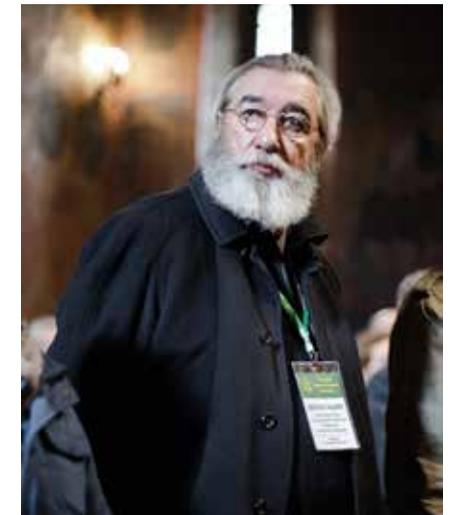
Предлагаем вниманию читателей выборку из вышедшего в Издательском центре «Азбуковник» сборника рассказов Владимира Титова.

108 С ЗЕМЛЕЮ ВМЕСТЕ В ФУЭТЕ

Воспоминания о Валентине Гафте.

ПАМЯТЬ

110 ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА ЛУПАНА

Блестящий профессионал, мудрый руководитель, всегда доброжелательный, общительный, искренний – таким останется он в нашей памяти.

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

111 РУССКИЙ ШЕРЛОК ХОЛМС

В Москве состоялось открытие памятника Аркадию Кошко.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

И САЛАТ «ОЛИВЬЕ» ...

2025 год, считают любители математических парадоксов, – первый квадратный год после 1936-го

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Никогда не забуду этой картинки: на лавке перрона метро сидела в ожидании очередного поезда женщина неопределенного возраста (не навизижу слово «пожилая» при оценке возраста женщины!) и ела шоколадные конфеты. Большие, выпуклые, как казалось, жутко аппетитные...

Она брала каждую из них из пакетика и надкусывала ее. Затем пристально вглядывалась внутрь конфетки, стремясь понять, что там у нее внутри (наверное, проверяла, какая начинка: фруктовая, мятная или из пралине...), после чего аккуратно возвращала шоколадку в пакет!

Когда прибыл поезд, незнакомка – на удивление – даже не пошевелилась, не привстала и продолжила свое гастрономическое занятие, видимо, казавшееся ей весьма увлекательным...

В каком городе это происходило, уже не помню – в Москве, в Париже ли, а может, и в Питере. Но сценка показалась мне загадочной и чертовски привлекательной, так и подмывало подойти к незнакомке и спросить, что же все-таки она надеется найти внутри шоколада. Неужели какой-то обещанный ей заветный сюрприз? Монетку или миниатюрную керамическую фигурку, приносящую счастье (так делают во Франции, когда готовят в январе традиционную «королевскую галету», столь любимую детьми не только за вкусную марципановую начинку, но и прежде всего за заложенный внутри символический «боб», дающий малышу право водрузить себе на голову бумажную золотую корону)?

Новый год «а ля рус»

Так и мы с нетерпением, а порой и с боязнью заглядываем в каждый новый наступающий год. Что там у него «внутри»? К счастью, 2025 год – не високосный. Издавна не люблю високосные года, они, сужу по собственному опыту, всегда чреватые какими-то неприятными неожиданностями. Я в такой оценке не одинок, нельзя не признать. Достаточно посмотреть статистику. Страшный факт, но во всех странах умирает больше людей именно

в високосный год, чем в любой обычный. Неужели за счет одного дополнительного февральского дня? Нет, банальная математика не способна объяснить сей феномен. Без эзотерики тут, скорее всего, не обойтись.

В Китае, откуда к нам могла прийти боязнь високосного года, говорят, что число четыре, созвучное со словом «смерть», очень сильно влияет на человека в негативном плане. А на Руси, где 29 февраля считается Касьяновым днем, издавна бытует присловье: «Куда Касьян не глянет, все вянет».

И в самом деле, именно в високосный год действительно случается большое количество неприятных происшествий: социальных конфликтов, природных катаклизмов, трагических политических событий... Безусловно, все это бывает и в обычные года, однако в високосные такие события проходят наиболее разрушительно.

Заглянем в историю. Назовем лишь некоторые события. В 1268 году от природного катаклизма на Сицилии погибло более 60 тысяч человек, а в 1400 году средневековую Европу захватила чума, погубившая более трети населения... Далее. В 1572 году в Варфоломеевскую ночь было уничтожено 10 тысяч человек, а в 1896 году японское цунами унесло жизнь 27 тысяч. В 1912 году – гибель «Титаника». Взрыв Тунгусского метеорита – в 1908 году. 1976 и 1988 годы ознаменовались страшнейшими землетрясениями, счет жертв которых переходил на десятки тысяч...

Хватит, наверное... Лучше поговорим о елке. Без нее невозможно сегодня представить русский Новый год. Во Франции (я давно обратил на это внимание) елки зачастую выбрасывают едва ли не сразу после католического Рождества, или в лучшем случае – непосредственно после первого января. Идешь,

Фото: BoliviaInteligente/Unsplash

Рождественская дореволюционная открытка. Российская империя. До 1917

бывало, в первые дни нового года по Парижу мимо мусорных баков, выставленных ранним утром на край тротуара, а в них или рядом с ними – сплошь елки. Мертвые, забытые, выброшенные, больше никому – ни детям, ни взрослым – не нужные, иногда даже с некогда

жизнеутверждающей праздничной мишурой, которую «елочникам» было лень снять...

Для меня это выглядит как вопиющее предательство. Как измена прекрасному празднику, от которого циничные особы что хотели, то и получили: шампанское вдоволь,

вкусная обильная еда, подарки, фейерверки и все такое. Остальное нам, дескать, трин-трава!

Для меня с самого детства наивные праздники рубежа года – два Рождества (католическое и православное) и два Новых года (новый-новый и старый-новый) – все равно что часть моей биографии, моего существования, моего *модус вивенди*. И елка тут – предмет любимый и дорогой.

Я не способен поставить у себя дома «убитую» елку: у древних германцев с того, кто сдирает кору с дерева, снимали кожу. (Какое кошунство, когда елку ставят на полу в крест! Пусть деревянный, нескладно сколоченный, но тем не менее – крест). К тому же дереву тоже больно, когда его пилят, рубят, валят. Поэтому вот уже много лет я покупаю елки исключительно в кадках. Они стоят у меня дома, украшенные вагой вместо снега, до конца января, а затем организуется торжественный акт пересадки деревца в землю. Заметьте: живого дерева! Я делал это во Франции, а теперь так делаю и в России. Кто-то скажет: «Это невозможно! В России земля зимой проморожена». Отчасти это верно. Однако достаточно продолбить верхний ледяной слой почвы (всего несколько сантиметров) и можно уже вырыть ямку, достаточную для посадки елки. Ведь в Подмосковье земля промерзает только сверху, да и зимы не балуют нас январскими морозами в последнее время. Как-то начал я считать, сколько елок спас от уничтожения таким образом, и со счета сбился. Пусть они и впредь растут и глаз радуют!..

Правда, на днях ко мне на дачу заглянул старый приятель, окончивший в давнюю пору какую-то сельскохозяйственную академию, и принялся разглядывать мои диковатые посадки. И говорит этак вскользь: «Больно уж ты любишь пихты!..» Оказывается, те деревца,

что я всегда считал елками, на самом деле были пихтами. А мне их когда-то продали как «новогодние елки». Ну и пусть! Пихта, как и ель, – прекрасное вечнозеленое растение из породы сосновых. Значит, она тоже атрибут нашего Нового и Старого года во всех его ипостасях. И прекрасно!

«Квадратный» календарь

А теперь о другой неожиданности... 2025-й, считают любители математических парадоксов, – первый квадратный год после 1936-го, поскольку является полным квадратом числа 45 (1936-й был квадратом числа 44). Выражение «квадратный год» не является общепринятым, но существует стойкое мнение, что правильнее говорить про год именно так. Согласно этой концепции, у года четыре стороны, практически равных: верхняя – зима, нижняя – лето, правая – весна и левая – осень. И правда, получается, что год вовсе не круглый, как считает большинство людей. Выходит, что выражение «круглый год» – не более чем фигура речи. Да, сезоны плавно сменяют друг друга, образуя собой замкнутый годичный цикл. Но, учитывая все более частые в наше время погодные и климатические катавасии (уж не говорю о политике!), начинаешь понимать: годы в последнее время вовсе не такие уж гладкие и круглые, а все больше колючие, скорее, квадратные.

Впрочем, каждый год, к счастью, начинается у русских с необычного праздника, который хотя бы временно примиряет нас с неласковой действительностью. Эта фиеста называется Старый Новый год. Обожаю этот праздник с большой историей, которую не устаю иностранцам разъяснять. Россия при царях жила по календарю, названному юлианским, – экивок

на Юлия Цезаря с его любовью к древнеегипетской астрономии. Европа же существовала на основе григорианского календаря, введенного Римским папой Григорием XIII в 1582 году. Между календарями была разница, составлявшая 13 дней, что создавало сложности для ведения международных экономических и политических дел. С приходом большевиков к власти 14 февраля 1918 года Россия была переведена на григорианское хроноисчисление.

Почему бы и нет, по большому счету? Ведь благодаря этому у россиян появился еще один прекрасный праздник – Новый год по старому стилю, или Старый Новый год, отмечаемый в ночь с 13 на 14 января. Кстати, его отмечают не только в России, но и в некоторых странах бывшего СССР, а также в Черногории, Сербии, Швейцарии, Алжире, Марокко, Тунисе, Японии.

Случайностей, как мы знаем, не бывает. Старый Новый год совпал с давним, любимым на Руси праздником – Васильевым днем. Еще его называли «щедрый вечер», потому что люди проявляли щедрость во всем и главное – в накрытии стола. По традиции хозяйки готовили пшеничную кашу с мясом или салом, пекли блины и пироги, а вечером вместе с соседями устраивали ужин. Существовало поверье, что тот, кто приготовит самое вкусное блюдо, будет весь год удачлив. Особенно ценились угощения из свинины, считалось, что Святой Василий является покровителем свиноводов. (Василий происходит от греческого прилагательного *βασιλειος*, означающего «царский», «царственный»; много столетий имя Василий было в России вторым по популярности после имени Иван).

Новогодняя почтовая открытка СССР. Художник А. Савин. 1981

И как тут не вспомнить о так за-
павшей мне в память женщине с шо-
коладками в метро! Сдается мне,
что она все-таки искала в конфетах
сюрприз. Может, просто отмеча-
ла свой Старый Новый год. Ведь
в ночь на 13 января у русских была
традиция лепить вареники с сюр-
призом. Готовили их всей семьей
на протяжении целого дня. Когда
лепили, давали простор фантазии.

Сюрпризом могло быть что угодно.
Считалось, что тот, кому он доста-
нется, обеспечен удачей на весь год.
Не говоря уже о том, что у каждой
неожиданности была своя тема.
Скажем, фасоль, попавшая в варе-
нике, – к пополнению в семье, а зерно
черного перца – к острым ощу-
щениям. Вареник с сахаром зна-
менует «сладкую жизнь», а если
попалась монетка, гарантированы

богатство и достаток. Вареник
с укропом или с какой-либо другой
«зеленушкой» принесет здоровье,
а вот нитка в варенике (как это не-
приятно!) уведет в скорое путе-
шествие. Главным было не забыть
предупредить гостей, чтобы они
ели аккуратно, иначе от некоторых
начинкок-сюрпризов рисковали по-
страдать их зубы.

«Как встретишь Новый год, так
его и проведешь» – это и о празд-
новании Старого Нового года.
Еще существовало поверье, что,
если в дом зайдет первым человек
из многодетной семьи, жизнь будет
в сытости и достатке.

Не обходилось и без погодных
примет. Если в ночь Старого Ново-
го года задует южный ветер, целый
год будет теплым и добрым. Если
западный – ждите много молока
и рыбы. А чистое звездное небо
над головой сулит летом и осенью
обилие плодов и ягод.

А теперь о том, что нельзя делать
в Старый Новый год. Во-первых,
не стоит брать и давать деньги
в долг. Иначе так год и проведете:
то будете долги отдавать, то ждать
их возвращения от других. Пом-
ните: берешь чужие, отдаешь свои.
Во-вторых, нежелательно встречать
Старый Новый год исключительно
в женской компании, считается, что
тогда вы потом рискуете весь год
провести в одиночестве. Убираться
по дому в этот день тоже не стоит,
иначе можно случайно вынести
на улицу удачу вместе с комнат-
ным мусором.

«Борщок» на Монмартре

Все это я объяснял Мирей Ма-
тье в ночь Старого Нового года
(который во Франции порой на-
зывают «русским Новым годом»)
на Монмартре.

А дело начиналось так... Мирей,
с которой мы были знакомы мно-
го лет, позвонила мне и сказала,

что знаменитый ресторатор Эдуар
Карлье отмечает Старый Новый
год. Чтобы у праздника появился
русский колорит, Карлье хотел бы
пригласить на него Мирей Матье
(ведь она много выступала в Москве
и поет по-русски), а заодно и ее рус-
ских парижских друзей, то есть меня
с женой. Заманчивое предложение!

Карлье был культовой фигурой
Монмартра. В 1974 году он пре-
вратил булочную, которая распо-
ложена в Восемнадцатом округе,
слева по крутой улочке, поднимаю-
щейся к базилике Сакре-Кер (Свя-
того Сердца Христа), в один
из наиболее престижных рестора-
нов Парижа. И назвал его «Бовилье»
– в честь Антуана Бовилье,
шеф-повара графа Прованского,
будущего короля Франции Людо-
вика XVIII. Кстати, именно Бовилье
приписывают создание самого тер-
мина «ресторан».

Ах, какой праздник ожидания
праздника! Мы с женой принялись
гадать, что день грядущий нам гото-
вит. Честное слово, мы никогда еще
не видели, как французы отмечают
«русский Новый год». И наши
ожидания оправдались с лихвой.

В «Бовилье» все и в самом деле
было обставлено «а ля рюс». На
входе встречал гостей огромный
верзила в костюме не то стрелца
эпохи Ивана Грозного, не то пра-
вославного монаха. Гарсоны были
обряжены в казаков из голли-
вудских картин. Царствовал же
в заведении – единолично, везде-
суще – сам Карлье, с усами, нари-
сованными жженой пробкой, в па-
пахе и почему-то в малоросской
косоворотке.

Мирей пришла не одна – с млад-
шей сестрой Матит, с которой она
живет в уютном доме в париж-
ском пригороде Нейи, и со своим,
как она его представила, «виза-
жистом». Об Оливье, известном
мастере по макияжу звезд (я его
сразу узнал), ходило по бульварам
немало легенд. Дескать, он, нередко

появляющийся на различных суа-
ре рядом с Мирей, является ее
«секретным мужем». Отношения
между ними, и правда, были самыми
трогательными, но вовсе не говори-
ли об их особой близости, как мне
показалось в тот вечер.

Стол был знатный, настоящий
русский новогодний стол: соленые
огурчики, салат, отдаленно напо-
минающий наш «оливье», борщ
(почему-то названный «борщок»:
так, наверное, французам легче про-
износить), в изобилии зернистая
черная икра (!) в большой про-
зрачной вазе, селедка с картошкой,
бефстроганов... И главное укра-
шение – пузатая бутылка водки,
замороженная в ведерке изо льда,
в котором застыли цветы и какие-то
растения-вьюны.

– А ля внутрь! – провозгласил
Карлье классический тост русских
эмигрантов во Франции, и началась
прекрасная фиеста.

Мирей на удивление держала
удар: под пышки с икрой опроки-
дывала стопки со студеной вод-
кой одну за другой. Не отставали
и остальные.

– Сейчас появятся цыгане! –
Как новогодний подарок объявила
нам Матье.

И впрямь, откуда-то из задников
возникли музыканты ансамбля,
заявленного в программе как «цы-
ганский». Но ни одного музыкан-
та из табора я в нем не обнаружил.
Знакомые все лица: мои друзья
гитаристы-виртуозы Серж Кампс
и Петя Прокудин-Горский... А со-
листка – армянка Лиля, давно кося-
щая под Эсмеральду по всем париж-
ским русским кабакам.

«Две гитары за стеной жалоб-
но...» – затянула «цыганка Лиля».
Мирей замерла, вслушиваясь
в сильный голос Лили. И не сдер-
жалась, подхватила мгновенно по-
русски: «Эх, раз, еще раз!..» Мой
хороший товарищ Сережа Кампс,
полурусский-полуфранцуз, под-
мигнул мне плутовским взглядом,

и я включился: «... еще много-
много раз!» Кто-то из гарсонов
Карлье принялся танцевать впри-
сядку. «Эх, раз, еще раз!..» – заве-
лся весь зал. И в центре всеобщего
новогоднего внимания была она,
несравненная, неповторимая Ми-
рей Матье. Вслед за «Двумя гитара-
ми» она исполнила по-русски под
цыганские гитары русских парижан
«Очи черные», «Подмосковные
вечера»... Публика, никак не ожи-
давшая такого импровизирован-
ного концерта, была в восторге.
Мирей, удивительная, раздавала
налево и направо автографы, не от-
казывая никому.

В общем, «русский Новый год»
удался! Перевалив за полночь, мы
позвонили в Авиньон, малую роди-
ну Матье, ее маме. Потом моя жена
предложила: «Начался год Тигра.
Не сыграть ли нам в “Тигр идет!”?»
После объяснения французам пра-
вил этой славной алкогольной игры
все приняли идею единогласно.
Раз! – Пьем до дна. Два! – Зву-
чит сигнал: «Тигр идет!» Три! –
Дружно залезаем под стол. И так
три раза. Обе сестры Матье такое
испытание выдержали, а нежный
визажист Оливье после третьего
захода с водкой без закуски остался
под столом.

За окном начало светать. Свечи
в канделябрах, расставленных Кар-
лье по столам, истаяли до корешка.
Мы засобирались по домам. Мирей
с сестрой отправились на лимузи-
не с личным шофером Матье к себе
в Нейи. Оливье, которого подняли
и благополучно упаковали в такси
«казачки» из ресторана, возвра-
щался отдельно. Еще до того как
визажиста загрузили в машину, он
окуклился и захрапел. Бывает...
Особенно после праздника «а ля
рюс». Все-таки надо было Оливье
накладывать себе больше сала-
та «оливье».

Поверьте: и в Париже можно
достойно встретить «русский
Новый год».

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

«Вечная участь каждого человека является продолжением того духовного состояния, которое было свойственно ему в земной жизни»

Преосвященные архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

Воздавая хвалу в Троице славимому Богу и разделяя со всеми вами радость нынешнего торжества, обращаясь к вам, православным чадам нашей Церкви, проживающим как в России, так и в других странах пастырской ответственности Московского Патриархата, и сердечно поздравляю с праздником Рождества Христова – праздником воплощенной любви Творца к Своему творению, праздником исполнения обетования о пришествии на землю Сына Божия, праздником надежды на спасение и вечную жизнь.

Велие и преславное чудо совершился днесь: Дева раждает и утроба не истлевает: Слово воплощается и Отца не отлучается. Ангели с пастырьми славят, и мы с ними вопием: слава в вышних Богу, и на земли мир (стихира праздника). Такими словами Церковь Христова свидетельствует о таинственном событии, которое произошло более двух тысячелетий назад в Вифлеемской пещере и изменило весь дальнейший ход мировой истории. С изумлением и благоговением мы преклоняем колена наших сердец перед этой непостижимой человеческим разумом тайной Божественного замысла о спасении. С благодарением принимая сей жертвенный

дар Творца и Промыслителя, тако о нас изволившего, мы исповедуем благодать, проповедуем милость, не таим благодеяний (молитва великой агиасмы).

Что же нам, христианам XXI века, надлежит делать, чтобы стать участниками этого поистине бесценного благодеяния Божия и удостоиться Его Царства, уготованного от создания мира (Мф. 25:34)?

Все, что мы можем и должны сделать в своей жизни, – ответить на Его любовь взаимностью. А это значит, верить и всецело доверять Богу, исполнять евангельские заповеди, *уклоняться от зла и творить добро* (Пс. 33:15), быть, по призыву Спасителя, *светом миру и солью земли* (Мф. 5:13-14).

Будучи наделенным свободной волей и неотъемлемым правом выбора, любой человек может либо принять Христа, либо отвергнуть Его, быть на стороне света – или погрузиться во тьму греха, жить по совести – или *по стихиям мира сего* (Кол. 2:8), посредством добрых дел созидать в сердце своем рай – или, напротив, творя зло, уже здесь, на земле, испытывать адские муки. Другими словами, каждый из нас призван к радости и полноте жизни, говоря простым языком, к счастью, а оно – это важно сознавать и понимать – невозможно без Бога, ибо Он – источник жизни и всех благ, Он – Творец и Промыслитель, Он – любящий Отец,

наш заботливый Помощник и Покровитель. Обладая свободной волей, человек может избрать жизнь и достичь богоуподобления, но он также свободен и в выборе для себя другой, безбожной и безблагодатной жизни, ведущей к гибели.

Вот почему Господь, Который создал нас, все же не спасает нас без нашего участия. В сопряжении воли Божией, благой и совершенной (Рим. 12:2), с волей человеческой, пусть несовершенной, но стремящейся к добру, – залог нашего успешного прохождения земного поприща. В конечном итоге, вечная участь каждого человека является продолжением того духовного состояния, которое было свойственно ему в земной жизни.

Памятуя об этом, будем, по слову апостола Павла, стремиться стяжать в себе *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5:22-23) и другие дары Духа. Будем делать все возможное, чтобы оставаться нам христианами не только по имени, но и по образу жизни, по отношению к родным и близким, к соратникам и сослуживцам, к каждому человеку, нуждающемуся в нашей помощи и участии, сочувствии и поддержке.

Во все дни, наипаче же в сей великий праздник, мы призваны усердно молиться *о мире всего мира и благостоянии святых Божиих Церквей, о недугующих, страждущих, плененных и о спасении их*. Значимость этих прошений ныне весьма актуальна, ибо силы зла, брани и разделений хотящие, ополчились на Православие. Они сеют вражду и ненависть, используют любые средства для воплощения своих коварных замыслов. Но мы верим и надеемся, что силой Божией все немошные дерзости демонов и их приспешников будут посрамлены. Так было не раз в прошлом, так будет и сейчас. Многовековой опыт Церкви убеждает нас в этом.

Особую благодарность выражаю всем, кто, совершая ныне пастырское служение в пределах Украины, порой с риском для жизни и здоровья продолжает хранить верность каноническому Православию, кто безбоязненно идет по пути исповедничества, претерпевает поношения и скорби за Христа и за Церковь. Таковым мужественным защитникам и поборникам Истины да поможет Господь в испытаниях и да вменит страдания их в праведность.

Несмотря ни на что, духовно мы едины. Мы едины, ибо вышли из единой крещальной купели. Мы едины, ибо совокупно являем полноту Единой, Святой Соборной и Апостольской Церкви. Мы едины, ибо связаны неразрывными узами любви во Христе. Мы едины, ибо непреложны слова Спасителя, сказавшего: *«Я с вами во все дни до скончания века»* (Мф. 28:20). Посему нам, христианам, некого и нечего бояться, о чем и напоминает апостол Павел, восклицая: *«Если Бог за нас, кто против нас?»* (Рим. 8: 31). Вдохновляясь этим обетованием, мы живем и созидаем, боремся и побеждаем именем Господним, ибо, как пишет святой апостол Петр, *«нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись»* (Деян. 4:12). Не было, нет и не будет, – свидетельствует Церковь.

Со времени пришествия на землю Господа и донныне всем верующим в Него дарована возможность быть чадами Отца Небесного, ибо, как утверждает святой апостол Павел, *теперь мы свои, а не чужие Богу* (Еф. 2:19). И это означает, что все мы – Его дети, а в Нем и через Него – родные и близкие друг другу.

В богослужениях и священнодействиях Церкви, которая является местом встречи человека со своим Создателем, нам приоткрывается завеса вечности и уже здесь, на земле,

дается предвкушение грядущей полноты бытия, когда, по слову Священного Писания, *будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15:28), когда никто и ничто не сможет отлучить нас от любви Божией (Рим. 8:39), от радости общения с Ним, когда *отрет Бог всякую слезу с очей человеческих, и смерти не будет уже, ибо преждее прошло* (Откр. 21:4).

Возвещая людям благую весть о пришествии в мир Спасителя, Церковь, как чадолюбивая мать, всех призывает уверовать во Христа и жить по Его завету, дабы стать наследниками вечного блаженства. Поистине Господь пришел на землю, чтобы нас возвести на небо. Он неизменно предлагает людям следовать путем духовно-нравственного преобразования, которое достигается исполнением евангельских заповедей, добровольным сотрудничеством человека и Бога, содействием Его благодати, ниспосылаемой в Таинствах Церкви.

И если во взаимоотношениях с людьми, в повседневных делах и заботах мы научимся руководствоваться Божественными установлениями, то многое изменится не только в нас, но и вокруг нас: жизнь обретет подлинный смысл, наполнится настоящей радостью и счастьем.

Будем же достойны христианского звания и призвания. Будем идти по жизненному пути с твердой верой и непоколебимой надеждой на помощь свыше, радуясь каждому новому дню и новой возможности творить добрые дела, любя ближних и *благодаря Бога всегда и за все* (Еф. 5:20), Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

С праздником всех вас, мои дорогие, с Рождеством Христовым!
**+КИРИЛЛ, ПАТРИАРХ
МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
Рождество Христово
2024/2025
Москва**

ОБЕЩАНИЯ БОГОЯВЛЕНИЯ

В Богоявленские дни Церковь особенно молится и просит благодати, чтобы в сплошные нарушенные обещания не превращалась жизнь верующих

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор теологии, священник

«Крещение Господне». Икона из праздничного чина иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. Начало XV века

Богоявление, которое также именуется Крещением Господним, отмечается Русской Православной Церковью 19 января. В этот же день Богоявление празднуется Сербской, Грузинской, Иерусалимской,

Польской Православными Церквями, а также на Святой Афонской Горе. Все они придерживаются юлианского календаря в своей богослужбной практике. Поэтому уже 15 января начинается

предварительное празднование этого торжества, которое на языке богослужебного устава называется «предпразднеством». День накануне праздника, Навечерие Богоявления, или Крещенский сочельник, обладает особенной торжественностью. Уступая по своей продолжительности только Пасхе, Праздник Богоявления длится целых девять дней и завершается 27 января его Отданием. Подобные подробности часто остаются без внимания верующих. Однако именно они позволяют осознать значение и важность для жизни Церкви того или иного праздника.

Образно выражаясь, можно сказать, что Господь Иисус даровал Своей Церкви, как Обществу Верующих, праздник Богоявления. В глубокой христианской древности это был первый после Пасхи праздник, объединяющий в себе все торжества и смыслы, кроме событий Крестной Славы и Воскресения.

Ведь ни Рождество Христово, ни другие великие дни воспоминания деяний Господних, помимо «малой Пасхи» воскресений, еще не отмечались. Дело в том, что «днем рождения», или «рождеством», ранние христиане называли дни памяти, то есть мученической кончины мучеников. В этом контексте подлинным «Рождеством Иисуса» была бы «Великая Пятница»!

Итак, именно Богоявление объединяло в себе все то, что Бог явил для нашего спасения во Христе Иисусе в истории. Господь явился, открывая множество смыслов. Все они, одни более очевидно, другие

менее, празднуются и продолжают праздноваться в Богоявлении.

«Ныне Ты явился Вселенной, и свет Твой, Господи, ознаменовался на нас, в разумении поющих Тебе: “Ты пришел и явился, Свет Неприступный”», – поется в одном из главных песнопений этого праздника, его кондаке. Интересно, что «Вселенной» Отцы Церкви и их современники именовали Римскую империю, с которой тогда отождествляли населенный цивилизованный мир. Явление света, разума, дар способности славословить и петь Богу, Которого знаем через Откровение, стали важной составляющей Богоявленского торжества. Со временем, с появлением Рождества и других празднований, одной из важнейших тем Богоявления в Православии стало крещение Господа Иисуса от Иоанна в Иордане, выход Его на проповедь, тогда как в западном христианстве главной темой стало поклонение волхвов.

«При крещении Твоем во Иордане, Господи, открылось поклонение Троице. Ибо голос Родителя свидетельствовал о Тебе, именуя Тебя Возлюбленным Сыном. Дух же в виде голубя подтверждал непреложность Его слова. Явившийся Христос, Бог, просветивший мир, слава Тебе», – поется в главном песнопении праздника, тропаре. Важно, что в древности праздник также назывался Просвещением, или Днем Светов. На литургии вместо Трисвятого пения поется гимн «Елицы», который представляет собой краткое первохристианское исповедание веры, приводимое в Послании к Галатам Апостолом Павлом: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3:26).

Очевидно, что в древности, когда Рождество Христово еще не праздновалось, но был лишь День Богоявления, совершалось крещение приходивших к вере. Отсюда и название праздника, связанное со светом.

Знание о Боге в православном христианстве разделялось на теологию и домостроительство. Теология, то есть богословие, это наука или размышление о Боге в Себе Самом. Домостроительство, дословно «икономия», или «экономика», рассуждало о действии Бога в мире по спасению в истории. Со временем это деление во многом стерлось, так что слово «теология» стало общим

термином для обозначения науки божественных вещей. Однако во времена, когда устанавливалось празднование Богоявления, деление на теологию и экономию было весьма актуально. Поэтому этот праздник становился олицетворением божественного домостроительства, икономии и попечения о мире, одним из полюсов литургического года Церкви. Другим же всегда была Пасха.

Важное призвание богословия, особенно в современном контексте почти тотальной секуляризации, заключается в раскрытии скрытых богословских смыслов привычных вещей. «Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь

«Крещение Господне». Икона из праздничного чина Успенского собора во Владимире. 1408

ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн допускает Его», – так в Евангелии от Матфея говорится о Крещении Господа Иисуса в Иордане от Иоанна (Мф. 3:13–15). Одним из таких смыслов события Богоявления является подчинение Господа Иисуса человеческой религиозности.

Слова Евангелия до конца истории будут предметом размышления и истолкований. Господь явился на Иордане. Он приблизился к Иоанну и просил, быть может, требовал креститься от него. Повидимому, Иоанн был намерен ответить отказом. Он видел, что перед ним Мессия. Крещение было знаком покаяния, обновления Завета и как таковое обозначало смирение

Святой Августин. Работа итальянского художника сиенской школы Бартоло ди Фредди. XIV век

и не было жестом мессианским. Но Господь Иисус остановил сомнение Иоанна. Он подчинил Себя человеческой религиозности.

Библия, библейский закон и библейские времена – великий дар откровения. Множество пророков и праведников из поколения в поколение, из столетия в столетие создавали этот божественный дом религиозности, который мы называем Ветхим Заветом и библейской верой. Многие святые оставили после себя Писания. Но в отличие от, например, ислама, в котором Коран воспринимается, как божественное слово, данное людям без человеческого вмешательства или посредничества, Библия написана руками людей.

Конечно, она вдохновлена Богом. «Верую в Духа Святого, Господа, Животворящего, от Отца исходящего, говорившего через пророков», – говорится в Символе Веры. Духом Святым пророки, праведники, верующие люди создавали библейскую религию, которая состояла из записанного и незаписанного слова. Эта религия создавалась подобно удивительной книге с великим множеством повествований, постановлений, историй, правил и слов. Это происходило Духом Святым и творчеством людей.

Но человеческое творчество всегда несовершенно. В нем всегда чего-то недостает или же много всего излишнего. Поэтому, когда Господь явился в мир, библейская религия сформировала закон, который сделался огромным сводом правил, который в итоге люди обратили против Него Самого, стал приговором, обрушившимся на Его главу.

«Изгонят вас из синагог, даже наступают время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу», – сказал в Евангелии от Иоанна Господь, предсказывая, что произойдет с Ним Самим и с Его учениками и Апостолами (Ин. 16:2).

Он был распят на Кресте по ложным обвинениям. Но прежде Господь благоволил спасти не только человечество, но и человеческую религиозность. Крестившись от Иоанна на Иордане, Он подчинил Себя библейской религии и религиозному закону. Подчиняя Себя таким образом в крещении, Он начал преобразовать эту религиозность. С того момента вся история мира сделалась путем преобразования религиозного и наполнением его присутствием Духа вплоть до Второго Пришествия Господня.

В повседневной жизни, общественной сфере и даже в политике мы часто встречаемся с разными религиями. Порой нам кажется, что в них, выражаясь знаменитой формулировкой Фридриха Ницше (1844–1900), слишком много слишком человеческого. «Человеческое, слишком человеческое» было названием его философской работы.

Более того, создается впечатление, что Сам Бог заключает Себя в рамки человеческой логики, устами людей диктует то, что Богу никак не присуще. Ведь Бог есть любовь, милосердие, прощение, спасение. «Будем любить друг друга, потому что Любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него», – пишет Апостол Иоанн в своем Послании (1 Ин. 4:7-9). Но в религиях часто бывает не так. Потому что люди не готовы преобразоваться с Богом, в человеческих религиях не хватает, просто нет той благодатной силы, которая была явлена во Христе Иисусе.

Правильный образ празднования Богоявления раскрывается в благодарной радости о причастности подлинной православной христианской вере. При этом настоящая причастность к этой вере

начинается и раскрывается в собственном деятельном преображении человеческой религии, которое продолжается в истории. Так, чтобы христианское предание не угасало в человеческих фантазиях, каковыми на самом деле являются распри, расколы, ереси, не построенное на библейских словах мировоззрение. «Горé имеем сердца», – начинаются слова евхаристической молитвы. «Возвысим сердца!» Раскрытие ума и сердца навстречу Богу делают сердцебиение подлинной религии силой преобразования мира.

«Величаем Тебя, Податель жизни Христе, нас ради ныне плотью крестившегося от Иоанна в водах Иорданских», – поется в другом важнейшем песнопении праздника, называемом Величанием. В праздновании Богоявления соприкасается множество традиций. Это и крещение приходивших к вере, которое совершалось в древности и о котором мы уже упоминали. Это и купание в водоемах – обычай, который с необыкновенной силой распространился в новейшее время в нашей Церкви. Как и всякая реальность, в которой сакральное, то есть священное, соприкасается с повседневным и человеческим, обычай этот нуждается в правильном истолковании. «Церковь – это сообщество толкователей», – таково одно из определений Церкви. Правильное толкование преобразует понимание.

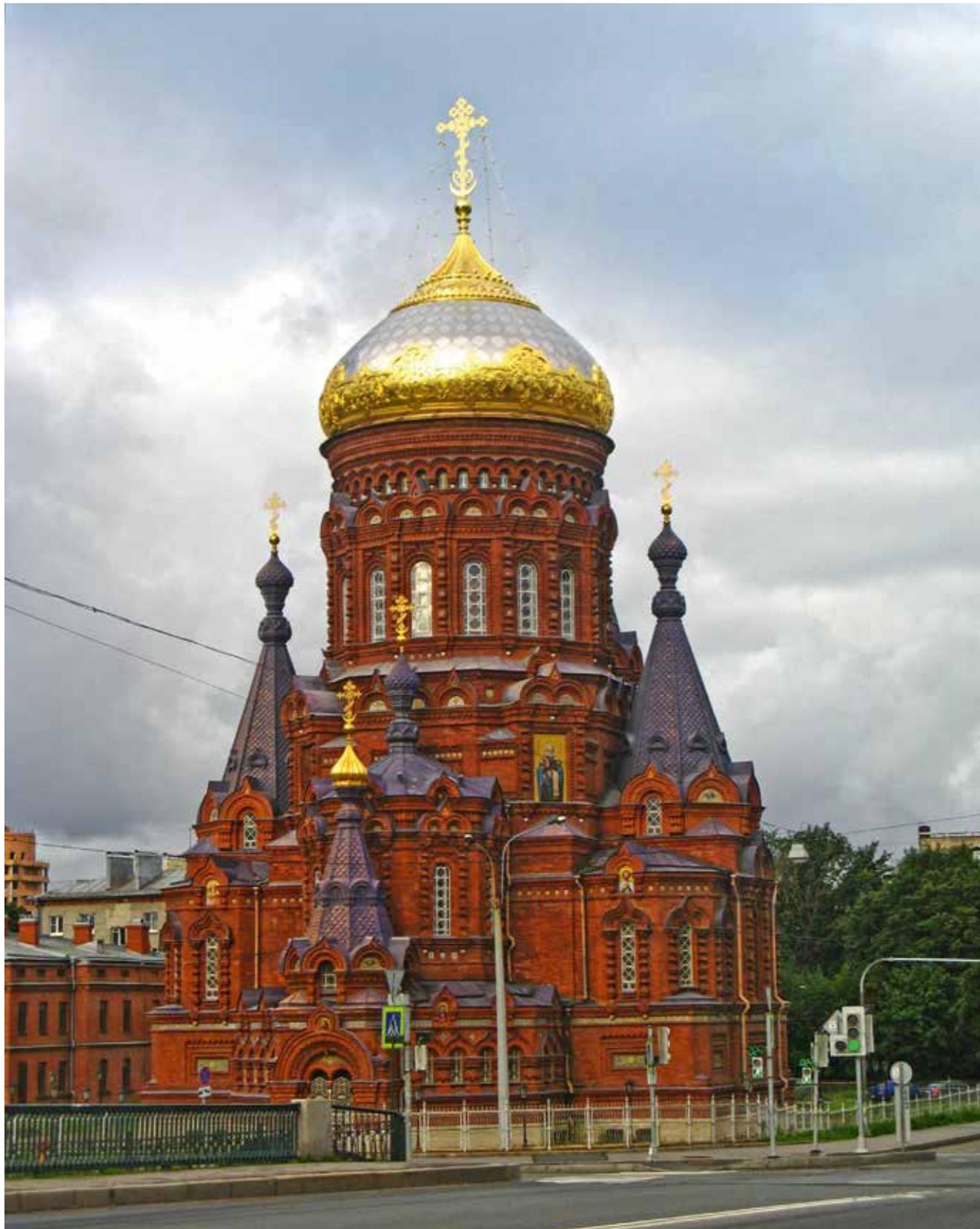
Традиция погружения в освященную воду напоминает об обетах крещения. «Отрекаешься ли ты от сатаны, от всех дел, от всякого служения его и от всей гордости его?» – этот вопрос, который священник задает крестимому или его крестным, представляет собой три обета. Отречение от демонов, от дьявола и злых людей предваряет таинство крещения. Эти обещания чрезвычайно серьезны, это трагические обеты, которые никакой человек не способен в совершенстве исполнить.

«Верую во едино крещение во оставление грехов», – говорится в Символе Веры. Крещение не повторяется, оно совершается раз и навсегда, единожды в жизни. При этом крещение взаимно признается в различных христианских конфессиях. Поэтому обеты крещения не подлежат воспроизведению, но они возобновляются через воспоминание и повторение устами, умом и сердцем.

Чин благословения воды на Богоявление именуется Великим Освящением. В течение года он совершается только на сам Праздник Богоявления. Исключительно важно, что по своему содержанию текст молитвы на освящение воды совпадает с молитвой, которая читается на освящение воды перед совершением таинства крещения. Если есть желающие креститься, то такое освящение для крещения совершается в церквях повсюду постоянно и даже ежедневно. Внимательное присутствие на таинстве крещения позволяет воочию убедиться в идентичности обоих текстов.

Молитва на освящение воды является удивительным по своей силе богослужебным текстом. Он обладает особой догматической ясностью, библейским смыслом и одновременно редкой поэтической силой. В отличие от многих других богослужебных молитв православного литургического чина, эта молитва непременно произносится священником вслух, что позволяет верующим духовно насладиться дарованной человеку во Христе Иисусе глубиной молитвенного воззвания к Богу. Начинается она с провозглашения величия Божия: «Велик Ты, Господи, и дивны дела Твои, и никакое слово не может в полноте прославить величие чудес Твоих».

Эти слова, вдохновленные библейскими псалмами (Пс. 47; 95; 103; 144; 146), прославляющими творение Богом мира, также

Церковь Богоявления Господня (Гутуевская) в Санкт-Петербурге. 1892

напоминают нам вступление к одному из величайших в истории человечества литературных произведений – «Исповеди», автором которой является Отец Церкви святой Августин (354-430). «Велик Ты, Господи, и всемерной достоин хвалы; велика сила Твоя и неизмерима премудрость Твоя. И славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих; человек, который носит с собой повсюду смертность свою, носит с собой свидетельство греха своего и свидетельство, что Ты “противишься гордым”». Так коллективная историческая память Церкви, основанная на Библии, которую христиане знали наизусть, говорила о себе в индивидуальном гении древних церковных авторов и в созданных ими литературных произведениях.

Славословие Богу в молитве освящения воды с самого начала превращается в гимн божественному творению. «Тебя воспевают солнце, Тебя славят луна, перед Тобою ликуют звезды, Тебе внимает свет, перед Тобою трепещут бездны. Тебе служат источники». При этом, созданный Богом мир не восхваляется сам по себе, как это часто провозглашается в небиблейской религиозности и современных зеленых идеологиях, но в устах авторов молитвенных текстов становится местом славословия, топосом хвалы, которая в ответ на первоначальное творческое деяние Бога непрерывно восходит в ответном обращении к Творцу, но парадоксальным образом остается незамеченной или, лучше, не услышанной самим человеком. Силы, действующие в этом процессе славы, поистине грандиозны и удивительны. «Ты простер небеса, как шатер, Ты на водах утвердил землю, Ты оградил песком море, Ты для дыхания живущих измил воздух», – говорится в молитве.

Небеса, воды и воздух – эти наши спутники в повседневном существовании человека на земле обычно воспринимаются как категории

покорения. Молитва преподносит их как образы хвалы и удивления. От мира видимого она переходит на мир ангельский. «Тебе служат Ангельские силы, Тебе поклоняются соборы архангелов, Ты окружен стоящими и летающими многоокими херувимами и шестикрылыми серафимами, покрывающими себя в страхе от Твоей неприступной славы». Подчеркнуто, что библейский трепет ангельских сил перед Богом очень важен. Ангелы в Священном Писании и православном христианстве – не самостоятельные автономные действующие силы, но исполнители исключительно Его воли. Как о них пишет наш современник, великий итальянский философ Джордж Агамбен (род. 1942), «ангелы суть бюрократы Бога».

Одновременно, и в этом одна из важных составляющих духовности Православия, ангелы – это образ монашества. Как об этом говорит одно из важных древних святоотеческих изречений: «Для монахов свет – ангелы, а для мирян свет – монахи». Здесь мы переходим из категорий этики, которая в своем евангельском измерении обязательна каждому верующему, к миру аскетике.

Действительно, Православной Церкви свойственно особое внимание, забота и уважение к монашеству. Центральным моментом монашеского посвящения являются обеты. Каково же их происхождение? Существуют разные объяснения. В контексте Праздника Богоявления одно из них является особенно полезным.

Одним из основоположников монашества в христианской православной традиции был святой Пахомий Великий (292–348). Житие святого говорит, что еще до своего обращения к вере он был принудительно рекрутирован в ряды языческой Римской армии в Египте. Добрые христиане узнали об этом и спасли его от этой участи

фактического пленения и недобровольного призвания.

В благодарность, уже будучи христианином, Пахомий создал монастыри, организация жизни которых удивительным образом напоминала армию. Со временем тысячи присоединялись к нему, желая жить по-монашески. Среди них было множество некрещеных. На Пасху они принимали крещение и торжественно произносили обеты. Это не были какие-то дополнительные обещания, но именно обеты крещения. Таково происхождение монашеских обетов. Удивительное «смещение горизонтов», как назвало бы это явление философское мышление.

Со временем верующие стали забывать об этом подлинном, единственном и неповторимом характере крещенских обещаний. Освящение воды на Богоявление, погружение в водоемы и любое другое соприкосновение с водной стихией в праздничные январские дни призвано стать подлинным возобновлением обетов святого крещения. К слову, в католической традиции такое «возобновление обетов» торжественно совершается в богослужении пасхальной ночи. Получается, что в Православии такое возобновление сохранилось в литургической жизни Богоявления.

Бог не требовал от верующих обетов. Мы сами принесли их Богу. «Нарушенные завещания», как назвал свое эссе наш современник, писатель Милан Кундера (1929–2023).

Постоянством в добре называла верность христианскому призванию даже до последнего мгновения существования человека Древняя Церковь. В Богоявленские дни Церковь как Общество Верующих и, главное, как ходатайствующие уста Христовы (ср. Рим. 8:34) особенно молится и просит благодати, чтобы в сплошные нарушенные обещания не превращалась жизнь верующих.

«НЕ УМОЛКНУ... НЕ УСПОКОЮСЬ...»

Василий Хитрово жил с острым осознанием своей миссии на Земле

Подготовил
КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Не ошибемся, если скажем, что широкой публике этот человек вряд ли известен. А зря! Ведь Хитрово был одним из наиболее своеобразных персонажей российской истории конца XIX столетия. Государственный и общественный деятель, финансист, писатель и, наконец, удивительный христианский подвижник.

Для справки и во избежание недоразумений: к Хитровому рынку и к Хитровской площади в Белокаменной Василий Хитрово не имеет отношения. Эта некогда криминальная достопримечательность Москвы, воспетая Владимиром Гиляровским, Максимом Горьким и Власом Дорошевичем, обязана своим появлением после пожара 1812 года генерал-майору Николаю Захаровичу Хитрово, зятю Михаила Илларионовича Кутузова и родственнику Василия Хитрово.

Мы же будем говорить о главном инициаторе создания Императорского православного палестинского общества (ИППО), основанного державной волей императора Александра III в 1882 году, Василию Хитрово и о деле его жизни – Русской Палестине.

Императорское православное палестинское общество уникально по своему значению в истории

Василий Николаевич Хитрово

отечественной культуры. Уставные его задачи – содействие паломничеству на Святую Землю, научное палестиноведение и гуманитарно-просветительное сотрудничество с народами стран Библейского региона – тесно связаны с традиционными духовными и культурными ценностями русского народа, с приоритетами российской внешней политики.

Диалог об этом ведут кандидат исторических наук Института российской истории РАН Рита Бутова и директор научно-просветительского центра «Индрик» Кирилл Вах. Оба они – активные члены ИППО. Рита Бутова – секретарь Научной секции ИППО, а Кирилл Вах – заместитель руководителя Научной секции ИППО. Он же – руководитель проекта «Василий Хитрово: мягкая сила Российской империи».

Помогут же нам понять происходившее на рубеже XIX и XX веков вокруг Русской Палестины фрагменты из писем и статей самого Василия Николаевича Хитрово, равно как и наши комментарии к ним.

Василий Хитрово: «Если есть на свете страна, которую можно назвать общей родиной человечества, то это, бесспорно, – Пале-

стина. Кто из нас не произносил священные имена Синая, Иордана, Иерусалима и Вифлеема тогда, когда не понимал еще различия между добром и злом? Три религии, верующие во Единого Бога, привыкли смотреть на Иерусалим как на средоточие их вероисповедания. Сорок веков прошли над этой страной, оставляя в ней, как геологические наслоения, свою летопись. Изучать ее – то же,

что изучать развитие рода человеческого...»

Жизнь Василия Николаевича Хитрово по ее насыщенности не уступает самому увлекательному роману. Ибо это был человек, который мог позволить себе сомневаться в самом себе, но в истине – никогда. Он знал, что надо верить, дабы действовать, а действовать – это значит, несмотря ни на что, вопреки обстоятельствам и конъюнктуре служить державе. Иного не дано! И Хитрово верил в Православие, в русский народ и в Российское государство. И трудился всю свою жизнь, успешно делая то, за что другие с таким вдохновением не брались.

Василий Хитрово: «Палестина представляется мне шерстным клубком, составленным из мелко нарезанных шерстинок, не только спутанных, но и сваленных вместе. Когда затем хочешь разобраться в этом клубке, то прежде всего приходится шерстинку за шерстинкой выпутать, разложить их по цветам и затем уже приступить к суждению, как о каждом цвете в отдельности, так и о взаимном их отношении, а эта работа в наш век пара и электричества не скорая.

Нигде в целом свете мы не найдем такого уголка, как Иерусалим, где как бы в большом караван-сарае сталкивались не только простые представители всего мира, но и фактические представители всех убеждений, всех верований... Это, позволю себе так выразиться, пандемониум современного человечества на почве древнего мира...

Понятно поэтому, что малейшее событие, там свершающееся, гулким эхом проходит по всему так называемому «образованному миру», и вновь выступает на очередь целый ряд вопросов, ожидающих ответа».

Рита Бутова: В чем состояли интересы России на Ближнем Востоке, с точки зрения Хитрово? Он был человеком выдающимся во многих отношениях. Но вот

что интересно: с начала 1870-х годов и до самой кончины он видел только две ипостаси присутствия России в Палестине. Это духовные интересы и интересы политические. Но вопрос – а где экономика?

Кирилл Вах: То, о чем мы сейчас говорим, нужно рассматривать комплексно, не отделяя один вопрос от другого. А деятельность Хитрово постараться увидеть в развитии. Так, его отношение к задаче России по поддержанию Православия менялось. Сначала он воспринимал Православие как нечто, частью которого Россия является на Востоке. Многие русские люди, оказавшись на Востоке, понимали, что духовное пространство, частью которого является Русская Церковь, более древнее. А по прошествии определенного времени, после знакомства с реалиями приходило, как, впрочем, и у начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), совершенно другое понимание. Потому что возникало ощущение, что Иерусалимская Церковь представляет собой узко корпоративную организацию, а не Матерь Церквей, о которой мы знаем из Священного Писания.

Р. Б.: А Константинопольская Вселенская Церковь? Разве не то же самое! Только Антиохийскую, пожалуй, можно назвать по-настоящему народной Церковью.

К. В.: И только потому, что России удалось в конце XIX века путем дипломатических усилий поставить там арабского кандидата. Но «народная» – это условно. Какого народа? А греческое Православие? Греков, принявших мусульманство, крайне мало, а арабов-христиан было крайне много. Население на Ближнем Востоке, было в конце XIX века христианским намного более, чем уже 50 и 100 лет спустя.

Василий Хитрово: «Древнейшее дошедшее до нас сведение о русских паломниках в Святой Земле

относится к 1022 году и сохранилось в рассказе о том, как святой Феодосий Печерский, тогда 13-летний юноша, встречает в Курске странников, идущих из Иерусалима... Если святой Феодосий, через 34 года после крещения Руси святым равноапостольным князем Владимиром, встречает не одного странника, а странников, идущих из Иерусалима, если об этой встрече упоминается в Патерике не как об особенном, случайном, выдающемся явлении, а наоборот, как о явлении обыденном, то мы вправе относить появление паломников не только ко временам святого князя Владимира, но и гораздо раньше – ко временам его бабушки святой княгини Ольги, когда первые лучи христианства осветили только что возникшую Русь. С этого времени почти непрерывной цепью, через целое тысячелетие, тянутся русские люди на поклонение к Живоносному Гробу Господню».

Р. Б.: Мы рассуждаем в парадигме духовных категорий. Если мы дальше будем рассматривать политику, будет то же самое. Взгляды Хитрово, ситуации, отношения менялись. Но почему все-таки нет экономики?

К. В.: У меня есть ответ, с ним можно не соглашаться. Хитрово мог опираться только на российские деньги. А турки, арабы и греки в Палестине взаимодействуют с европейскими капиталами. Не обязательно прямо с английскими, французскими или немецкими банками. Это были кредиты, которые давали туркам, например. Или это были кредиты, которые давались компаниям на строительство Суэцкого канала или на строительство железных дорог в Османской империи, строительство телеграфа и т.д. Это были крупнейшие иностранные капиталы, которые были вложены, должным образом оформлены, и это была действительно экономика. У России в Палестине да и в Турции ничего подобного тогда не было. У нас не было денег, которые

Сергиевское подворье Императорского Православного Палестинского Общества с флагом ИППО. Фото монаха Ф.М. Тимона. 1889

мы могли бы вливать на Восток, в его экономику. Все деньги, которые туда приходили из России, были частные деньги паломников, доброхотов, жертвователей. А это никогда не было экономикой страны, это можно отнести к экономике греческого Иерусалимского Патриархата, принимавшего денежные поступления из России.

Р. Б.: Но ведь Хитрово был государственный, для которого экономика очень близка, он занимался организацией ссудно-кредитных касс, изучал европейский опыт в Лондоне и Париже. Почему Василий Николаевич не видел этих перспектив в русском присутствии на Ближнем Востоке? Не придавал значения или не захотел сводить все к рублю? Изучая инославное присутствие в Святой Земле и размышляя, Василий Николаевич всегда интересовался тем, чем, например, занимаются немецкие переселенцы, как живут, сколько земли обрабатывают, какие сады сажают и прочее, он рассматривает их экономику.

При этом не нужно забывать, что в России в конце XIX века уже были крупные капиталы, которые вполне могли бы выйти на международный рынок. Но, изучая экономику католиков или протестантов, Хитрово смотрит на них узко национально и не видит российских перспектив.

У нас есть пример Германии. После поездки в Палестину осенью 1898 года кайзера Вильгельма II немцы на десятилетия получили практически весь Ближний Восток в экономическом плане. И вот этих перспектив Хитрово не видел и не понимал.

Василий Хитрово: «... Не на Гиндукуше или Гималаях произойдет борьба за преобладание в Азии, а на долинах Евфрата и в ущельях Ливанских гор, где всегда оканчивалась мировая борьба о судьбе Азии... Россия есть прирожденная наследница Византии, предания и легенды которой, столь важные для истории, перешли в Россию, которая одна осталась для защиты Православия и его колыбели...»

Счастливая судьба у того, в ком живет чувство верности избранному раз и навсегда пути. Хитрово с юных лет знал, что надо делать и зачем. Такая уверенность дана далеко не каждому. Откуда она появляется? Как воспитывается?.. Начало всему – семья. Очень верующая у Василия Николаевича. Любимой его литературой в детстве были Жития святых. Кстати, это мать в своем завещании попросила сына побывать на Святой Земле... И, пожалуй, главное: Хитрово были всегда истинными аристократами. Аристократия – «власть лучших» по-гречески – свободна от корысти по определению. Это класс, который не ограничен сословной завистью, материальной нуждой и унижением на протяжении целых поколений. «Много званных, но мало избранных», – сказано в Евангелии. Хитрово принадлежал к числу «избранных». И жил он с острым ощущением своей миссии на Земле. С осознанием своей избранности.

Хитрово поставил перед собой задачу разрешить раз и навсегда «Иерусалимский вопрос». Сделать российское представительство в Палестине, контролируемой Турцией, реальным и эффективным...

Любая истинная работа начинается задолго до того, как она началась. А единственный способ творить великие дела – любить то, что делаешь. Последствия Крымской войны, формальной причиной которой стал религиозный конфликт между Россией и Турцией в Иерусалиме, только подвинули Василия Николаевича на поездку в Святую Землю в 1871 году. Первую его поездку, а сколько их будет потом!.. Палестина для него – как ожог на сердце, как пронзительное откровение. После путешествия вся жизнь его перевернулась. То, что ранее осознавалось лишь подспудно и не было сформировано в четкую идею, обрело плоть и сделалось

задачей дальнейшего пребывания в земном мире.

К.В.: Мы находимся в некоем Зазеркалье, говоря формулировками XIX века, считая, что вот Россия пришла и должна была оказать помощь и поддержку православным, и больше никого рядом не было... Но это не так, и сами греки никогда не делали ставку только на Россию. На Ближнем Востоке всегда было много игроков, которых греки «троллили» определенным образом, вынимая российскую карту тогда, когда им это было выгодно. Это была не наша, а их игра. И она удавалась только потому, что там было действительно много действующих лиц – и национальных государств, и Церквей.

Хитрово, на мой взгляд, находился внутри этой русской традиции, которая была не только самодостаточной, но и самоуверенной. Он не мог из нее выйти. Несмотря на это, он сделал больше, чем очень многие в рамках своего времени, чтобы соединиться с общеевропейской традицией, но не в ущерб России, которая осваивала Ближний Восток не экономически, а с культурных и научных позиций.

Василий Хитрово: «По населению, но и по пространству Святая Земля едва ли не меньше самой маленькой из наших губерний, между тем, по своей истории, по значению совершившихся в ней событий она, бесспорно, поглощает не только всю Европу, но и большинство остальных частей света. Эти события и их значение, если так можно выразиться, составляют шапку, из-за которой не видно того, на ком она надета».

Венцом каждого познания выступает надежда. Знание и миссия определяют смысл жизни и сам образ ее у каждого из нас. В этом смысле Хитрово был счастливым человеком. Он, энциклопедист-эрудит, обладал многими знаниями, и главным среди них была для

него Иерусалимская миссия. Его сугубо личная миссия... Она стала совершенно конкретной после первой же поездки Василия Николаевича в Святую Землю. Особенным потрясением для Хитрово явились знакомство с плачевным состоянием православной арабской паствы и общение с русскими паломниками в Палестине. Феномен Хитрово в том, что он сумел дать новый импульс российскому продвижению на Востоке. В значительной мере мы обязаны этим Василию Николаевичу как человеку верующему. Искренне верующему. Иного бы Иерусалим не принял.

Василий Хитрово: «Только благодаря этим сотням и тысячам серых мужичков и простых баб, из года в год движущихся из Яффы в Иерусалим и обратно, точно по русской губернии, обязаны мы тому влиянию, которое имя русское имеет в Палестине; влиянию настолько сильному, что вы с русским языком пройдете по этой дороге и вас не поймет разве только какой-нибудь пришлый издалека бедуин. Отнимите вы этого мужичка – и исчезнет “москов”, единственный еще поддерживающий в Палестине русское влияние. Отнимите его – и Православие заглохнет среди систематической католической и еще более сильной в последнее время протестантской пропаганды...»

Приравнять русских паломников к западным, порядки этих последних приурочивать к первым могут лишь те, которые никогда не вдумывались в идеалы и значение паломничества. Западные, латинские писатели умилуются русским паломничеством, видят в нем залог веры и народности. Мы же, русские, к глубокому сожалению, отворачиваемся от этих, по нашим словам, грязных и развратных, шатунов... К русскому паломничеству нельзя относиться легкомысленно и свысока, а наоборот, следует крайне осторожно и, во всяком случае, с уважением».

К. В.: Какой смысл смотреть с точки зрения экономики на Святую Землю, если у тебя нет ни копейки? Даже на деятельность созданного тобой Православного Палестинского Общества. Если ты систематически вынужден изворачиваться, чтобы достать необходимые деньги для деятельности созданного тобой Православного Палестинского Общества, доходя до самого императора. Дело в том, что, действуя на Ближнем Востоке, католические страны в первую очередь и протестанты – во вторую базировались на многовековой традиции. Католики во главе с Францией, как и англичане и немцы, были наследниками крестоносцев и не просто хранили, но постоянно поддерживали связи с Востоком, с которого, по большому счету, никогда не уходили. Когда первый русский паломник-писатель игумен Даниил пришел в Иерусалим, он уже застал там короля крестоносцев Балдуина I.

Для протестантов была важна Святая Земля с точки зрения ее святости, сохранившая и ветхозаветное предание, и природу, и даже памятники Священной истории. Католические издания Библии вплоть до XIX века практически никогда не включали ни одной карты Святой Земли, а протестантские – редко когда их не имели. То есть они эту землю постепенно научились привязывать к библейским текстам, и не потому, что фантазировали, а потому, что существовал запрос в обществе на подобную картографию. Не было ни одного столетия, когда бы 50 или 100 писателей-паломников или путешественников из Западной Европы не приехали и не описали увиденное. Это колоссальный список. Ничего подобного в России не было. Зато была другая потребность – пойти и помолиться у Гроба Господня.

Василий Хитрово: «Наши певчие запели в это время на клиросе:

Флаг ИППО на южной башне Сергиевского подворья в Иерусалиме и вензель Императору Николаю II со знаком Общества в день празднования 25-летия существования Общества в 1907 году. Фото монаха Тимона. 1907

«Свете тихий святые славы...» Я чувствовал, как у меня закапали слезы, я упал на колени, все житейское было забыто – и я впервые понял, что значит молиться от всей души. С тех пор прошло уже несколько лет, но воспоминания об этой молитве все еще светлостью звездой блестит в моей жизни. Недаром же тянет поклонников назад в Иерусалим, хочется еще и еще раз испытать высокое духовное наслаждение, которое называется ночью молитвою на Голгофе».

Р. Б.: Говоря о католиках и протестантах, не будем забывать о Великой схизме, османских завоеваниях Балкан и неравнозначном

положении христиан в Святой Земле и в связи с этим – о русской материальной поддержке Патриархатов Востока на протяжении столетий. Но это другая история... Православные и католики – это Вера и Церковь, а протестантизм – это еще государство и частное предпринимательство.

К. В.: На Востоке всякое дело становится частью идеи или обычая. Договор имеет силу только потому, что признается обществом. Дипломаты потратили уйму сил и времени, чтобы заставить работать османское законодательство. Местные обычаи долго конкурировали с законодательством. Мужчину или

женщину, если уличали в прелюбодеянии, убивали, причем убивали как христианские, так и мусульманские общины. Убивали публично. У епископа Порфирия (Успенского) замечательно описана эта история, когда его ночью вызывает митрополит Вифлеемский Дионисий. Он приходит, а у того сидит толпа народу и связанный мужик на коленях... И это все христиане вифлеемские, православные, которые говорят, что мы должны его убить, а тот сидит трясется, потому что понимает, что его сейчас убьют. Митрополит говорит пришедшему: ну, хоть что-то сделай, у меня, говорит, аргументов нет, они меня не слушают. Они уверены: «Если мы разрешаем сегодня одному развод, завтра другому, то послезавтра у нас жены убегут, у нас все разрушится, у нас мир падет вокруг...» То есть некая идея, которая может быть оформлена в качестве традиции, очень сильна на Востоке, и этим связано все между собой. Так же, как религиозная идея и принадлежность к Церкви. И не потому, что человек четко разбирается в разнице конфессий, а в силу родовых связей.

Василий Хитрово: «Пора нам прежде всего твердо усвоить себе, что нет и не может быть никакой греческой, российской и тем более арабской Церкви, что мы можем в Святой Земле действовать только совместно, идя рука об руку с православным Патриархатом, мы можем иметь на него большее или меньшее влияние, но помимо его мы ничего сделать не можем, и именно потому, что мы единоверцы...»

К. В.: На Востоке очень давно закрепились идея России – русского царя. Не народа, не паломников, а в первую очередь – русского царя. Она жива до сих пор. Им не важно, что у нас теперь нет царя, Россия же есть, значит, есть и идея русского царя. Идеи сложно разделить по национальностям. Сейчас впервые,

собственно говоря, создается впечатление, что национальности подавляются. То есть появилась некая наднациональная элита, которая пытается вообще снять с повестки национальности. Люди перестают быть французами, англичанами, немцами, русскими, таджиками... У нас с чего вдруг убрали пятый пункт из паспорта в тот момент, когда никакого Сталина, никакого Советского Союза уже не было? Как нам себя опознавать?

Сейчас мы на пороге создания нового мира. И на Ближнем Востоке в том числе. Но если мы посмотрим ретроспективно в начало XX века, то увидим, что все европейцы и американцы действуют с идеей национальности. Всех иностранцев на Ближнем Востоке еще в 1950-е годы называли франками. Всех – немца, француза, англичанина, нидерландца, кого угодно. Это все франки, потому что крестовосцы. Точно так же был и москов, то есть – русский царь. И эта идея не уходит так просто. Она может в определенный момент как-то измениться, особенно на фоне геополитических перемен, какие сейчас происходят на планете. Но наше влияние никуда и никогда не денется, потому что верят русской идее: вот придет русский царь и все разрулит. Примерно так же, как русские раскольники верили когда-то в царя-спасителя Иоанна из Эфиопии. Нечто незапятнанное, чистое, сохранившееся в идеале...

Все ждут Мессию, только не в образе Христа Спасителя, а в образе того, кто накажет всех, кто тебя обижал. На Востоке главное не паломники, а идея, которую они приносят. У меня ощущение, что Хитрово это знал и это воплощал.

Василий Хитрово: «Мы можем молиться дома, но молимся ли, и как? Вот вопрос. Когда же в тиши ночной, стоя на скале Голгофской, вы сами себе говорите: вот тут стояла, рыдая, Его Пресвятая Матерь

и Его любимый ученик, вот куда, сняв с креста, понесли Его безжизненное тело, вам кажется, вы видите погребальное шествие, видите мерцание теней, несущих тело, а вот и то ложе, на которое Его возложили; вы переживаете и ту великую минуту воскресения; вам, кажется, видать и приближающихся жен-мироносиц, вам слышится голос Воскресшего: «Мария!» Верьте мне, это такие переживаемые минуты, они так сильно действуют на ваше сердце, что вы молитесь, как, вероятно, никогда в жизни своей не молились. Неоценимую сладость таких молитвенных минут лучше и раньше нас с вами понял и оценил простой русский паломник... И у этого на вид заскорузлого паломника есть также свой идеал, и смею полагать, что идеал этот по своей чистоте, по своей возвышенности куда выше идеалов многих из нас. Идеал этот – сладостное ощущение возносящейся от сердца молитвы».

Р. Б.: В одном из текстов у Хитрово есть размышление о том, что кажется, что Иерусалим находится далеко от цивилизации, но на самом деле как был 2000 лет сакральным центром мира, пупом земли, так им и остается (Василий Николаевич не пишет это прямо, но подразумевает). И когда здесь происходит какое-то событие, информация о нем волнами расходится по всему миру и становится широко известна. Потому что, что бы здесь ни происходило, оно и есть самое главное!

А в другой раз Хитрово рассуждает о том, что такое Иерусалим – это город исторический или духовный? Соответственно в нем живут либо наука, либо религия. И ты счастлив, если принадлежишь к одной ипостаси, а еще лучше, если объединяешь в себе и ту и другую. Если у тебя нет научного или религиозного устремления, то в Иерусалиме тебе делать нечего. И дальше он рассуждает про представителей России,

сотрудников консульства и членов Русской духовной миссии.

Василий Хитрово: «В Иерусалиме можно жить и действовать только умом и сердцем. К сожалению, они не жили ни тем, ни другим, переносили свои дипломатические замашки в Иерусалим и разыгрывали роль – полных генералов от русских. Оттого один проводил дни и ночи в пирувании с турецким пашою, другой шил себе белый кепи с генеральским в ладонь галуном, наконец, третий, после года пребывания в Иерусалиме, не видел Иордани, и на выраженное мною удивление отвечал: «Что мне там делать?» Между тем, такая бесполезная трата энергии и сил нигде не представляется столь вредной, как в Святой Земле, где соединенных единодушных усилий едва достаточно, чтоб поддержать наше погибающее в ней влияние».

Василий Николаевич наблюдал развитие греческого национализма, поддерживаемого западноевропейцами, прежде всего – англичанами. Противодействие англосаксов русским церковным представителям на Востоке росло с каждым годом. Если греки готовы были отдать католикам и протестантам местное православное население в обмен на политическую и финансовую поддержку Запада, то Хитрово создает механизм противодействия России этой ползучей агрессии. Механизм духовный в первую очередь.

Р. Б.: Почему в российских властных, дипломатических структурах Иерусалим воспринимался как обычный третьеразрядный город дипломатической службы, один из многих, в котором нужно «отсидеть» положенные три года и с большим удовольствием уехать туда, где больше платят и где чин выше?

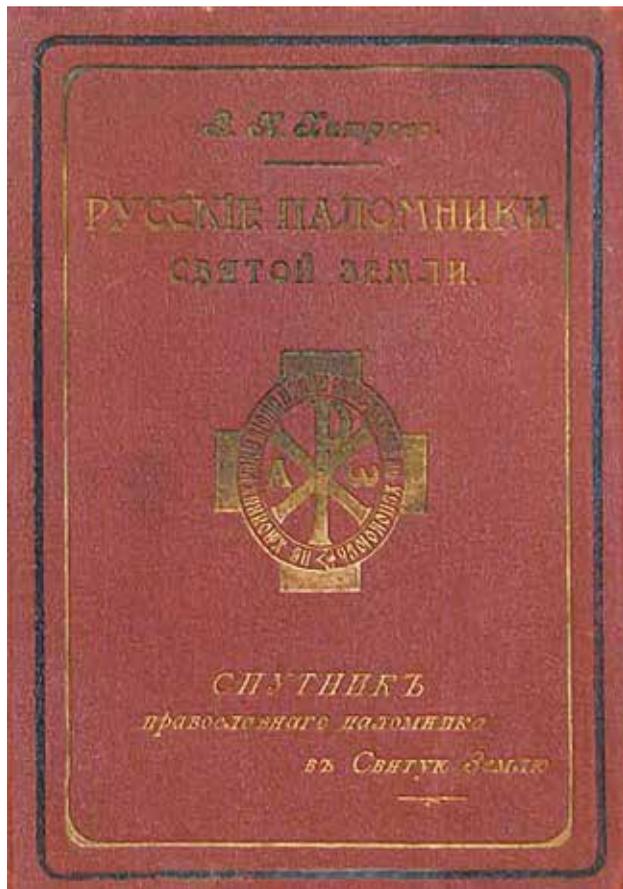
К. В.: У России очень небольшая история консульской службы на Востоке. В Ливане французские дипломатические представители появились в XVI веке, а наше

консульство в Бейруте лишь в 1838 году, в Иерусалиме – в 1858-м.

Наше отношение к Иерусалиму, как и вообще к Востоку, завязано на качестве российской элиты того времени. Из кого она состояла, насколько была готова служить государству, его идеям больше, чем собственным интересам? В России с этим все очень сложно. С одной стороны, такие русские патриоты, как шотландец с немецкими корнями Михаил Богданович Барклай-де-Толли, архитектор победы над Наполеоном, и датчанин по крови Владимир Иванович Даль, создатель словаря живого великорусского языка, и им подобные. С другой стороны – колоссальный административно-чиновничий аппарат, в котором может утонуть любое хорошее начинание.

Еще консул Андрей Николаевич Карцов, известный российский дипломат начала XX века, писал, что в МИДе существует золотое правило: не создавать никаких проблем, не ставить вопросов, не инициировать ничего вообще. Это дает ответы на многие вопросы. При этом у нас еще что-то получалось в такой среде, потому что было много энтузиастов, готовых защищать национальные интересы. И как понять, откуда эти люди берутся, почему у них зажигается внутри некий священный огонь, который заставляет жертвовать своим благополучием и фактически жизнью?

Хитрово умирает в 69 лет, а мог бы жить и жить. Такие люди, как он, никогда не становятся двигателями во главе государства. Бюрократическая система в России работала против этого патриотизма и этого героизма. Почему

так происходило? Это, на мой взгляд, тайна.

Василий Хитрово: «На Ближнем Востоке наше коммерческое влияние не в состоянии бороться с английским, наше политическое сильно подорвано Берлинским конгрессом, доказавшим, что Россия без позволения Европы действовать не может. Неужели нам самим наложить на себя руки и отказаться от последнего, религиозного влияния?..»

Меня могут спросить, какой интерес может иметь Россия в Палестине, кроме надзора за своими поклонниками? Относительно духовных интересов укажу только на то, что сотни изданий о Палестине, появляющиеся ежегодно в западной литературе, доказывают, что эти интересы в образованном мире существуют. Относительно уже политических интересов я тоже укажу, что

мы – естественные наследники греков везде, где существует Православие...»

Р. Б.: В докладе от 1883 года о задачах научных исследований в Святой Земле Василий Николаевич, опираясь на достижения и итоги мирового (в первую очередь европейского) изучения Палестины, определил направления и методы научной деятельности Палестинского общества. Не секрет: археологическое исследование Палестины было тесно связано с политикой, но, к сожалению, при всей многозадачности ИППО ему не было придано в Санкт-Петербурге должного внимания. Однако вызывает восхищение интуиция Хитрово, который тогда верно определил научные задачи Общества на несколько десятилетий вперед. И если бы Обще-

ство следовало определенному им курсу, то, без сомнения, имело бы блестящие результаты, но обстоятельства как внутри России, так и вне ее этому не способствовали.

К. В.: Вся европейская деятельность строилась принципиально по-другому: экономические связи в обществе, целеполагание, научные сообщества по изучению Святой Земли в Германии, Англии, США. Они на свои деньги издавали книги, исследовали, создавали благотворительные общества, направляли миссионеров. Колонизация Святой Земли европейцами – это тот самый экономический процесс, который позволял вливать деньги и влиять политически.

Василий Хитрово: «Для православного влияния гораздо большей опасностью грозит в настоящее время протестантская пропаганда, начавшаяся в особенности

сильно и энергично действовать лет двадцать тому назад, когда вместе с пропагандой затронут был и вопрос о политическом влиянии Англии, для которой долина Евфрата и соединение ее со Средиземным морем составляют вопрос жизни и смерти... Англия вдруг заинтересовалась Палестиной... По ее следам идут Соединенные Штаты... Против всего этого – что сделано нами в защиту Православия?..»

Сотни европейцев, разъезжающих вдоль и поперек по Святой Земле, важны еще более как проводники политического влияния. В большинстве этих ученых экспедиций, сделанных преимущественно на счет французского правительства, главную роль, как в английских, так и германских экспедициях играла, конечно, политическая подкладка...»

К. В.: ИППО с самого начала была задумана не как общественная организация в привычном понимании. Палестинское Общество было проводником российских государственных интересов одновременно в нескольких областях: религиозной, политической, гуманитарной, научной. Сейчас оно, на мой взгляд, работает уже по-другому, не столь широко как раньше, да и возможности Общества изменились. А вот в XIX веке задач было больше, и с точки зрения взаимодействия с государством это была несколько другая история, начиная с того, кто управлял, организовал, подписывал доклады, отчеты. Даже не в самые светлые годы истории ИППО оно оставалось в центре внимания первых лиц государства.

Для меня не стоит вопрос, мог ли Хитрово управлять Обществом или не мог. Он управлял. Другой вопрос: хорошо или плохо, успешно или не совсем, и чего мог бы добиться и не добился. И на это сложно ответить.

Р. Б.: В России опыта существования настоящих общественных организаций в начале 1880-х было

мало, он был накоплен через 10 лет примерно, к завершению царствования Александра III, когда частные общества охватили «все доступные пределы науки». И все тот же вопрос: мог ли Хитрово по-другому работать? Были ли у него знания для того, чтобы управлять таким непростым обществом, как Палестинское? Ведь после 1889 года у него был почти стабильный бюджет, основанный на ежегодном Вербном сборе во всех церквях Российской империи, пожертвованиях и т. д. Во всех документах мы постоянно видим, что Хитрово только считает расходы, а вот доходов или способов, которые необходимы для увеличения доходов, нет вообще. Расходы, расходы и еще раз расходы... Хитрово считает каждую копейку.

К. В.: Как тут не вспомнить сенатора Бориса Мансурова... Он, первый управляющий делами созданного императором Александром II Палестинского комитета, все до копейки высчитывал. У него был основной принцип, что русские подворья в Святой Земле не могут содержаться на непредсказуемые доходы. Таковым был Вербный сбор... До революции Русская духовная миссия в Иерусалиме, как и ИППО, финансировались главным образом кружечными сборами в храмах. Наиболее значимым был тарелочный сбор, производившийся раз в год в праздник Входа Господня в Иерусалим, или Вербное воскресенье. Начиная с 1886 года «Вербный сбор» стал почти главным ресурсом деятельности русских учреждений в Святой Земле.

Только в рамках этого дохода Палестинская комиссия могла позволить себе функционировать. Понятно, что Хитрово пришел к осознанию этого не сразу, поначалу были более широкие планы, проекты. К тому же нужно было содержать подворья. Вот Василий Николаевич и создал модель, которая обеспечивала деятельность

основных направлений Палестинского Общества. По большому счету, это была система ежегодного бюджета, в котором не было заложено никакого развития, поэтому все ветшало. Ведь любое невкладывание денег ведет к деградации. Но это была осмысленная программа. В ситуации, когда тебя никто не слушает, и тебе всюду закрыли двери, он сделал все, что мог.

Из письма Хитрово писателю-библиографу С. И. Пономареву, от 7 июля 1900 г.: «Палестинское дело идет, но чем дальше лес, тем больше дров, тем подъем круче, а силы слабеют... Что приходится бороться против инославных, даже греков, – это в порядке вещей. Турок доселе не считаю, их как бы нет. Но что приходится бороться со своими, как высшими, так и низшими, – это... тяжело. Если бы можно было статистически распределить сумму годового труда, то пришлось бы день – на турок, месяц – на инославных, три месяца – на греков, шесть месяцев – на своих. И всего два остальных месяца – на дело. Считая по восемь часов в сутки, это составит всего 500 часов, и вот на это-то я жалуюсь...»

Р. Б.: Представим, у тебя есть знание о том, что в Европе и Америке активно работают некие, очень близкие по тематике общественные организации. Ты про них читаешь, узнаешь ближе про деятельность, даже знакомишься с некоторыми руководителями, вступаешь с ними в переписку... А потом вдруг с большими трудами сам создаешь подобную и начинаешь ею руководить... И сталкиваешься с каждодневной рутинной. Тем более что Хитрово иногда закрывал «финансовые дыры» в Палестинском обществе своими собственными деньгами. А был он человеком состоятельным, но отнюдь не самым богатым.

К. В.: И дело не только в деньгах. Гораздо сложнее, когда ты

вынужден добиваться, чтобы продолжалась та деятельность, которая тебе нужна, в тех масштабах, которые тебе нужны. И вот здесь, на мой взгляд, самая большая ошибка изначально была сделана не только Хитрово, но и российскими властями: были поставлены невыполнимые по объему задачи.

Василий Хитрово: «Чем обусловлена эта борьба с высшими? Одним делом надоело, они считают, что достигли гораздо большего, чем они предполагали, и махнули рукой. А без них не обойдешься, обращаешься и видишь на лице написанное: опять этот Хитрово надоедает. Другие, благо дело приняло большие размеры, желали бы из него вынести лучезарные выгоды, а тут поперек дороги им стоит тот же Хитрово. И чего он суется, и без него сделаем, а нет ни той мании, как у Хитрово, да и того знания. Приходится спорить, и тут уже является на их стороне озлобление против того же Хитрово, и нельзя ли его подвести.

Еще Вольтер говорил: “Русские сами себя поедают и тем сыты бывают”.

...Дисциплина русским не известна. Все непременно хотят разыгрывать генералов. Начальство служит только для перемывания ему костей, а между тем у самих нет ни знания, ни образования, ни любви к делу, и все это перемывание грязного, к несчастью, русского белья приходится делать на глазах у инославных, у православных греков, у которых каждое действие такое служит к умалению русского престижа. Вы знаете поговорку: дурак камень уронит, семеро умных не вытащат.

Прошло 18 лет борьбы, и я все-таки стою один – одни не могут, другие не хотят, третьи не понимают. Ни школы, ни ученика даже я не сумел приобрести за это время... Умру я, и изо ста, с которыми приходилось, приходится и будет приходиться иметь дело по Палестине, 99 внутренне скажут: “Уф, слава Богу!”»

К. В.: Хитрово не молчит, когда в Санкт-Петербурге его высокомерно укоряют в чрезмерной суете во имя далеких библейских идеалов, в выбивании средств для каких-то палестинских детей и нищих проповедников, для грязных сибирских крестьян-паломников. Он терпеливо отсылает объяснительные репортажи в самые важные инстанции, пишет письма начальникам. И такое впечатление, будто у него в непроливайке не чернила, а его собственная кровь.

Из письма обер-прокурору Святейшего Синода Константину Победоносцеву от 15 февраля 1898 г.: «К счастью, что на дороге Вы, а не будет Вас... Оклеветают меня в фельетоне, я, по крайней мере, могу привлечь к суду клеветника. Оклеветают меня в официальном донесении, я не найду ни суда, ни расправы, мало того, я даже не узнаю. Зло сделано, а клеветник получит одобрительный лист за интересные и содержательные донесения. Согласитесь, Ваше Высокопревосходительство, что при таком положении дел руки опускаются что-либо делать.

...Что меня более всего мучительно трогает, – это исподтишка ведомая интрига подпольная и это озлобление против меня, прикрытое трогательными словами любви, преданности и уважения. Ведь не манией же преследования страдаю я. Значит это действительность, и чем, собственно, я ее вызываю? Моей откровенностью и резкостью, – это я сам чувствую, это результат, дважды молод не будешь, давно прошился на покой, и все слышишь голос: иди, иди, и сам сознаешь, что нужно идти...»

К. В.: Проблема, на мой взгляд, была связана прежде всего с русским ресурсом человеческим. Посмотрим на Западную Европу... Первый консул в Палестине, которого назначает прусский император, – Эрнст Густав Шульц. Это был выдающийся востоковед

с колоссальной школой. Его посылают в Иерусалим не просто, чтобы он слал отчеты, а ему ставят важнейшие научные задачи. При этом и Шульц сам плоть от плоти научного процесса. Они все, включая прусского императора, воспринимают Иерусалим как место, в котором через науку можно влиять на внутреннее состояние немецкого общества...

Как сказал древний мудрец: «Есть призвание делать и есть призвание понимать, все, что понято, – хорошо». Хитрово был призван и понимать, и делать. Не многим такое дано... Ему оставалось лишь найти единомышленников, способных поддержать его. И это Хитрово, наконец, удалось.

«Вера – это уверенность в невидимом», – обращался к первым христианам апостол Павел. Хитрово видел будущую Русскую Палестину с тысячами русских паломников, с русскими школами, приютами и больницами для местных жителей и сумел убедить в реальности этого замысла обер-прокурора Священного Синода. Константин Победоносцев уговорил посетить Святую Землю в 1881 году великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича. По сути, с этого и началась история ИППО.

Из письма Хитрово в Палестину к архимандриту Антонину (Капустину) от 29 июня 1881 г.: «Ради Бога, сообщите мне: и какое впечатление вынесли великие князья из Палестины, и какое произвели они на Вас? Какой результат их пребывания в особенности для Вас и Ваших учреждений? Ведь это стыд и позор: русские великие князья едут в Иерусалим, пребывают там две недели – и в русских газетах ни полслова, точно запрещено об этом говорить. Это не выдумка, а факт... Меня особенно интересует Сергей Александрович. Я о нем слышал много хорошего и на него я полагаю свои последние надежды... К осени, наконец,

будет готов и 1 том “Палестинского сборника”. Его я представлю Сергию Александровичу и постараюсь его убедить стать во главе Общества. Раз это удастся, тогда всплывут все палестинские вопросы, и мало-помалу мы все их постараемся разрешить к нашему удовольствию. Если это не удастся, значит, ничего не могу сделать, и относительно Палестины мне, по крайней мере, придется сложить руки».

Отказываться от своей мечты Хитрово, к счастью, не пришлось. Великий князь Сергей Александрович (пятый сын императора Александра II) принял Хитрово в своей санкт-петербургской резиденции и согласился возглавить будущее Палестинское общество.

Истинная вера в бога и самодержавие – два столпа, на которые опиралось мировоззрение этого человека. Императорское православное палестинское общество обязано великому князю Сергию Александровичу своим существованием. Оно стало островком русской культуры на Святой Земле. 24 марта 1889 года Указом императора Александра III Общество получило почетное наименование «Императорское». Так и получилось: ИППО.

Василий Хитрово: «Посещение Иерусалима великим князем Константином Николаевичем – первым из Царского Дома земли Русской, и последовавшее около того же времени под его высоким покровительством и с его участием воззвание об улучшении быта православных поклонников, указало, как отзывается русское сердце, когда произносятся священные для него имена Гроба Господня, Иордана, Вифлеема и Назарета. Полмиллиона рублей набралось из пожертвований, другие полмиллиона рублей даны были Государственным Казначейством. На эти деньги сооружены были, как известно, Русские Постройки, горделиво поместившиеся перед Яффскими

воротами и заслонившие собою почти вид Иерусалима. Величественно, увенчанный золотою главою, возвышается русский собор, выдаются направо и налево помещения для богомольцев и госпиталь, едва ли не самые большие постройки в Иерусалиме, приветливо приютился консульский дом среди единственного иерусалимского сада. Все это бросается в глаза, все говорит о дорогой сердцу, широко раскинутой Православной Руси».

Венцом каждого познания выступает надежда. Знание и миссия определяют смысл жизни и сам образ ее у каждого из нас. В этом смысле Василий Хитрово был счастливым человеком. Он, энциклопедист-эрудит, обладал многими знаниями, строил широкие планы и главным среди них была для него Иерусалимская миссия. Его мягкая дипломатия, его сугубо личная миссия...

Василий Хитрово: «Общество это, по мнению моему, могло бы, смотря по своим средствам, преследовать три цели:

1. Ознакомление России со Святой Землею и поддержание в нашем отечестве интереса к восточным святыням. Это могло бы осуществиться изданием наших древних паломников, наиболее замечательных из паломников западных и сообщением современных научных и религиозных сведений о Палестине.

2. Улучшение быта, преимущественно нравственного, наших поклонников – изданием хороших и дешевых путеводителей по Святой Земле, а еще более выбором благочестивых руководителей, сопутствующих паломникам по святым местам.

3. Поддержание Православия в Палестине – учреждением школ и больниц для арабского православного населения.

Спрашивается, чем тут можно возбудить гнев Европы или недовольствие русского консула в Иерусалиме?»

Более двадцати лет Василий Хитрово, согласно Уставу ИППО, руководил секретариатом этой организации. Он занимал эту должность, никогда не используя ее для получения прибылей, привилегий и наград. Он просто трудился во славу России.

Василий Хитрово: «Где же, у кого искать Православию защиты и поддержки? Для латинской общины чего не сделает Франция, могут сделать Австрия, Италия, Испания. Что для протестантской общины не сделает Англия, то сделают Германия или Америка. К кому же Православию обращать свои взоры, как не к одной только единоверной ей Руси?»

Лишь в конце апреля 1903 года появился царский высочайший рескрипт: «Василий Николаевич! <...> Я с отрадным чувством убедился в выдающемся успехе названного Общества. Основанные им в Святой Земле подворья для паломников и заведения учебные и врачебные вполне удовлетворяют своему полезному назначению; число православных паломников выросло до десяти тысяч в год; для ознакомления с историей и современным положением Палестины Обществом предпринят целый ряд ученых и общедоступных изданий... Я считаю справедливым за изъясненные заслуги Ваши объявить Вам мое благоволение. Пребываю к Вам благосклонный. Николай».

И позднее признание почетно. Но все-таки... Всего через неделю после этого события Василия Хитрово не стало. Рыцарь Русской Палестины скончался 6 мая 1903 года в Гатчине на 69-м году жизни.

В Москве ему поставлен памятник, в Санкт-Петербурге на его могиле на Никольском кладбище Александрово-Невской лавры никогда не иссякают живые цветы. Там, где на надгробье написаны слова из пророка Исайи, ставшие когда-то девизом ИППО: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь».

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

8 февраля без объявления войны Япония осуществила коварное нападение на русский флот на рейдах Порт-Артура и Чемульпо

ТЕО ГУРИЕЛИ

Уже в начале 1890-х годов политический горизонт в Европе начал серьезно меняться. Вызвано это было в первую очередь экономическими мотивами. Колониальные державы, приобретя рынки сбыта и источники дешевого сырья, чувствовали себя намного комфортнее, нежели страны, не успевшие или не желавшие стать колониальными и теперь стремившиеся догнать своим более удачливым соседям, в первую очередь Англии и Франции.

Германия, к примеру, которая раньше в большинстве международных дел принимала сторону Англии, все больше вовлекалась в политические маневры в Африке и Южной Америке, стараясь создать свои колониальные анклавы на этих континентах. В политических кругах страны все шире пропагандировалась идея превращения в германскую колонию Турции. Междуречье Тигра и Ефрата проводники германского колониализма планировали превратить в житницу Германии и в гигантскую хлопковую плантацию.

Параллельно разрабатывались планы приобретения земель и в Европе. Сторонники создания колониальной Германской империи не видели никаких препятствий в том, чтобы захватить, скажем, Скандинавию, Голландию, часть Швейцарии и даже железорудные земли Франции. Австро-Венгрию, которая была тогда союзницей Германии, планировалось превратить

в часть Германской империи: предполагалось, что она станет своего рода мостиком на Балканы, откуда было рукой подать до Турции.

Но еще серьезнее были планы германских империалистов применительно к Российской империи. По сути, политико-экономические планы германской элиты по расчленению России, по захвату Прибалтики, Украины и Кавказа были спустя сорок лет попросту взяты на вооружение Гитлером: их планировали осуществить в полном объеме.

Однако среди представителей элиты были и реалисты. Они видели огромную опасность для Германии в вооруженном конфликте с Россией (их опасения, как мы знаем, оправдались в годы Второй мировой войны). Но и тогдашнее правительство Германии призывало «пангерманистов» и радикальных представителей военных кругов к сдержанности, во всяком случае до тех пор, пока Германия не найдет общего языка с другими мощными державами, включая Англию, которая в тот момент ссорилась с Германией не желала, так как у нее развивался конфликт с Францией из-за господства над Верхним Нилом и шла подготовка к войне с бурами в Южной Африке.

Но все западные державы неожиданно объединило одно: рост русского влияния и военной мощи на Дальнем Востоке. Этот регион всегда очень интересовал и европейские державы, и США: он был

огромным рынком сбыта разных товаров, гигантской кладовой природных ресурсов и добавок ко всему ключом к Тихому океану. Колониальные державы беспокоили рост морской мощи России на Дальнем Востоке, усиление ее политических позиций в регионе, увеличение экономического влияния на страны Восточной Азии. Россия тем самым мешала притязаниям Англии, Германии и даже Голландии на колониальную экспансию в дальневосточном регионе.

На протяжении веков западно-европейские страны и США, которые подчас становились их ситуативным союзником, время от времени применяли один и тот же стратегический прием: они находили страну, которая бросала вызов России, а потом, когда она напрямую ввязывалась в войну с Российской империей, присоединялись к ее военным усилиям. На Ближнем Востоке такой страной несколько веков была Турция. На Дальнем Востоке тараном западного сообщества стала Япония.

В 1870–1880-е годы Страна восходящего солнца превратилась с серьезную военную силу. Эта метаморфоза была бы, конечно, абсолютно невозможна без строительства военных кораблей для японского флота в США, Великобритании, Голландии и Германии. Орудия для японского флота поставляли главным образом Германия и США, причем именно из Америки Япония получала

корабельную артиллерию самых современных типов.

Наращивая свой новый флот, Япония с каждым годом становилась все более агрессивной силой. Эксплуатируя залежи минеральных ресурсов на континенте, Япония тратила огромные суммы для усиления своего флота и начала делать попытки территориальных захватов. Первой попыткой такого рода был захват Формозы (Тайваня), но вскоре японцам пришлось покинуть остров. Этого потребовала Англия, которая владела Гонконгом и практически полностью контролировала шанхайский анклав. Это давало ей право считать себя владычицей всех вод, омывающих Средний и Южный Китай.

Надо сказать, что у японского милитаризма были более широкие планы, чем просто создание морских и военных баз на островах вокруг Китая и к северу от Японии. Речь в японских штабах шла о захвате большого плацдарма на континенте, который впоследствии мог бы использоваться для масштабной аннексии территорий в разных районах азиатского материка. Параллельно ставилась задача резкого ослабления политических и военных возможностей России в регионе, для чего и велась быстрая модернизация флота и приобретение новых кораблей и морских вооружений.

Споры и диспуты между японскими генералами и адмиралами по поводу стратегических решений закончились в пользу такого плана: районом создания материкового плацдарма была избрана Маньчжурия. Выбор был продиктован целым рядом соображений. Малонаселенная и самая близкая к Японии часть Китая, Маньчжурия не имела достаточно войск, что делало ее крайне уязвимой для иностранного вторжения.

А между побережьем и Маньчжурией лежала Корея, которая

Сергей Юльевич Витте

была своего рода ключом к входу в Японское море. Корейский монарх являлся вассалом китайского богдыхана, и усилия Японии было решено направить на то, чтобы оторвать Корею от Китая и подчинить ее себе.

На первом этапе японское правительство организовало отправку в Корею множества своих агентов под видом торговцев, мелких предпринимателей, ремесленников.

То была не просто широкая шпионская сеть; агенты Токио вели там хитроумную пропагандистскую деятельность, подкупали чиновников, судей, полицейских. Основные усилия были направлены, однако, на создание прояпонской партии в высших эшелонах власти в Сеуле, в первую очередь при королевском дворе, для чего широко использовались подкуп, шантаж и прямые угрозы.

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский

В Китае явно не сознавали опасности такого японского проникновения в Корею, хотя этот процесс продолжался как минимум два десятилетия. Ли Хун-чжан, один из крупнейших китайских политиков того времени, который ведал вопросами иностранных дел, еще в 1880-е годы призывал Корею заключать договоры с иностранными державами, включая Россию, чтобы противостоять политической экспансии Японии. Согласно дипломатической моде того времени, он называл это «применением одного

вида яда против другого»: то был прием, который слабые страны нередко использовали в своей политической игре, чтобы, стравливая потенциальных захватчиков друг с другом, оставаться на плаву как можно дольше.

Но японских дипломатов было не так легко перехитрить даже такими приемами. Они считали, что ни договоры, ни соглашения между государствами не являются гарантом выполнения условий договорных отношений; они начисто отвергали международное право,

считая, что в борьбе между государствами существует только одно право – право сильного. В 1889 году премьер-министр Японии князь Ито Хиробуми откровенно заявил Ли Хун-чжану, что претензии Китая на Корею имеют лишь «сентиментальный» и «исторический» характер. Между тем у Японии они основываются «на экономической необходимости», то есть на потребности в корейском рынке и ее территории для колонизации. Еще никогда колонизаторы не были так откровенны в своих притязаниях на чужие земли.

В 1885 году между Японией и Китаем был заключен договор, согласно которому оба государства обязывались не посылать в Корею войск без взаимного извещения. Тем самым Китай де-юре признавал за Японией право вводить ее войска в Корею, пусть и при «определенных условиях». Но представители обеих стран, заключая этот договор, конечно же, лицемерили. Подписав договор, китайское правительство начало прилагать огромные усилия, чтобы китайские позиции в Корее как можно быстрее упрочились. Скоро глава китайской миссии в Сеуле, некто Юань Ши-кай, искусный политик и талантливый дипломат, на какое-то время приобрел такие политические возможности в Корее, что его даже называли «хозяином корейских земель».

Именно в этот период стратегическое значение Кореи стали осознавать и российские политики. Перед военными и дипломатами царским правительством была сформулирована такая задача: делать все, чтобы помешать Японии захватить Корею и создать там свой плацдарм, и в то же время как можно серьезнее мешать усилению в Корее позиций Китая, который в значительной степени контролировался Англией. Эта задача казалась выполнимой, потому что корейское правительство не раз посылало России

сигнал, выражая заинтересованность в поддержке с ее стороны.

Еще одним фактором активизации российской политики на Дальнем Востоке стали соображения практического характера. Успех российских военно-политических акций в 1885 году в Афганистане чуть было не привел к действиям британского флота против русских сил на Дальнем Востоке. И правительство России, и военное министерство сознавали чудовищную угрозу таких действий. Стало известно, что нападение флота англичан на дальневосточные территории России не только возможно, но и вполне реально. По вполне понятным причинам сил на Дальнем Востоке у России было мало: перемещение русских войск из других районов России была крайне сложна, дивизиям пришлось бы преодолевать бескрайние просторы Сибири пешим порядком.

А так как Англия имела сильное влияние на Китай, он мог стать ее союзником в войне против Российской империи. Наконец, помимо опасности войны англо-китайской коалиции с Россией, существовала и другая смертельная опасность – война с Японией.

Угроза английского нападения на русские порты и эскадры заставляла власти задуматься о строительстве железнодорожной магистрали из центральных районов страны до Владивостока. В 1891 году началось строительство Транссибирской магистрали Немаловажным фактором для осуществления этого грандиозного проекта стало то, что в 1892 году министром путей сообщения и министром финансов Российской империи был назначен Сергей Юльевич Витте. Политик, экономист, знаток международных финансовых операций и подлинный русский патриот, Витте представил в ноябре 1892 года императору Александру III докладную записку относительно ситуации на Дальнем

Востоке. По сути дела, в этой записке анонсировалась большая финансово-экономическая и политическая программа. По мнению Витте, Транссибирская магистраль могла стать основной артерией для перевозки по суше ценных грузов, проходивших через Суэцкий канал, не говоря уже о том, что она служила бы для широких поставок русских промышленных изделий на китайский рынок.

В своей докладной записке Витте уделил много внимания и тому, насколько важна железная дорога со стратегической точки зрения. Он писал о том, что с созданием железной дороги можно серьезно усилить военный потенциал России на Дальнем Востоке, обеспечить ее Тихоокеанский флот всем необходимым. Он обращал внимание императора на то, что в случае развития конфликтов на территории Европы или на Дальнем Востоке сильный Тихоокеанский флот России станет важным фактором ее безопасности, так как будет в состоянии не только защищать интересы России в регионе, но и контролировать в Тихом океане коммерческое судоходство.

Планы, начертанные Витте, требовали воплощения, но проблема заключалась в том, что осуществлять их надо было по меньшей мере на десятилетие раньше. Вооруженный конфликт на Дальнем Востоке начался, когда строительство Транссибирской магистрали было далеко от завершения, и оборону дальневосточных рубежей России укрепить не удалось. Это очень дорого обошлось Российской империи.

Как и предполагалось, все началось с Кореи, где в 1893 году вспыхнуло восстание крестьян и ремесленников. Причиной его стало засилье в Корее дешевой японской промышленной продукции, разорявшей местных городских ремесленников. Огромное количество

продуктов питания вывозилось из страны в Японию, в результате чего началось их резкое удорожание. Но особенно страсти разгорелись в 1894 году, когда началось разграбление домов и контор японцев, а заодно и корейских помещиков. У корейского правительства не было сил с этим справиться, и оно обратилось к Китаю за помощью. Китай послал в Корею около трех тысяч солдат.

Япония отреагировала посылкой в Корею намного более мощного контингента, оккупировав десяток портов. Столица Кореи была блокирована пулеметными отрядами.

Китайское правительство перепугалось не на шутку: оно не ожидало такого решительного шага со стороны японцев. Китайские министры тут же объявили, что с восстанием покончено и в японских войсках никто уже не нуждается. Они предложили одновременно вывести из Кореи и китайские, и японские войска. Ответ японцев не заставил себя ждать. Япония заявила, что не выведет свои войска из Кореи до тех пор, «пока в Корее не будут проведены реформы и установлен порядок», для чего требуется реорганизация местной администрации. Япония призвала Китай принять вместе с ней участие в проведении «корейских реформ». Это еще больше напугало китайские власти. Они понимали, что предложение совместно проводить реформы – это своего рода западня. Как только японские чиновники и военные получат доступ к местным административным органам в Корее, они тут же начнут контролировать политические процессы и экономическую жизнь во всех регионах, особенно на юге Кореи, затем получат рычаги влияния на местные элиты, а после – и на руководство страны. Как следствие этого, Япония в короткий срок начнет фактически распоряжаться всей Кореей. Поэтому китайское правительство,

Ли Хун-чжан в 1896 году

отвергнув все японские предложения, объявило, что они являются по своей сути недопустимым вмешательством во внутренние дела Кореи.

Результат можно было предсказать. 25 июля Япония начала боевые действия против Китая. Причем формально Япония объявила Китаю войну только спустя несколько дней, а именно – 1 августа 1894 года. Япония была, как

видим, в новое время первой страной, которая решила не обращать внимания на такие «мелочи», как формальное объявление войны до начала боевых действий.

До японо-китайской войны наибольшее влияние на китайские власти имела, разумеется, Англия. Она, можно сказать, доминировала и в политической, и в экономической сферах. Поэтому в Королевстве опасались, что в результате

этой войны будут в какой-то степени затронуты британские интересы. Но в среде английских промышленников, консервативных политиков, крупных коммерсантов и даже индийских богачей бытовала убежденность, что наибольшая угроза как для метрополии, так и для колоний исходит из России; во всяком случае таким был лейтмотив множества статей в проправительственной печати.

Рассматривая Россию в качестве своего потенциального противника и на Дальнем Востоке, Англия не только мирилась с успехами Японии, но даже приветствовала их, пусть и до поры до времени. Британские политики искренне надеялись использовать Японию в недалеком будущем против Российской империи, которой Англия уже много раз противостояла.

Принципиально другой была позиция русского правительства. Оно было встревожено развитием событий и отнюдь не желало оказаться соседом Японии, осуществлявшей территориальную экспансию, что вызывало тревогу за дальневосточные владения России.

Вопрос, какой должна быть реакция России на происходящие события, обсуждался на Особом совещании, в котором принимали участие министры и прочие видные деятели империи. Как правило, на Особом совещании председательствовал сам император. В течение японо-китайской войны Особое совещание собиралось четыре раза. И каждый раз оно демонстрировало разброс мнений по дальневосточному вопросу. Политики выступали за военные решения, а Генеральный штаб, лучше политиков знавший состояние дальневосточных соединений, ратовал за преимущественно политические решения.

На совещании 21 августа 1894 года было решено добиться совместно с Англией прекращения войны на основе сохранения *status*

quo в Корее. Этот план ни к чему не привел. Япония продолжала войну, китайская армия была разбита, и Китай запросил мира. Япония заявила, что готова начать мирные переговоры, но то была громкая фальшивка, нужная лишь для того, чтобы исключить возможность иностранного вмешательства. Ни один японский политик не допускал в тот момент возможности мирных переговоров с Китаем и тем более прекращения войны. Но для вида японцы предпринимали некоторые шаги, чтобы ввести мировое сообщество в заблуждение. В январе 1895 года китайские уполномоченные прибыли в Кобо для переговоров, но японские дипломаты, стремясь затянуть войну, объявили их полномочия неубедительными. Заявив это, японцы продолжали военные действия.

1 февраля 1895 года в Петербурге было создано второе Особое совещание. На нем были признаны факты захвата японцами таких стратегических территорий, как Корея, часть Маньчжурии, Ляодунский полуостров и Вэй Хай-Вэй. Министерство иностранных дел России предложило захватить остров Каргодо, что, по мнению российских политиков, могло бы стать стратегическим успехом России. Вокруг этого предложения развернулись жаркие дискуссии. Морское министерство, зная о неготовности российского флота к операциям такого рода, настаивало на том, чтобы действовать на суше и занять часть Маньчжурии. Против этой альтернативы выступил военный министр Петр Ванновский: он счел нецелесообразным и даже опасным использовать против Японии сухопутные войска. В итоге было принято решение войти в контакт с правительствами Англии и Франции и совместными силами надавить на Японию, чтобы независимость Кореи была обеспечена международным сообществом.

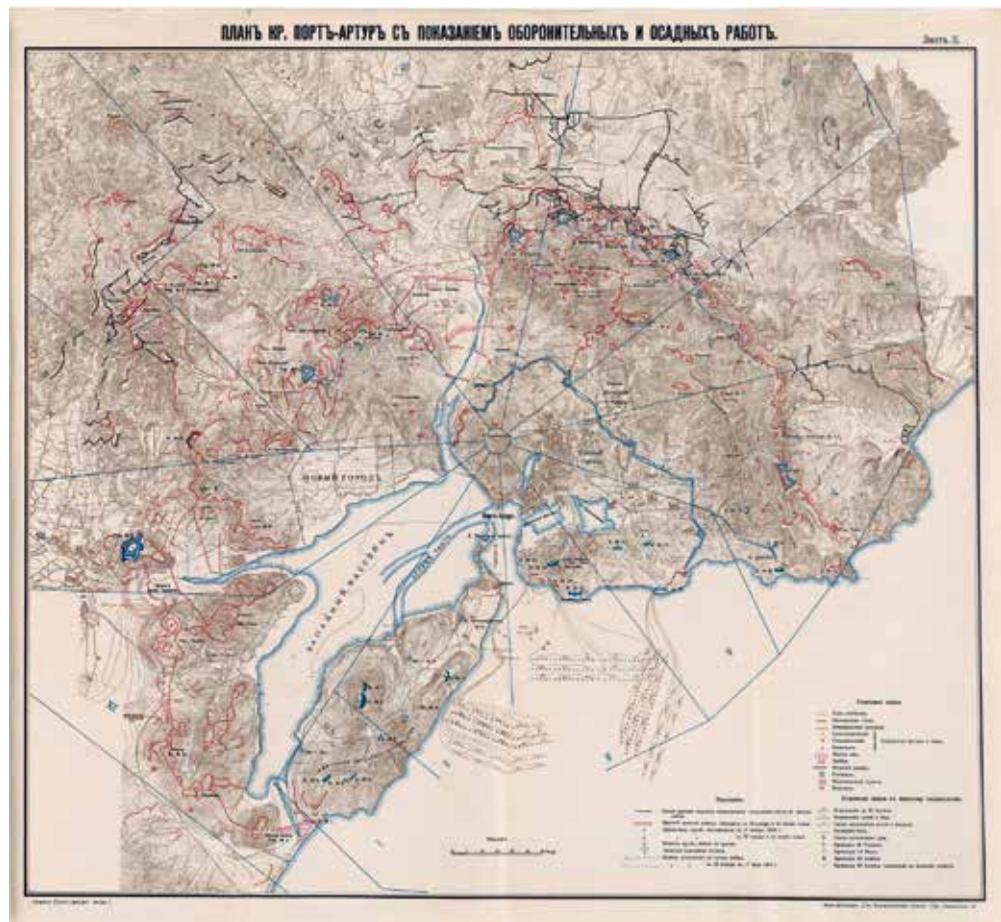
В марте 1895 года между Петербургом, Парижем и Лондоном было достигнуто соглашение о восстановлении корейской независимости. Япония была удивлена и даже несколько напугана таким проявлением единодушия трех держав в этом вопросе; более всего ее беспокоила возможность англо-русского сближения. Японские дипломаты без конца твердили, что их страна и не помышляет о том, чтобы лишить Корею независимости.

Но все эти заявления не стоили и ломаного гроша. 13 марта 1895 года Китаю был вручен текст японских мирных условий. В первую очередь Япония требовала отказа Китая от сюзеренитета над Кореей, которая объявлялась «полностью независимой». Всем было ясно, что эта независимость Кореи будет липовой: она должна стать простой декорацией, маскирующей фактическое господство Японии над Кореей. И это была лишь часть требований! Япония потребовала Ляодунский полуостров с южно-маньчжурским побережьем – от корейской границы до Инкоу, а также Формозу, Пескадорские острова, контрибуцию в размере трехсот миллионов таэлей и к тому же целый ряд коммерческих льгот, включая открытие Китаем семи новых портов для иностранной торговли и право навигации по верхнему течению Ян-Цзы.

Китайское правительство не имело сил для сопротивления. Ему пришлось принять эти тяжкие условия. В апреле 1895 года между Японией и Китаем был подписан Симоносекский мирный договор. Соглашаясь на униженный мир, китайский уполномоченный Ли Хун-чжан втайне рассчитывал на иностранное вмешательство. Эта надежда имела основания: русское правительство после некоторых колебаний решило оградить себя и Китай от проникновения Японии на азиатский материк.

В этот решающий момент английский кабинет отказался вмешиваться в китайско-японские дела. Между тем, раз мир был уже подписан, русскому правительству нельзя было терять ни минуты. К этому времени министром иностранных дел Российской империи был назначен бывший посол в Вене князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, обладавший большим опытом. Он, однако, не сразу решился открыто выступить против японских акций. Свои позиции в то время не обнаруживали ни Франция, ни Германия, а Англия явно самоустранилась от решения проблемы. Первоначально он предлагал в качестве временного решения, чтобы Россия начала «некое сотрудничество с Японией»: она не будет возражать против японских действий, а компенсирует себя за японские завоевания приобретением незамерзающего порта на Тихом океане и Северной Маньчжурии для выпрямления линии Транссибирской магистрали. Николай II одобрил идею «компенсации»: он предлагал захватить Порт Лазарева в Корее и приобрести полосу земли, соединяющей его с русскими владениями.

Но все получилось иначе. Лобанову удалось заручиться обещанием германского правительства, что оно готово присоединиться к любому выступлению России за ограничение территориальных завоеваний Японии. Лобанов успел также получить обещание Франции действовать вместе с Россией. Это создало новую, более благоприятную для Российской империи ситуацию. Узнав об этом, участники Особого совещания во главе с Витте высказались за радикальное решение: изгнать Японию с материка. Николай II долго колебался, прежде чем отказаться от Порта Лазарева, но в конце концов утвердил решение Совещания. В итоге получилось, что Россия одна взяла на себя

Карта Порт-Артурса. Около 1904

роль защитника Китая от посягательств Японии, но, тем не менее, 23 апреля 1895 года представители России, Германии и Франции в Токио потребовали от японского правительства отказа от Ляодунского полуострова. Германская нота оказалась наиболее резкой, можно даже сказать, что она была составлена в оскорбительном для Японии тоне.

Выступление трех великих держав произвело в Японии отрезвляющее впечатление. В своей совокупности Россия, Франция и Германия располагали в дальневосточных водах весьма значительным военно-морским потенциалом, который существенно превышал японский. Это значило, что они могли угрожать морским коммуникациям японской армии

в Китае и вокруг него. Японскому правительству пришлось уступить. 10 мая 1895 года оно публично заявило о возвращении Китаю Ляодунского полуострова, но при этом увеличило контрибуцию на 30 миллионов таэлей.

Соглашение стало крупным успехом России. Японские власти допустили серьезный промах: они явно не сумели учесть возможность соглашения между европейскими державами и реальное соотношение сил.

В ноябре 1895 года было подписано японо-китайское соглашение о пересмотре Симоносекского мирного договора.

Обещая России свою поддержку против Японии, германское правительство прежде всего надеялось, что ей удастся втянуть

Россию в конфликт на Дальнем Востоке и тем самым переключить внимание русского императора с границ в Европе на азиатский материк. В одном из своих посланий Николаю II кайзер Вильгельм писал: «Несомненно, что для России великой задачей будущего является дело цивилизации азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы». При этом германские империалисты рассчитывали, что сумеют урвать на Дальнем Востоке что-то и для себя. «Надеюсь, – писал кайзер царю, – что, как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не “стеснит” тебя».

Достигнутый Лобановым успех был только первым шагом русской экспансии в Китае. В дальнейшем царская дипломатия использовала момент, когда Китаю понадобились деньги на уплату японцам контрибуции. Китайское правительство решило начать переговоры с лондонскими, парижскими и берлинскими банкирами. Они были счастливы приступить к делу: их заветной мечтой было закабалить Китай, опутав его чудовищными долгами. Их план был такой: дать заем при условии установления международного контроля над всеми китайскими финансовыми институтами.

Понятно, что контроль такого рода привел бы к тому, что российское влияние в Китае было бы практически полностью утрачено.

Витте решил вмешаться в дело. Воспользовавшись соперничеством французских и немецких банкиров, он предложил китайскому правительству добыть для него заем в 150 миллионов рублей под гарантию русского правительства. Китай получал 94 за 100 из 4% годовых. Французские банкиры взялись реализовать эти деньги. Контракт был подписан 6 июля 1895 года. Он содержал обязательство Китая не соглашаться на иностранный контроль над своими финансами, если в нем не будет участвовать русское правительство. Немцы, как и англичане, были отстранены от участия в финансовой комбинации. Продолжением стало то, что в конце 1895 года по инициативе Витте был основан Русско-китайский банк. Учрежден он был, кстати, не русскими финансистами, а группой французских банков с участием только одного русского банка, находившегося под покровительством русского правительства; оно и обеспечило своим представителям руководящее положение в правлении. Устав банка предусматривал самые разнообразные операции на Дальнем Востоке, включая финансирование китайских властей, сбор и хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая. Это был поистине грандиозный успех.

Следующим делом Витте было создание специального фонда для подкупа китайских сановников, чтобы добиться получения от Китая железнодорожной концессии в Маньчжурии. С планом Витте совпало начало борьбы капиталистов Англии, Франции, Германии и США за железнодорожные концессии в Китае. Заметим: все эти дельцы пользовались поддержкой своих правительств.

Прямым конкурентом русского железнодорожного строительства в Маньчжурии явился американский банковский синдикат, который

проектировал грандиозную дорогу Кантон – Ханькоу – Пекин и далее на соединение с Транссибирской магистралью.

Этот проект означал бы установление железнодорожных сообщений Маньчжурии с Центральным и Южным Китаем, включая его открытые порты, где царил европейский капитал. Сутью американского проекта было наводнить Маньчжурию европейскими или американскими товарами, с которыми русская промышленность не могла конкурировать. Но еще важнее: этот проект создавал серьезные препятствия для политического влияния России в Северном Китае. Между тем Витте хотел как раз изолировать Маньчжурию от центров иностранного капитала в Китае и привязать ее экономически исключительно к Транссибирской магистрали.

Переговоры было решено перенести из Пекина в Петербург, подальше от конкурентов. В конце апреля для этих переговоров в Петербург приехал Ли Хун-чжан (официально он прибыл на коронацию Николая II). Было известно, что западные эмиссары в Пекине наперегонки подкупали китайских министров одного за другим. Витте тоже дал Ли Хун-чжану огромную взятку.

Результатом переговоров стал так называемый Московский договор от 3 июня (22 мая) 1896 года об оборонительном союзе против Японии. В случае ее нападения на Китай, на Корею или на восточноазиатские владения России каждая из договаривающихся сторон должна была прийти другой на помощь своими вооруженными силами. Для облегчения подвоза войск при выполнении этого договора Китай разрешал России постройку железной дороги через Маньчжурию на Владивосток, выдав на это концессию Русско-китайскому банку. Витте добивался также и ответвления дороги на юг,

к Ляодунскому полуострову, однако, несмотря на взятки, этой концессии он не получил.

Концессионный договор между китайским правительством и Русско-китайским банком был подписан 8 сентября 1896 года. Для сооружения и эксплуатации дороги банк учредил Общество Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), фактически работавшее на средства, выделяемые русским правительством. Концессионный контракт предоставлял Обществу право самостоятельно устанавливать железнодорожные тарифы. В числе привилегий для Общества КВЖД была и такая: ему предоставлялось право безусловного и исключительного управления своими землями, т.е. всей полосой отчуждения. Условия договора превращали эту полосу отчуждения в нечто вроде большого, вытянутого в длину русского анклава. Общество КВЖД даже имело свою собственную вооруженную полицию.

Хотя кайзер Вильгельм обещал русскому царю полную и искреннюю поддержку, сам он предпочитал действовать, не особенно с ним церемонясь и не считаясь с русскими планами. В 1897 году, желая как можно скорее приобрести военно-морскую базу в дальневосточных водах, он велел захватить участок для нее по выбору бывшего командующего германской дальневосточной эскадры. Выбор адмирала Альфреда фон Тирпица, ставшего к этому времени морским министром, пал на бухту Киао-Чао, на южном побережье Шаньдуна.

В августе 1897 года Вильгельм II посетил Николая II в Петергофе. Во время этого визита Вильгельм постарался выяснить, не грозит ли захват Киао-Чао конфликтом с Россией, которая обладала правом якорной стоянки в этой бухте для своих военных кораблей. Николай II заверил кайзера, что Россия не претендует

Крейсер «Варяг» и его командир капитан 1-го ранга Всеволод Руднев

на Киао-Чао и намерена приобрести себе базу севернее.

В конце сентября германское правительство известило Пекин и Петербург о намерении использовать Киао-Чао как стоянку для своей эскадры; оно ссылалось при этом на разрешение Петербурга. Однако царское правительство напомнило Германии, что свою готовность предоставить ей якорную стоянку в Киао-Чао царь обусловил предварительным запросом русского военно-морского командования.

Но в начале ноября в Шаньдуне китайцами были убиты немецкие миссионеры. Это дало Берлину отличный повод для решительных

действий. Вильгельм II сообщил царю, что вынужден занять Киао-Чао, дабы обеспечить защиту миссионеров. Николай II ответил, что, поскольку Киао-Чао России не принадлежит, он не может ни одобрить, ни осудить германского шага. Это был поистине тонкий дипломатичный ответ, который немцы должны были оценить как «красный свет». Но Вильгельм, получив этот ответ, дал приказ своим кораблям войти в облюбованную бухту. Последовала реакция России. Русский министр иностранных дел Муравьев выразил протест относительно захвата Киао-Чао Германией, напомнив, что Россия имеет в Киао-Чао

преимущественное право якорной стоянки. Русская эскадра получила приказ отправиться в Киао-Чао тотчас же, как только туда войдут германские корабли.

Германское правительство, хоть и было раздражено этим заявлением Муравьева, сочло нужным предложить Петербургу компромисс: Россия не будет возражать против захвата Киао-Чао Германией и в свою очередь вознаградит себя приобретением Порт-Артура. Сделав это предложение, немцы применили свой излюбленный «дипломатический прием»: они поставили Россию перед совершившимся фактом, высадив

эскадра бросила якорь на рейде Порт-Артура.

Конечно, выгоднее было бы создать базу флота в Корее, но это вызвало бы сопротивление Японии, которую наверняка поддержала бы Англия. Строительство сибирской железной дороги было далеко до завершения, а вооруженные силы России не были готовы к войне с Японией.

6 марта 1898 года было подписано германо-китайское соглашение, по которому Китай передавал Германии Киао-Чао на началах аренды сроком на 99 лет. Одновременно китайское правительство предоставило Германии концессию на постройку двух железнодорожных линий в Шаньдуне и ряд горных концессий в этой провинции. Один из пунктов германо-китайского договора гласил: «Китайское правительство строго обязывается во всех случаях, когда ему понадобится иностранная помощь людьми, капиталом или материалами для какой-либо цели в Шаньдунской провинции, предложить соответствующее предприятие или доставку материалов в первую очередь германским промышленникам и торговцам. В том случае, если германские промышленники или торговцы не будут склонны принять на себя осуществление подобных предприятий или доставку материалов, Китай будет иметь право поступать далее по своему усмотрению». Таким образом, Шаньдун превратился в сферу германского влияния.

В марте 1898 года был подписан договор об аренде Россией Порт-Артура и Ляодунского полуострова. Китайское правительство давало согласие на постройку Россией железной дороги от Порт-Артура до Харбина, дабы эта железнодорожная ветка соединялась с КВЖД.

Англия решила не отставать от конкурентов, которые разрушили ее былую монополию в Китае. Она добилась от Китая расширения

прав английского судоходства по рекам Китая и, главное, фактического признания бассейна Ян-Цзы (богатейшей части Китая) сферой английского влияния. В сентябре 1898 года Англия признала за Германией монополию на железнодорожные концессии в Шаньдуне и в бассейне Хуанхэ (кроме провинции Шанси). Германия со своей стороны признала аналогичные права Англии в бассейне Ян-Цзы и в провинции Шанси. В том же 1898 году Англия добилась от китайского правительства, чтобы должность генерального инспектора таможен принадлежала англичанину до тех пор, пока английская торговля занимает в Китае первое место.

Несмотря на эти успехи, приобретение Российской империей Порт-Артура вызвало в Англии настоящую ярость. Английские предприниматели требовали от Китая положить конец русским коммерческим операциям и наращиванию сил в Китае. Они твердили, что после захвата Порт-Артура, который является ключом к району, в котором расположен Пекин, русские попытаются захватить и сам Пекин. Британская Китайская ассоциация, влиятельная организация, осуществлявшая множество операций на Дальнем Востоке, даже обратилась к премьер-министру Солсбери с письмом, в котором говорилось, что русские, освоив Маньчжурию, попытаются овладеть районом Цзиньчжоу, от которого лежит путь к Пекину, а потом и саму столицу Китая.

Беспокойство английских капиталистов было понятно. Политическое и экономическое положение Англии было в то время непростым. Отношения с Германией испортились. Надвигался конфликт с Францией из-за верховьев Ниаа. Англия поссорилась сразу и с Германией, и с Францией, а теперь назревал конфликт и с Россией. Надо было договариваться либо с Германией,

14 ноября 1897 года десант на побережье Киао-Чао.

Мы столь подробно излагаем все эти события, чтобы читатель оценил, насколько сложными были задачи по защите дальневосточных владений России, когда и Япония, и западные страны стремились к овладению стратегическими пунктами в регионе.

Угроза русско-германского конфликта после захвата немцами бухты была очень серьезной. Но вскоре царское правительство решило пересмотреть свою позицию: оно приняло предложенный немцами компромисс. В декабре 1897 года российская

либо с франко-русской группой. Из этих трех держав Франция не особенно волновала англичан. В возможность сговора Англии с Германией они не очень верили. Поэтому британский премьер предпочел добиваться соглашения с Россией, чтобы обеспечить дальневосточные интересы английского капитала.

В январе 1898 года, вскоре после приобретения Россией Порт-Артура, Солсбери предложил царскому правительству грандиозный раздел Китая и Оттоманской империи. «Застенный Китай», то есть земли, лежащие к северу от Великой Китайской стены, а также и северную часть собственно Китая до долины Хуанхэ, он согласен был предоставить России в качестве сферы ее влияния. Бассейн Ян-Цзы должен был стать исключительно сферой влияния Англии. В Турции для России в качестве сферы влияния Солсбери предлагал северную часть Малой Азии, северную Месопотамию и проливы; за собой он оставлял южную Месопотамию, Египет и Аравию.

Россия отклонила это предложение Солсбери. Тогда Англия захватила бухту Вэй Хай-Вэй на северном побережье Шаньдуна. Это имело целью создать свою базу вблизи Пекина как некий противовес Порт-Артуру. Затем англичане начали переговоры с китайским правительством о продолжении Шанхай-Гуаньской железной дороги до Ньючуана и севернее, в глубь Маньчжурии. Оценивая сооружение английской железной дороги как явную угрозу своим интересам, царское правительство дало Англии согласие на более скромную сделку, нежели та, которую предлагал Солсбери. Была достигнута договоренность о планах строительства железных дорог на территории Китая: Великобритания обязывалась не испрашивать железнодорожные концессии к северу от Великой

Китайской стены и обязалась не возражать против русских концессий в этой зоне. Россия принимала такие же обязательства в отношении бассейна реки Ян-Цзы.

Итак, к концу XIX века завершился раздел значительной части Китая на сферы влияния. Англия сохранила под своим контролем богатейшую часть Китая – долину Ян-Цзы. Россия приобрела Маньчжурию и некоторые другие районы «Застенного Китая», за Германией оставался Шандун, за Францией – Юньнань. Япония в 1898 году вернула себе преобладающее влияние в Корее. Русское правительство, сознавая, что занятие Порт-Артура способно привести к англо-японскому сближению, решило умиловить Японию отзывом из Кореи русских военных инструкторов и финансовых советников.

Развитие событий на Дальнем Востоке усложнило для России международно-политические дела в Европе. Верно, на Дальнем Востоке происходила некоторая экспансия России, но эта экспансия сковывала силы царской России во всех других регионах. А тут еще США, одержавшие решительную победу в войне с Испанией и захватившие Карибские и Марианские острова, а также острова Пулау, вслед за этим оккупировали Филиппины. Эта последняя акция США не могла не отразиться на дальневосточной ситуации. США стали рассматривать Китай как один из важнейших потенциальных рынков для американского капитала и товаров.

Раздел Китая на сферы влияния противоречил интересам США. Перед ними стоял вопрос: какую державу поддержать в партерной борьбе между Англией, Россией, Японией и Германией, чтобы убрать конкурентов своего фаворита, а затем со временем приобрести рынки всего Китая. Американское правительство сделало ставку на Японию.

С этого момента ситуация для России стала ухудшаться с каждым днем. Англия и Германия, действуя в общем ключе, чувствовали теперь за своей спиной мощного союзника по выдавливанию России из Китая. А Япония пользовалась все большими возможностями в приобретении оружия и военных технологий.

Чтобы поставить Российскую империю в затруднительное положение, Япония первой подняла вопрос, почему Россия пытается заставить все другие державы признать ее право на то, чтобы Маньчжурия считалась исключительно сферой интересов России. Объяснения, что именно эта область гарантирует сохранность российских территорий на Дальнем Востоке и реальную защиту российских владений и военных объектов вблизи границы, были сочтены недостаточно оправданными. В дальнейшем русское правительство все время настаивало на том, что маньчжурский вопрос касается исключительно России и Китая и что Япония вообще не должна вмешиваться в маньчжурские дела. Японцы же требовали, чтобы объектом русско-японского соглашения стало положение России и Японии не только в Корее, но и в Маньчжурии.

23 декабря 1904 года японское правительство в лаконичных выражениях, по форме напоминающих ультиматум, сообщило, что «чувствует себя вынужденным просить императорское российское правительство пересмотреть свое предложение в этом смысле». Русское правительство пошло на уступки. Но 13 января 1904 года Япония существенно увеличила свои требования. Царское правительство, сознавая, что не готово к войне, собиралось дать примирительный ответ, но японцы не стали его дожидаться. 6 февраля Япония прервала дипломатические отношения с Россией и 8 февраля без объявления войны осуществила коварное

нападение на русский флот на рейдах Порт-Артура и Чемульпо. Так началась Русско-японская война.

В этой войне, как и можно было предполагать, Англия и США поддерживали Японию. Франция политической помощи России не оказала. Германия сохраняла нейтралитет и была весьма довольна тем, что силы России частично скованы на дальневосточном фронте.

К началу войны Япония в четыре раза превосходила Россию в живой силе, в восемь раз – в артиллерии, в 18 раз – в пулеметах, в 1,3 раза – в кораблях. В составе японской армии было 375 тысяч человек при 1140 орудиях и 147 пулеметах, флот насчитывал 80 боевых кораблей.

План кампании, разработанный русским командованием, выглядел так: имевшимися силами сдержать наступление японской армии, а также сохранить за собой военноморскую крепость Порт-Артур. Затем, после сосредоточения в Маньчжурии достаточных сил, перейти в наступление, разгромить силы противника, высадиться на Японских островах и завершить войну, продиктовав Японии после победы свои условия мира.

Японский план предполагал внезапным ударом уничтожить русский флот, перебросить войска на материк, овладеть Порт-Артуром, а затем разгромить русскую армию в Маньчжурии и до подхода к ней подкреплений из России захватить Маньчжурию, Корею, Приморье, Сахалин, Курильские острова, принудив Россию заключить мир на выгодных для Японии условиях.

Война сложилась неудачно для России с первого дня.

После коварного ночного нападения японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре произошел неравный бой на рейде порта Чемульпо. Крейсер «Варяг» (командир – капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев) и канонерская лодка «Кореец» (под командованием

капитана 2-го ранга Г. П. Беляева) находились на рейде Чемульпо в распоряжении российского посольства в Сеуле.

26 января (8 февраля) японская эскадра в составе 6 крейсеров и 8 миноносцев блокировала порт. 27 января в 11 часов 20 минут российские корабли снялись с якоря и двинулись на прорыв. Через 25 минут после начала движения российских кораблей противник открыл огонь. Бой продолжался около полутора часов. Российские моряки проявили героизм, мужество и верность воинскому долгу, раненые не покидали своих боевых постов. Руднев, несмотря на ранение, продолжал руководить боем. В неравном бою «Варяг» получил тяжелые повреждения и потерял убитыми и ранеными более четверти экипажа. Не имея возможности продолжать борьбу, российские корабли возвратились в Чемульпо. Чтобы не допустить их захвата врагом, «Варяг» был затоплен, а «Кореец» взорван. Экипажи вернулись в Россию через нейтральные порты.

Неравными были сражения на реке Ялу, бои после высадки японских войск на Ляодунском полуострове, оборона Порт-Артура (она продолжалась 329 дней и сковала около двухсот тысяч японцев). Несмотря на самоотверженность и героизм русских воинов, перехватить инициативу русская армия не смогла и после поражения в Мукденском сражении, в котором с обеих сторон участвовало около полумиллиона солдат и 2,5 тысяч орудий, перешла к обороне.

Последней и решающей битвой стало Цусимское морское сражение (14–15 мая 1905 года) в районе острова Цусима (Корейский пролив). Здесь 2-я эскадра Тихоокеанского флота под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского потерпела сокрушительное поражение от Императорского флота Японии. Большая

часть русских кораблей была потоплена противником или затоплена собственными экипажами, часть капитулировала, некоторые интернировались в нейтральных портах и лишь четырем кораблям удалось дойти до русских портов. Сражение положило конец войне. Итогом ее стало подписание унижительного для России Портсмутского мирного договора. Россия потеряла около 270 тысяч человек (в том числе более 50 тысяч убитыми). Общее число японских потерь было таким же, но убитых оказалось 86 тысяч.

Поражение в войне ускорило начало в России революционных событий 1905–1907 годов. Объективными причинами поражения были удаленность театра военных действий от промышленных районов страны, слабость ее экономической базы, устаревшие методы руководства войсками и флотом. Война показала важность военно-технического фактора для войн XX века.

Следствием поражения стало превращение Российской империи из субъекта в объект международной политики великих держав: ее внешняя политика стала более зависимой. Был потерян престиж военной мощи империи. Из страны, имевшей третий флот в мире, Россия, потерявшая почти все главные силы своего флота, превратилась во второстепенную морскую державу. Падение престижа России в глазах мировых держав привело к дестабилизации баланса сил в мире, что стало одной из многих причин Первой мировой войны. Огромны были материальные потери (не менее 500 млн. рублей), следствием чего стали бесконечные внешние займы и соответственно рост финансовой зависимости России. Это стало еще одним существенным фактором для вступления России в Первую мировую войну и гибели Российской империи.

СУДЬБА ЧЕТЫРЕХ: ЦАРСКИЕ УЗНИКИ В ДАНИИ

Память о них хранится на чужбине, а имена увековечены на мраморной доске в капелле древнего монастыря

НАДЯ КНУДСЕН,
Международный пресс-центр, Дания

Капелла францисканского монастыря XIII века в городе Хорсенс

Фото: Надя Кнудсен

Однажды, будучи с okazji в датском городке Хорсенс, родине знаменитого мореплавателя и первооткрывателя Витуса Беринга, я зашла в готический храм.

«И случай, бог изобретатель...» Под величественными сводами средневекового храма монастыря «серых братьев» (монахов Ордена францисканцев) на мраморной мемориальной доске золотыми буквами была выведена надпись на латыни, которая гласила, что под полом

капеллы захоронены русские принцы и принцессы – то есть царевичи и царевны, братья и сестры свергнутого Ивана VI.

Монастырь, построенный в 1261 году богатым датским рыцарем Нильсом Манерупом, был подарен бедным монахам, что ходили в рясах из грубой мешковины (поэтому и называли их «серыми братьями») в этом провинциальном городке на востоке полуострова Ютландия.

Сам же Орден монахов-францисканцев, основанный в 1208 году в Италии священником Францем Ассизским, довольно скоро обосновался в Скандинавии. В одной лишь Дании было 35 монастырей – два из них по сию пору сохранились на Фарерских островах и в городе Наксков.

Монахи этого римско-католического ордена покинули Данию в 1535 году с приходом в Королевство Реформации.

Самого монастыря в Хорсенсе уже нет, а храм остался, и история того, как попали сюда русские царевичи и царевны, которых в Дании называли принцами и принцессами, вызывала интерес. Какими ветрами и лихолетьем занесло их сюда? Не медвежий угол, но все же задворки Европы, как ни крути.

К счастью, в архиве самого города и в королевских архивах датской столицы удалось отыскать

документы, поведавшие удивительные факты о судьбах этих четырех царских узников, которых взшедшая в 1741 году на престол Елизавета Петровна заточила в крепость, а 35 лет спустя уже другая русская императрица Екатерина II Великая, смилостивившись, выслала из России далеко и надолго, как оказалось, навсегда.

В 1780 году в этот далекий от интриг царского двора провинциальный город Хорсенс тайными путями прибыли из России на королевском корабле бывшие царские узники – великая княгиня Екатерина (1741–1807), великая княгиня Елизавета (1743–1782), великий князь Петр (1745–1798) и великий князь Алексей (1746–1787). Все они были детьми внучки Ивана V Анны Леопольдовны (1718–1746) и ее супруга Антона Ульриха

Портрет Ивана VI Антоновича, пятого императора России (1740–1741)

Брауншвейгского (1714–1774). И что интересно, все они носили фамилию Брауншвейг Люнебург-Волфенбюттел.

Старший сын Анны Леопольдовны Иван VI (1740–1764) был провозглашен императором, когда ему было всего два месяца от роду, и потому регентом была и номинально правила государством с 9 ноября 1740 года по 25 ноября 1741 года его мать, 22-летняя Анна Леопольдовна, в девичестве принцесса Мекленбург-Шверинская.

Однако русское дворянство было недовольно ее правлением: мол, слишком молода и неопытна в делах государевых, да к тому же немка.

Как известно, засилье немцев было сильным в то время при русском царском дворе. И тут, к слову сказать, была вина Петра I, потому

что именно он изменил существующий порядок престолонаследования, издав в 1722 году закон «воли монаршей», согласно которому государь имел право назначить наследником кого захочет. И тем самым положил начало той череде дворцовых и государственных переворотов, что случились после него. Целых пять их было за неполные 40 лет, пока Екатерина II, захватив власть в свои руки, не оста-

новила эту чехарду «Петров и Аннушек» на царском престоле.

Но вернемся к царским узникам... Итак, в ночь на 25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота Иван VI был свергнут Елизаветой Петровной, дочерью Петра I и Екатерины I. Анну Леопольдовну вместе с супругом и детьми быстро и незаметно удалили подальше из столицы из-за угрозы держателю царской власти и короны Российской империи.

Сначала Брауншвейгское семейство отправили в Латвию, в Рижский замок, затем в форт Дюнамюнде под Ригой, а в 1744 году перевезли в Раненбургскую крепость в Рязанской губернии. В конце концов они оказались в Холмогорах, в низовье Северной Двины, где их держали в заточении долгие годы.

Там родились двое младших царевичей – Петр и Алексей, и там же ушли из жизни их родители: Антон Ульрих умер в 1774 году, а Анна Леопольдовна скончалась в 1746-м от послеродовой горячки.

А ведь царских узников-то должно было быть пятеро, скажете вы. Да, но тут интересная историческая подробность. Елизавета I, достойная дочь своего отца, помнила, как Петр I жестоко расправился со своим сыном, наследником Алексеем от первой супруги Евдокии Лопухиной.

Свергнув малолетнего императора Ивана VI, императрица Елизавета I не только решила избавиться от экс-царя, но и вычеркнуть любое упоминание о нем. Русский историк профессор И. В. Курукин в своей книге «Повседневная жизнь Тайной канцелярии» пишет: «Она издала указ, согласно которому все монеты с именем бывшего императора должны быть изъяты из обращения, хранение же таких монет стало считаться политическим преступлением. Арестовывались или уничтожались документы и любые другие свидетельства существования Ивана Антоновича – даже ода в его честь, написанная М. Ломоносовым. Скажем так, случай с указом не имеет прецедентов в российской истории. Конечно, Елизавета I решилась на такой шаг только потому, что малолетний император правил всего около года».

Ивана VI с четырех лет содержали вдали от семьи и, как известно, позднее он стал тайным узником Шлиссельбургской крепости, где был убит стражниками при попытке его освобождения в 1764 году, когда ему было 23 года.

А Екатерина Великая только через 18 лет своего царствования вспомнила о царских узниках и, понимая, что после 35 лет заточения они уже никакой угрозы не представляют для царского престола, приняла в 1780 году решение их всех высла-

ть из Российской империи в пожизненную ссылку в Данию, где жила в то время и правила при датском королевском дворе их родная тетка по отцу, вдовствующая королева Юлиана Мария (1729–1796), родная сестра Антона Ульриха Брауншвейгского. Немка по рождению, принцесса, она с 1752 года была второй супругой датского короля Фредерика V, который правил страной с 1746 по 1766 год.

Король датский, жуир и ловелас, любил вино и рано умер, и хотя на престол взшел его сын от первого брака, став королем Кристианом VII, реальная власть оказалась в руках вдовствующей королевы Юлианы Марии.

Кстати, именно она основала в 1782 году первую фабрику знаменитого теперь во всем мире королевского фарфора, на которой по ее приказу создали редкой красоты сервиз под названием «Флора Даника» в подарок русской императрице Екатерине II, – видимо, за заботу и хлопоты о четырех царских узниках, детях Антона Ульриха, брата Юлианы Марии. Ведь бремя платежей на их содержание взял на себя русский царский двор и нес его покорно до 1808 года – до тех пор, пока был жив последний из узников, даже когда Екатерина II и Юлиана Мария скончались (обе в 1796 году).

Когда встал вопрос о том, куда разместить бывших царских узников, то в городе Хорсенс построили для них великолепный дворец в стиле голландского барокко. Возводить его пригласили придворного архитектора Кристиана Фредерика Харсдорфа и зодчего Андерса Крузе.

В документах городского архива того времени говорится: «Дворец был богато уставлен изнутри дорогой изящной мебелью, полы устилали роскошные персидские ковры, картины известных художников украшали стены многочисленных его залов, с потолков свешивались

хрустальные люстры. Более 46 человек состояли на службе при дворце, не считая собственной свиты царских узников, в числе которой, кроме охраны, фрейлин, камеристок и слуганок, были также православный священник с двумя дьяконами. В специально сооруженной часовенке шли православные богослужения».

Заботливая тетушка Юлиана Мария выслала за детьми своего брата в 1780 году датский королевский корабль, чтобы тайно доставить их сначала в Берген, а затем, пересадив на датский фрегат, под королевским уже флагом переправить в порт города Фладстранд (ныне – Фредериксхавн) на севере полуострова Ютландия. И затем в королевских каретах и повозках довели их с пожитками и свитой в Хорсенс.

Королевская тетушка своих русских племянников и племянниц явно старалась баловать. Со всей округи доставлялись им свежайшие продукты, лучшие вина, экзотические фрукты и овощи из стран Востока и Африки. Также баловала она их тончайшими кружевами, привезенными из Голландии, шелками и роскошной парчой из Франции и дорогими мехами из Германии.

Старались слуги создать им комфорт и негу, чтобы жизнь вновь шла по заведенному в России порядку.

Портрет Анны Леопольдовны работы Луи Каравака. Ок. 1740

При этом, судя по архивным документам того времени, царские сироты вели очень замкнутый образ жизни и в светской жизни не участвовали.

И была на то своя причина. Они чаще всего выезжали куда-либо тайно в каретах в обществе самой тетушки Юлианы Марии и ее свиты или же проводили время в кругу своих фрейлин и советников. Потому как слишком много было у них недугов, обретенных ими за то время, что они провели в царских стенах крепости в Холмогорах.

Старшая царевна Екатерина была 39 лет отроду на момент переезда к тетушке в Данию. У нее были серьезные проблемы со слухом, она плохо и несвязно говорила и чаще использовала жесты, чтобы объяснить свои желания. Ее не стало в 1807 году в возрасте 66 лет,

Портрет королевы Дании Юлианы Марии Брауншвейг-Вольфенбюттельской работы Карла Густава Пило. Около 1750

Анна Леопольдовна и Иван VI Антонович

К слову сказать, многие датчане, жители этого городка, вместе с русским священником отцом Сергием Бондаревым и православными прихожанами, которые знакомы с историей царских узников, приходят каждый год в этот средневековый

храм, чтобы отдать дань памяти царским потомкам и возложить цветы. А после службы поговорить о русской и датской истории, о превратностях судеб и о доброте, что по сию пору помогает людям в столь непростое время и спасает мир.

но прожила она дольше всех бывших царских узников.

Царевны Елизаветы не стало уже в 1782 году, то есть через два года после приезда в Данию. Ей было 39 лет. Она мучилась от головных болей, которые донимали ее с тех пор, как она еще ребенком упала с лестницы и ударилась головой о каменную ступеньку.

Царевич Петр, старший из братьев, вследствие детской травмы был сутулым и от рождения кривоног. Он был боязлив и крайне застенчив, говорил мало. Ушел из жизни в 1798 году в возрасте 52 лет.

Самый младший – царевич Алексей ушел из жизни в 1787 году в возрасте 39 лет.

В 1808 году вся роскошная обстановка дворца в Хорсенсе – мебель, картины, ковры – ушла с молотка на аукционах.

И два года дворец стоял тихий и опустевший, пока в 1810 году сюда не переехала после развода с королем датским Кристианом VIII его неверная жена. Она прожила здесь в изгнании почти 30 лет, забытая светом и семьей, до своего последнего дня, но в неге и роскоши дворца соответственно статусу. Когда ее не стало, дворец вновь опустел и позднее, в 1915 году, его просто разрушили.

А вот средневековый храм монахов-францисканцев судьба хранила, он действует и стоит на территории бывшего монастыря, величием своим привлекая прохожих под свои готические своды. Чтобы можно было удивиться красоте его внутреннего убранства и поклониться праху четырех русских царских узников – Екатерине, Елизавете, Петру и Алексею, великим князьям и царским потомкам, волею судеб занесенным в эпоху лихолетья в далекие датские края.

Память о них хранится на чужбине, а имена увековечены на мраморной доске в капелле древнего монастыря в Хорсенсе.

КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

*Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье
(продолжение, начало в № 159/01–02, 160/03–04, 161/05–06, 162/07–08, 163/09–10)*

ЕВГЕНИЙ ЕФРЕМОВ

Григорий Николаевич Трубецкой

Спустя почти месяц Трубецкой начал замещать Струве на посту начальника Управления иностранных сношений во время командировки того в Европу для переговоров с союзниками, в которую он отправился между 12 и 14 мая¹. Биограф Струве, замечательный американский историк Ричард Пайпс отмечает, что тот пригласил на это место «по-видимому, самого близкого политического единомышленника»². Штат управления в Севастополе

оказался небольшим: заместитель начальника Б. А. Татищев, заведующий хозяйственной частью и персоналом М. И. Догель и еще семь сотрудников³. Изменение принципа руководства ведомством, а также слабость центрального аппарата в Севастополе, в котором из опытных дипломатов работали лишь князь Трубецкой и Б. А. Татищев, привели к серьезному смещению центра тяжести в управлении дипломатическим корпусом в пользу Парижа. В новых условиях, сообщая А. А. Нератову об одобрении общих принципов задуманной им реорганизации представительства в Константинополе, и.о. начальника Управления иностранных сношений в Севастополе князь Трубецкой прямо советует ему связаться с Парижем, прося лишь уведомить о результатах.

Уже 17 мая 1920 года Трубецкой писал по поручению Врангеля официальному представителю французской миссии на Юге России генералу Манжену, что поскольку единственной целью ВСЮР является вооруженная борьба с большевиками, то главнокомандующий готов воспользоваться всякой помощью, а также готов согласовать свои

действия с польскими и украинскими силами. С целью эффективного проведения операций Врангель предложил разграничить район действий борющихся армий. Причем Трубецкой особенно подчеркнул, что правитель Юга России «благожелательно расположен ко всем силам, действующим против большевиков, и готов входить с каждой из них в соглашение чисто военного характера, не затрагивая до окончания борьбы никаких щекотливых политических вопросов». Генерал Манжен, как писал Трубецкой, находившемуся в Париже Струве, не удовлетворился этими разъяснениями и продолжал настаивать на постановке вопроса о едином командовании. Считая, что вопрос о едином командовании – дело далекого будущего и возражая в принципе против иностранного командования, Врангель полагал, что первоочередной задачей является согласованность в ведении боевых действий с тем, чтобы ВСЮР вышли на территорию, которую поляки «определяли в качестве будущей Украины». Врангель, будучи «расположен признать за Малороссией самую широкую автономию в пределах будущего Российского

Правитель Юга России и главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель, войсковые атаманы, члены правительства Юга России и войсковых казачьих правительств. Севастополь. 22 июля 1920 года (из архива Марии Николаевны Апраксиной, дочери Николая Михайловича Котляревского, личного секретаря барона П. Н. Врангеля)

государства», не мог поступиться принципами⁴.

Трубецкой письменно излагал, что для Крыма представляется все более и более важным заинтересованность Америки в его делах. Возрождение России не может осуществляться без широкого привлечения иностранного капитала и предприимчивости. В этом отношении он выступал за готовность предоставить всевозможные преимущества американской инициативе, не опасаясь политических последствий, кои могли бы быть сопряжены с привлечением в наши пределы иных государств. Еще в апреле 1920 года пароходы «Честер-Вальси» и «Сангомон» доставили в Крым американское снаряжение: свыше 40 тыс.

ящиков шрапнели, 6 тыс. ящиков взрывчатки, 46 ящиков винтовок с запасными частями к ним. В конце августа военный агент сообщал об отправке пароходом «Фараби» из Нью-Йорка 436 пулеметов Кольта, 2 479 600 ружейных патронов, 456 кусков стали, 3130 винтовок, инструментов и материалов. В сентябре пароходом «Истерн-Виктор» из Сиэтла отправлено было в Севастополь 2124 килы подошвенной кожи, 210 тысяч пар брезентовых краг и других товаров общим весом 6623 тонны. Красная Армия, овладев Крымом, захватила 10 новых американских паровозов в еще не собранном виде, а также много снаряжения и обмундирования американского происхождения.

Именно Трубецкой оказался изображен на известной серии фотографий, сделанных 4 августа и запечатлевших для истории участников подписания соглашения между П. Н. Врангелем и атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терек и Астрахани. Из дел управления следует отметить юридические коллизии отношений с Польшей и Финляндией. Дело в том, что они хотели иметь своих представителей в Крыму для защиты интересов своих подданных. Был учтен печальный денкинский опыт, и если они не находились на военной службе, то могли немедленно отправляться к себе на родину. Сложнее обстояло дело с балтийскими государствами – Эстонией, Латвией и Литвой. Они не были включены

¹ Пайпс. Струве. Биография. Т. 2. С. 576.

² Там же. С. 358.

³ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х т. М.: Международные отношения, 1993. Т. 2. С. 589.

⁴ Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 гг.). Ч. II. М., 1992. С. 147–150.

П. Б. Струве в 1919 году

в официальный консульский лист и именовались «представителями латышских (или иных) интересов»⁵. Военнообязанные из этих стран, например, могли отправиться домой только в исключительных случаях.

Врангель в этих отношениях особенно благоволил полякам: ведь они являлись фактически его союзниками, ведя войну против Красной армии (с 7 мая по 10 июня они владели Киевом). Наступление Врангеля

в Северной Таврии, начавшееся 6 июня, повлекло за собой резкую обструкцию англичан: это грозило прервать их деликатные торговые переговоры с Москвой, которая таким образом могла нажать на них из-за их помощи Крыму. Врангель послал дипломатическую ноту союзникам, в которой объяснял свои действия⁶. После этого отношения союзников резко меняются: англичане решительно предупреждают его относительно последствий дальнейших военных действий за Перекопом, а французы, напротив, говорят о посильной помощи. В конце концов это вылилось в признание Францией *de facto* правительства Врангеля, которое состоялось 10–12 августа 1920 года⁷. Этот успех был достигнут дипломатическими усилиями П. Б. Струве. Он вернулся в Крым 27–29 августа, и Трубецкой сдал ему должность⁸. Вскоре князь полностью отстранился от дел и в октябре уехал из Крыма⁹. Путь его лежал в Париж через Белград, семья же пока оставалась в сербском Брдо. 1 ноября она переехала в Вену. Трубецкой присоединился к ней позже в Австрии, он выбрал для нее г. Баден (Baden bei Wien), где уже поселилась его сестра М. Н. Гагарина и была русская церковь. Так они стали жить в этом городе на *Marchetstrasse, 78*. Вскоре к ним приехали родители жены. Известие о трагедии исхода из Крыма Белой армии и гражданского населения застало Трубецкого ранее, в Париже. Он вместе со всем дипломатическим корпусом Врангеля был причастен к тому, что многочисленные беженцы оказались обязаны спасением своей жизни не только

доблестному нашему флоту, совершавшему эвакуацию под защитой французского флага. Они обязаны ею и уже упоминавшемуся дипломатическому успеху. Кстати, надо сказать, что Григорий Николаевич оказался единственным членом всех главных правительств белого Юга России: Донского гражданского совета, Особого совещания при А. И. Деникине и правительства Юга России при П. Н. Врангеле.

В эмиграции на новом месте жительства Трубецкой организовал православный приход. Шагом к нему явилась его встреча с митрополитом Евлогием, управляющим всеми западноевропейскими русскими церквями, на которой он просил архиерея выделить священника для пасхальной службы¹⁰. Возможно, тогда Григорий Николаевич научился управлять церковным хором – быть регентом. В следующем году он был членом Карловацкого всезаграничного церковного собора, но в заседаниях участия не принимал: он туда не поехал, все уже шло к расколу.

В 1921 году Трубецкой основал книгоиздательство «Русь» в Вене для выпуска на русском языке книги «Император Николай II и его семья» П. Жильяра, воспитателя наследника последнего царя¹¹. В том же году его издательство выпустило книгу И. Ф. Наживина «Записки о революции» – автора, который в эмиграции из бытописателя вырос в крупного литератора и публициста. На следующий год для взрослых вышли «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, а для

детей – книги К. В. Лукашевич «Славная Севастопольская оборона» и «Один из многих и другие рассказы» – популярные еще с начала века (из советских библиотек ее сочинения были изъяты в 1923 г.). В том же году этим издательством были переизданы – уже не только для семьи, а для широкого общества – воспоминания его брата Е. Н. Трубецкого под названием «Из прошлого». В 1922 году Григорий Николаевич написал и опубликовал во французском католическом журнале книгу о судьбе веры и Церкви, проникнутую стремлением к соединению церковью (под названием «Красная Россия и Святая Русь» она увидела своего читателя в 1931 году). Его сын Сергей позже напишет об этом периоде: «В Бадене собрались многие русские, бывшие купцы Прохоровы (чай), Смирновы (водка), Алексеевы и другие. Изредка мы все ездили в Вену на концерты и в оперу. Папа и Мама очень любили музыку, и думаю, мы все восприняли эту любовь от них»¹².

Дома у себя он принимал своего знаменитого племянника филолога Н. С. Трубецкого, и часто еще к хозяину по почте приходили письма на имя родственника, пока тот прочно не обосновался в Вене.

Лето 1922 года принесло усиление материальных трудностей для семьи: «До начала минувшего лета здесь было сравнительно дешево жить на валюту, но теперь положение радикально изменилось. Настолько, что лично очень подумываю отсюда уехать, ибо дороговизна

не оправдывает дальнейшего пребывания в Австрии»¹³.

Постоянный доход, валюту, которая падала в цене к растущей австрийской кроне, приносило семье поместье тестя в Польше, которое носило название «Шорсы». В его состав, чрезвычайно урезанный поляками после завоевания независимости, входили 250 гектаров пашни и 10 тысяч гектаров леса¹⁴. Те же материальные лишения отразились и на судьбе соотечественников в Австрии. Семейную картину забот Трубецкого дает сентябрьское письмо его сестры А. Н. Чертовой, в нем она отмечает, что брат «... все же тяготеет и несколько изводится, тут и тоска по России и вынужденное безделье, которое он старается оправдать уроками с детьми, на которые уходит до пяти часов в день и которые его утомляют, особенно уроки с Мишей. В общем, они бы хотели переселиться, но трудно сняться с якоря»¹⁵.

Трубецкой предполагал, что С. Н. Булгаков, уже выслан из Крыма, находится в очень бедственном положении в Константинополе, и Григорий Николаевич хотел устроить его настоятелем в Вену. 1 апреля 1923, должно быть, предполагая, что Булгаков может разделить его обозначившийся в публичных и частных выступлениях дрейф в сторону частичного соглашения с католичеством, он делился планами со Струве: «Я теперь со дня на день поджидаю С. Н. Булгакова по дороге в наши края. Вот бы Вам тут съехаться. <... > С Булгаковым я в переписке по вопросу: издавать

⁵ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х т. М.: Международные отношения. 1993. Т. 2. С. 607–610.

⁶ Там же. С. 603.

⁷ Пайпс. Струве. Биография. Т. 2. С. 367.

⁸ Там же. С. 369; Трубецкой Г.Н. Памяти П.Н. Врангеля. // Памяти кн. Гр.Н. Трубецкого. Сб. статей. С. 119.

⁹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х т. М.: Международные отношения. 1993. Т. 2. С. 616.

¹⁰ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Моск. рабочий. Изд. отд. Всецерковного православного движения. 1994. С. 347–348.

¹¹ Трубецкой. Годы смут и надежд... С. 10.

¹² Князь С.Г. Трубецкой. Семейные хроники. С. 79.

¹³ Письмо Г.Н. Трубецкого главе Совещания послов М.Н. Гирсу 12 февраля 1923 г. // «Русский мир». 1917–1928 гг. Фонд «Русский мир». 2009. www.aio-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/2_1917-1928/#_Точ242082643 (дата обращения 1.08.2015).

¹⁴ Трубецкой А.В. Пути неисповедимы (Воспоминания 1939–1955 гг.). М.: Контур 1997. www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=8907 (дата обращения 1.08.2015).

¹⁵ Князь С.Г. Трубецкой. Семейные хроники. С. 101.

Эвакуация Белой армии из Крыма. 1920

или нет церковный журнал». Трубецкой надеялся убедить собеседника в необходимости такого издания: «Вот о чем надеюсь говорить с Булгаковым. По его письмам вижу, что он чувствует себя одиноким». Можно предположить, что путь Булгакова из Константинополя в Прагу вполне пройдет через Вену. 25 апреля 1923 (возможно, старого стиля) Трубецкой сообщал на пражский адрес Струве: «Жду Булгакова завтра или в пятницу».

В Дневнике Булгаков делает запись 5 мая: «Уже третий день здесь в гостях у Гр. Н. Трубецкого,

и новая волна впечатлений, сведений, мыслей!»¹⁶.

В Праге Булгаков получил место в Русском юридическом факультете при Карловом университете – очевидно, стараниями близкого к президенту Чехословакии Карелу Крамаржу (он субсидировал факультет), Струве и создателя и главы факультета Новгородцева¹⁷.

В 1923 году для семьи Трубецкого возникло еще одно осложнение: функции защиты интересов беженцев были переданы представителю Верховного комиссариата

Лиги наций Л. Реймонду. До этого дипломатическая защита русских обеспечивалась испанским посольством. Урегулирование этих трудностей легло на плечи князя. Вся ситуация усугублялась непозитивным отношением лично Реймонда и вообще австрийских властей к представителю Делегации по защите интересов русских в Австрии К. П. Шабельскому. Еще приходилось отстаивать от посягательств большевиков здание русского посольства, а также два храма и православное кладбище при одном из них.

24 июля Трубецкой получил благодарность от Врангеля за все его усилия в поддержке русских беженцев в зарубежье. В том же 1923 году молодой священник о. Димитрий Барсов приехал к ним из Франции, куда попал из России через Сибирь с русскими войсками, посланными на помощь Франции еще в 1915–1916 году. Его жена и дети были тоже вывезены уже из СССР благодаря помощи четы Трубецких. Этот священнослужитель возглавил приход их маленького храма.

«В нашем доме проводились по вечерам спектакли. На эти службы собиралась вся русская баденская колония. Нас было в это время 70–80 русских... Папа [Г. Н. Трубецкой] через кардинала Мерсье в Лувене, Бельгия, устроил прием многих русских студентов в знаменитый Католический лувенский университет. Также через кардинала Д'Эрбени во Франции он добился приема в Лильский католический университет некоторых русских студентов...»

В самом начале лета иконостас нашей церкви был разобран и перевезен в сарай и бывшую конюшню при нашем доме, где и была устроена заново наша церковь. Службы там продолжались до нашего окончательного отъезда из Австрии»¹⁸.

Они поселились недалеко от столицы Франции в городке Кламар. Место первой выбрала Мария Константиновна, жена Трубецкого: «... Тут действительно очаровательно, самая настоящая деревня. Вокруг поля – снятый клевер, сжатые хлеба в снопах, лес молодой, с оставленными при рубке дубами,

со старыми глубокими колеями, поросшими травой, все так живо остро напоминает русскую деревню, Васильевское. Вечером сидела в саду: звездное небо, тишина, лягушки с пруда, столько прозулок...»¹⁹.

В том, что Трубецкие для воспитания оставшихся четырех сыновей осенью 1923 года²⁰ переехали именно во Францию, сыграла свою роль и настоятельная просьба великого князя Николая Николаевича. О ней пишет жена Григория Николаевича в июньском письме из Парижа: «... главное Н.Н., который вызвал Гришу сюда, настаивает и просит его далеко от него не уезжать, т.к. он ему нужен»²¹.

Здесь большую роль сыграла инициатива генерала А. П. Кутепова. Он навел на Николая Николаевича на вилле Антиб на побережье еще в марте 1923 года. О том, как происходила их встреча нам неизвестно, но некоторое время спустя великий князь согласился именоваться лидером эмиграции. Через два месяца он переехал в небольшое поместье Шуани в 25 км от Парижа, откуда мог поддерживать непосредственный контакт с эмигрантскими политиками.

За связь с русским зарубежьем стал отвечать Трубецкой, сделавшийся его личным секретарем²² и советником. Консультировал окружение великого князя по вопросам церковной и политической жизни.

В новые обязанности он погружился всем своим существом. Также в Париже начал участвовать в заседаниях Российского

торгово-промышленного и финансового союза²³.

Для установления связи с патриотично настроенными соотечественниками в середине сентября Трубецкой вошел в состав Инициативной группы по объединению русских общественных организаций. Приложил старания, чтобы группа теснее вошла во взаимодействие с великим князем, заявила о своем существовании и намерениях²⁴. Также ему с декабря 1923 года предстояло налаживать работу осведомительного отдела в организации²⁵.

Князь принимал деятельное участие в церковной жизни: выступал с докладами в обществе «Вера и жизнь», участвовал в «Беседах о церкви», в религиозных беседах. В своих статьях и лекционных турне по европейским университетам активно обсуждал тему соединения православной и католической церкви.

Зимой следующего года князь стал одним из 13 членов-учредителей зарубежного православного Братства во имя святой Софии-Премудрости Божией.

Эта инициатива берет начало на первом съезде Русского студенческого христианского движения в Пшерове (Чехословакия) в сентябре 1923 года. В его работе активное участие принимали видные религиозные деятели русского зарубежья: С. Н. Булгаков, В. Ф. Марцинковский, Н. Н. Афанасьев, А. В. Карташев и другие.

Продолжение следует

¹⁶ Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. Прага [1923–1924]. Из архива Свято-Сергиевского богословского института в Париже. Пражский дневник отца Сергия Булгакова. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. М.: ОГИ, 1998. С. 114.

¹⁷ Колеров М.А. С.Н. Булгаков в 1923 году: из Константинополя в Прагу. // Исследования по истории русской мысли. Вып. 6. Ежегодник 2003. М.: Модест Колеров, 2004. С. 600, 602.

¹⁸ Князь С.Г. Трубецкой. Семейные хроники. С. 83–84, 94.

¹⁹ Там же. С.105.

²⁰ Письмо Г.Н. Трубецкого М.Э. Здеховскому. 23 декабря 1923 г. // Балтийский архив...

²¹ Князь С.Г. Трубецкой. Семейные хроники. С.104.

²² Пайпс. Струве. Биография. Т.2. С. 460.

²³ Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Состав. Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой. 2008–2010. С. 347.

²⁴ Российский зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. С. 35.

²⁵ Там же. С.101–103.

СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

К 90-летию князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского

РОКСОЛАНА ЖИГОН,

политолог, публицист, кандидат экономических наук, доктор политических наук

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

Гармония и эстетика, щедрость, эмпатия и утонченность душевной организации, познание себя через напряжение воли и неустанный работу разума. Никита

Дмитриевич Лобанов-Ростовский сумел соединить в себе все эти личностные характеристики, что открыло ему путь к искусству, деятельности коллекционера

и мецената, стало Прометеевым огнем его духа.

90-летие князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского отпраздновали в его доме в пригороде Лондона. В числе гостей были монаршие особы, представители политического истеблишмента Великобритании, давние друзья и поклонники, приехавшие со всех концов света, чтобы поздравить юбиляра и засвидетельствовать свое почтение и восхищение его личностью и плодами многолетней культурно-общественной деятельности.

Историческое полотно

6 января 1935 год, София, Болгария – время и место рождения Никиты Дмитриевича. Тревожный 1935 год... В Риме премьер-министр Италии Бенито Муссолини и премьер-министр Франции Пьер Лаваль подписали серию договоров, получившую название Римский пакт. Адольф Гитлер объявляет о принятии «Закона о строительстве вермахта» (нем. *Gesetz über den Aufbau der Wehrmacht*). Германия отказывается выполнять положения Версальского договора 1919 года о демилитаризации и вновь вводит воинскую повинность. После вторжения Италии в Эфиопию Совет Лиги Наций объявляет Италию агрессором и исключает из Лиги Наций.

На фоне неспокойных предвоенных событий в мире между Болгарией и СССР созревает дипломатическая напряженность. Несмотря

на пребывание у власти в Болгарии правительства Кимона Георгиева (19 мая 1934 – 21 января 1935), которое характеризовалось процессом нормализации взаимоотношений между Болгарией и Советским Союзом на основе признания принципов мирного сосуществования, плодотворно начавшееся сотрудничество натолкнулось на сопротивление болгарских реакционных сил во главе с царем Борисом III. Заставив Георгиева в январе 1935 году уйти в отставку, царский двор вопреки национальным интересам Болгарии вернулся к откровенно враждебной по отношению к Советскому Союзу политике. После «бескровного переворота» (отстранения от власти Георгиева) 22 января 1935 года было сформировано дворцовое правительство во главе с генералом Пенчо Златевым. Политическая окраска и суть болгарской дипломатии в корне изменились.

Это прежде всего касалось отношений с Советским Союзом. Правящие круги сразу же недвусмысленно дали понять о своем нежелании продолжать эффективное развитие болгаро-советских отношений.

Правительство Болгарии еще отчетливее продемонстрировало, с одной стороны, свою враждебность к Советскому Союзу, с другой – стремление к сближению с нацистской Германией и ее союзниками. Оживились отношения Болгарии с Польшей. Их связывал откровенный антисоветизм и негативное отношение к усилиям Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности. Сторонники Пакта Пилсудского – Гитлера пытались организовать антисоветский блок малых европейских стран во главе с Польшей, включая и Болгарию.

Погружаясь в исторические события прошлого, невозможно не ощутить тот драматизм,

который витал в воздухе Болгарии на момент рождения Никиты Дмитриевича. Сын русских эмигрантов, бежавших от большевиков, контрреволюционный элемент, аристократ в 33-ем поколении, принадлежащий к древнему роду Рюриковичей, среди которых были Св. Владимир Красно Солнышко, Ярослав Мудрый, выдающиеся государственные деятели, служившие верой и правдой интересам России на протяжении столетий. Всего этого было достаточно, чтобы задать масштаб личной трагедии семьи Лобановых-Ростовских, которая подверглась жесточайшим гонениям и унижениям. Личная трагедия, которая стала частью истории Болгарии и всей Европы...

После расстрела отца Никита и его мать Ирина Васильевна Вырובה более года находились в тюрьме, получив впоследствии статус «лишенцев», которым не полагались никакие пособия и поддержка со стороны государства в период тотального дефицита и гонений на «бывших».

Затем последовали годы испытаний, когда главной целью было лишь физическое и моральное выживание, побег из коммунистической Болгарии во Францию и переезд в Великобританию. Обучение в Оксфорде на факультете геологии, а также в Колумбийском университете (США) позволило Никите Дмитриевичу стать геологом и позже построить успешную профессиональную карьеру в банковской сфере.

Однако сердцевиной его культурно-просветительской деятельности и вдохновения всегда являлось коллекционирование театрально-декоративной живописи Серебряного века. Коллекция Никиты Дмитриевича признана одной из лучших частных коллекций в мире. Сегодня она находится в Санкт-Петербургском

музее театрального и музыкального искусства.

Возможно, именно искусство давало ему внутренние силы перед лицом жизненных испытаний и невзгод.

Так, пройдя тернистый путь по спирали времени – начиная от воскресного дня 6 января 1935 года в Софии до 6 января 2025 года в предместье Лондона, Никита Дмитриевич смело и в то же время умиротворенно взирает в объектив камеры на фоне портрета своего предка Якова Ивановича Лобанова-Ростовского (1760–1831), яркого государственного деятеля эпохи императора Александра I, олицетворяя собой редкий образчик аристократизма и благородства, живую связь времен и исторических событий.

Князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский, который, по свидетельствам современников, отличался не только красивой наружностью, любезностью и веселым нравом, общительным характером и природным умом, но и прямоотой и благородством характера, говорил правду в глаза, временами бывал горяч, любил резко обличить неправду. Чуждый корысти и лицемерия, он за глаза хвалил, в глаза бранил и не одобрял того, чего не мог хвалить, из-за чего многие его не любили, но все уважали. Был душой общества, до глубокой старости сохранял живость характера, в кругу молодых людей был молод, умел и радоваться, и делить горе вместе с другими. Сходство портретов очевидно.

Культурная дипломатия и общественная деятельность

Никиту Дмитриевича нельзя назвать человеком, слепо следующим изученному в книгах. В каждом акте познания ему всегда

Н.Д. Лобанов-Ростовский на фоне портрета своего предка князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского. Лондон. 2025

требовался и требуется эксперимент и опыт. Так, постоянное желание проявлять активную общественную позицию, оказывать поддержку русской культуре за рубежом – яркая иллюстрация этой живой вовлеченности и состояния присутствия в гуще общественных событий. «Жизненная энергия – это вечное блаженство», – утверждал английский поэт и художник Уильям Блейк. И в этом состоянии Никита Дмитриевич продолжает пребывать и по сей день.

Политическая жизнь как в России, так и за ее пределами всегда являлась предметом интереса Никиты

Дмитриевича. Его суждения и оценки носят предельно независимый характер, что, в свою очередь, может доставлять крайнее неудобство как для него самого, так и для тех, кто внимательно следит за его высказываниями и подерживает их.

Никита Дмитриевич пребывает сегодня в постоянном интеллектуальном тоне, стараясь отслеживать текущие тренды и настроения в мировой политике, поддерживать активное общение с различными экспертами и аналитиками, чьи мнения могут рази-

тельно отличаться от его видения или от взглядов друг друга, но это не мешает ему ловко лавировать между рифами разнонаправленных сил. Ведь его цель – добраться до ключевой информационной жилы, максимально незамутненно го источника данных. И в этом проявляется геолог-стратег, следующий четкому плану разработки и добычи того или иного ценного ресурса.

Различные российские, болгарские, французские и британские издания регулярно берут интервью у Никиты Дмитриевича, высоко оценивая его видение сегодняшнего положения дел в мировой политике

и перспектив разрешения конфликта между Россией и Западом.

Полезное качество характера Никиты Дмитриевича – высокая степень резистентности к абсурду и мракобесию – помогает ему держаться на расстоянии от подачи недальновидных или неосторожных стратегических сценариев грядущего мироустройства. Искусство быть беспристрастным – отличное топливо для стратегического мышления.

«Голубая Обнаженная»

Несмотря на насыщенную палитру романтических и matrimониальных отношений в жизни Никиты Дмитриевича, не счесть сломанных перьев и пролитых чернил в попытках наделить его чертами Дон Жуана. Однако эти попытки каждый раз оказываются тщетными.

Наш герой был и остается слишком рациональным и прагматичным, чтобы расточать свое внимание, силы и время на мимолетные отношения и интриги, и исключительно требователен к женскому образу и характеру, дабы дать возможность случайности определять узоры его души и сердца, навигацию движения вперед.

Мужчины подобного калибра редко заняты поиском «единственной и неповторимой», так как их жизненное кредо и размах профессиональной и общественной деятельности столь масштабны, что любые неподобающие отвлечения не соразмерны затратам моральных и душевных сил, что, в свою очередь, не исключает проявлений исследовательской деятельности данного вопроса на разных жизненных этапах.

Их идеалом, скорее, остается «Голубая Обнаженная» Анри Матисса – женский портрет, который выкристаллизовывается самим

искусством и врывается в материальный мир, побуждая к внутренним преобразованиям и самосовершенствованию.

Не случайно, что женские портреты Матисса – галерея визуального эстетизма и чувственности – вызывают особые чувства в душе Никиты Дмитриевича. «Голубая Обнаженная» – это *enigma* его души, совершенная София (греч. «Мудрость»), воспетая в трудах русского философа XIX века Владимира Сергеевича Соловьева.

Она не только является сущностью метафизической, но и образом, непрестанно ищущим своего царственного воплощения в реальной жизни.

Это Аппассионата чувственности, эликсир его долголетия, свежести взглядов и влюбленности в энергию бурных потоков жизни, какую бы причудливую форму они не принимали. Воистину, когда высшие силы желают пробудить в умудренном жизнью мужчине волю к интеллектуальному и духовному строительству, то они посылают Женщину со скрижалями нового мироустройства в руках, дабы вдохновить его на устройство нового храма искусств и науки через созидательную энергию этой Женщины, решимость и бесстрашие перед вызовами времени. Так в качестве вознаграждения жизнь продлевается до ветхозаветных рубежей для выполнения этой сверхзадачи.

Аппассионата цвета

Если, по словам Бенуа, «Матисс дает огромный урок честности» в своем творчестве, то князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский демонстрирует предельную честность в каждом своем жесте и желании преобразить мир, не нарушая его внутреннего баланса. Он дискретен и сдержан, но его глаза выдают чувственное буйство красок,

Анри Матисс. «Голубая Обнаженная». 1953

собранных с полотен лучших мастеров прошлого и ставших частью его духовного мира.

С самых первых тактов своей незаурядной жизни, стремительно-страстного *allegro*, увлекавшего его то холодом драматизма, то сладким ужасом восторга от того, что порой не оставалось ничего, кроме неутолимого стремления выжить в потоке насилия и унижений,

горьких испытаний и лишений, ничего, кроме желания лицезреть красоту, которая вторгалась в его разум и душу словно буря. Он знал и безошибочно чувствовал, что вечность влюблена лишь в плоды времени. И только этими плодами времени он хотел делиться всю свою жизнь, потому что именно так звучит его Аппассионата цвета, красоты и истины.

ИНТЕРВЬЮ

БЕСЕДА С АНГЕЛОМ

Людмила Варламова: «В картине должна быть загадка: недосказанность интригует человека и включает его воображение»

ЛЮДМИЛА МЕНАЖЕ

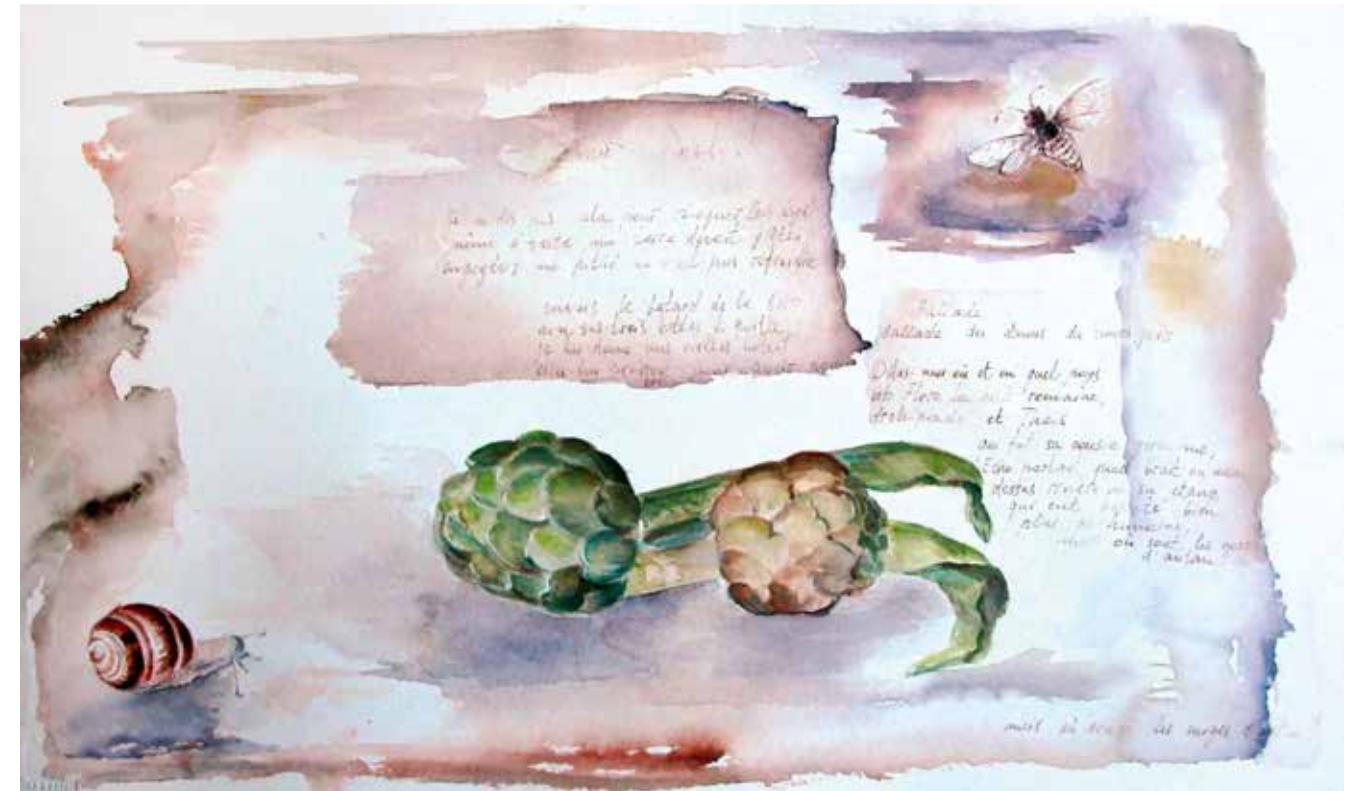
Людмила Варламова

Случалось ли вам когда-нибудь разговаривать с ангелом? Со мной это произошло недавно. Именно такое ощущение оставило у меня общение с Людмилой Варламовой во время нашего интервью.

Можно ли измерить творческий дар художника международным признанием, уникальными выставками и плодотворным сотрудничеством? Безусловно. Но еще более убедителен искренний посыл созданных им произведений, который находит отклик в сердцах людей. Порой даже мимолетное появление такого человека в нашей жизни становится настоящим благословением.

Лето 2019. Я уже несколько лет живу во Франции. Как автор и иллюстратор книги «Принцесса и Чудовище», философской сказки на основе жизни княгини Багратиони-Мухранской (с недавнего времени – княгиня Андроникова), я была приглашена вместе с другими представителями местных ассоциаций на вечер, организованный российским консулом в Вильфранше. Там я познакомилась с Натали Соболевой, президентом французско-российской ассоциации дружбы и культурного обмена «Nathalie». Позже я узнала, что иллюстратором ее поэтического сборника выступила Людмила Варламова.

Мне стало интересно подробнее изучить творческий путь и феномен этой удивительно талантливой художницы. На помощь пришли многочисленные публикации в интернете и даже видеоинтервью. Меня поразили ее глубокий ум,

Артишоки с улиткой

трудолюбие, стойкость, огромная любовь к жизни и редкий дар художника – способность улавливать и интерпретировать через всевозможные техники рисунка и живописи самые тонкие эмоции.

Людмила с большой радостью приняла мое предложение познакомиться и ответила на несколько вопросов.

Людмила, считаете ли вы, что стойкий характер способен определить судьбу?

Недавно я прочла книгу «Стоики побеждают» и поняла, насколько мне близки идеи стоицизма. Книга учит, что стремление к знаниям (мудрость), хорошее отношение к людям (справедливость), действия вопреки страху (смелость) и негибкость

ведут к успеху. Эти четыре качества – ключевые. Книга оказалась для меня невероятно полезной, ответил на многие мои вопросы. Теперь эта книга всегда под рукой. Я не обращаюсь к психологам, потому что интуитивно понимаю, что мне нужно.

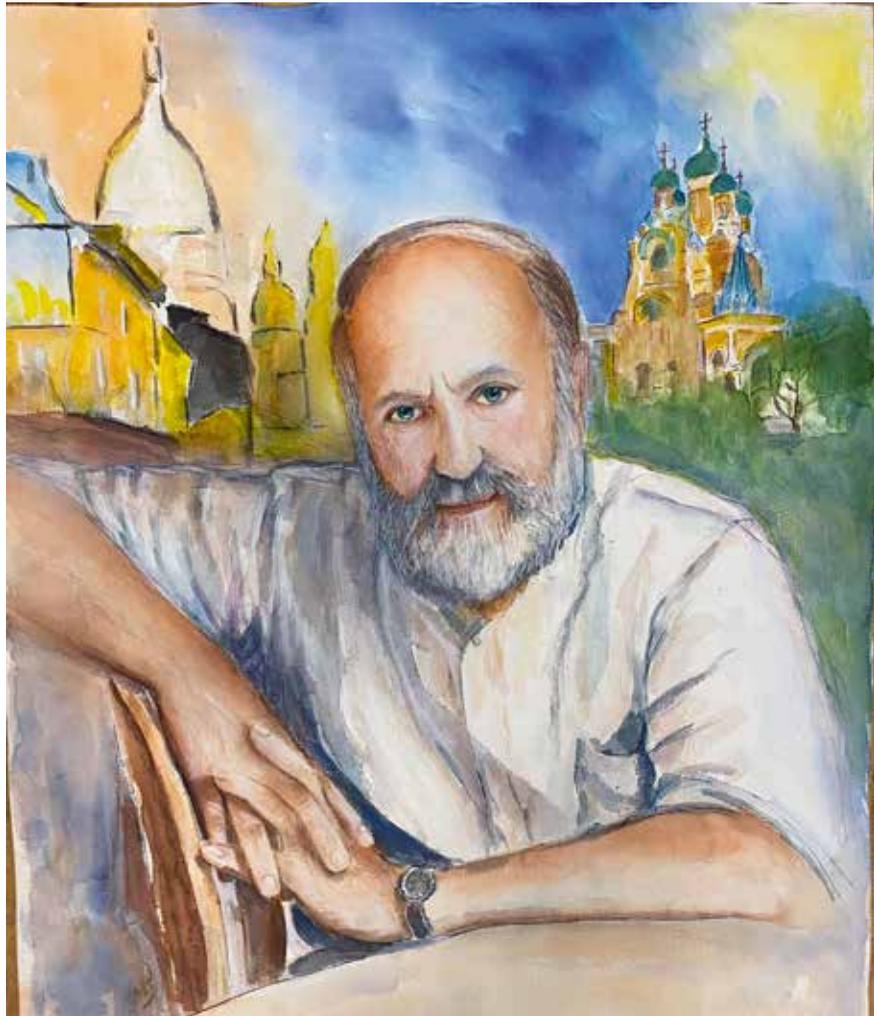
И я всегда говорю, что мне повезло со свекровью и свекром. Тамара

Людмила Варламова – советская и российская художница, представительница известных художественных династий Расторгуевых, Гусевых и Варламовых, член Московского союза художников, Международного художественного фонда и творческого объединения «Ирида». Родилась в Сумском Посаде, окончила Московский областной институт культуры.

Художница провела персональные выставки в Москве, Санкт-Петербурге, Риме, Франции, Праге, Камеруне, Литве, США и других странах. Произведения Варламовой находятся в музеях России, а также в частных коллекциях.

Людмила Варламова работает в области живописи, графики, коллажей и эскизов для декоративно-прикладного искусства. Она предпочитает масло, гуашь, акрил, акварель и пастель, экспериментирует с техниками, создает монотипии и использует смешанную технику. Работает в жанрах пейзажа, натюрморта, портрета и абстракции.

Ее работы охватывают разнообразные темы: карнавалы, музыка, танцы, театры, необычные ситуации и женские образы. Варламова постоянно меняет темы, палитру и методы, уделяя особое внимание пленэрной живописи. Ее произведения, созданные в изящном, узнаваемом стиле, наполнены тонкими нюансами и яркими оттенками, продолжая традиции мастеров Серебряного века.

Портрет Рене Герра

Гусева и Евгений Расторгуев были совершенно удивительными, фантастическими людьми. Тамара закончила ВГИК и училась у знаменитого художника Юрия Пименова, автора картины «Новая Москва» (1937). Евгений Анатольевич, прошедший войну, учился в Суриковском училище у Сергея Герасимова, который также был выдающимся художником. Они объездили всю Россию и побывали за границей множество раз, в том числе с выставками в Париже и Ницце в 1999 году.

Расскажите, пожалуйста, о Франции, о дружбе с известным французским коллекционером и исследователем культурного

наследия русской эмиграции Рене Герра, о посещении его парижского музея русской культуры, а также Франко-русского дома, основанного Рене и его братом Аленом в их родовом поместье в Бер-лез-Альп.

В 1999 году я впервые посетила Францию, и это произошло благодаря Рене Герра, который поразила меня своей личностью. Он единственный француз, настолько глубоко погруженный в русскую тему. Я знаю его с 1998 года, и когда приезжаю в Ниццу, останавливаюсь у него. Также я часто гощу у него в Париже.

Я полюбила Францию и с 1999 года практически каждый год ездила туда с выставками.

Выставок было много: и в Париже, и в Ницце, и в Шербуре, и в Монако. Когда я представила свои работы из серии «Французские письма» на выставке в Шербуре, французская публика была в восторге. Зрители читали тексты на моих картинах и задавали вопросы, пораженные тем, что кто-то издали так хорошо знает и увлекается французской поэзией. Я объясняла им, что для русских зрителей мои работы – это картины, ведь они не знают французского языка и воспринимают текст как красивые иероглифы. Французы же читали и спрашивали, почему я изобразила именно это, и я поясняла им связи и ассоциации.

Мне особенно повезло провести выставку в саду виллы Эфрусси-де-Ротшильд на Лазурном Берегу. Это было время удивительных знакомств с потрясающими людьми. Я познакомилась тогда с великим человеком, который много сделал для России и укрепления дружбы между нашими странами – бароном Эдуардом Александровичем фон Фальц-Фейном. У меня есть его книга «Жизнь русского аристократа» с автографом. В 2001 году прошла презентация этой книги в Москве. Барон прожил 106 лет.

Мне также посчастливилось познакомиться с Пьером Карденом. Он произвел на меня огромное впечатление.

У меня много работ, вдохновленных Лазурным Берегом. В 2020 году у меня была запланирована выставка во Франции, но из-за пандемии все отложилось.

Тема Франции не отпускает меня, более того – она сама находит меня.

Как возникла идея выставки «Пушкин и Франция»?

Выставка «Пушкин и Франция» возникла неслучайно. Она исследует связи между Пушкиным и такими выдающимися французскими поэтами, как Бодлер, Рембо, Верлен

Парижское кафе

и Аполлинер. Почему Пушкин? Потому что, хотя они и творили в разное время, их объединяют параллельные темы – жизнь, философия, восприятие мира.

Пушкин никогда не был за рубежом, но его и Францию объединяет великая поэзия и великие люди, которые жили в этой стране. И любовные письма своей Натали Пушкин писал на французском.

Одна из выставок на эту тему проходила в музее-усадебке «Полотняный завод» (родовом имении Гончаровых), в бывшем бальном зале, где когда-то Натали танцевала с Александром Сергеевичем. Изначально выставка была запланирована на месяц, но ее продлили до 8 сентября, чтобы отметить Натальин день рождения.

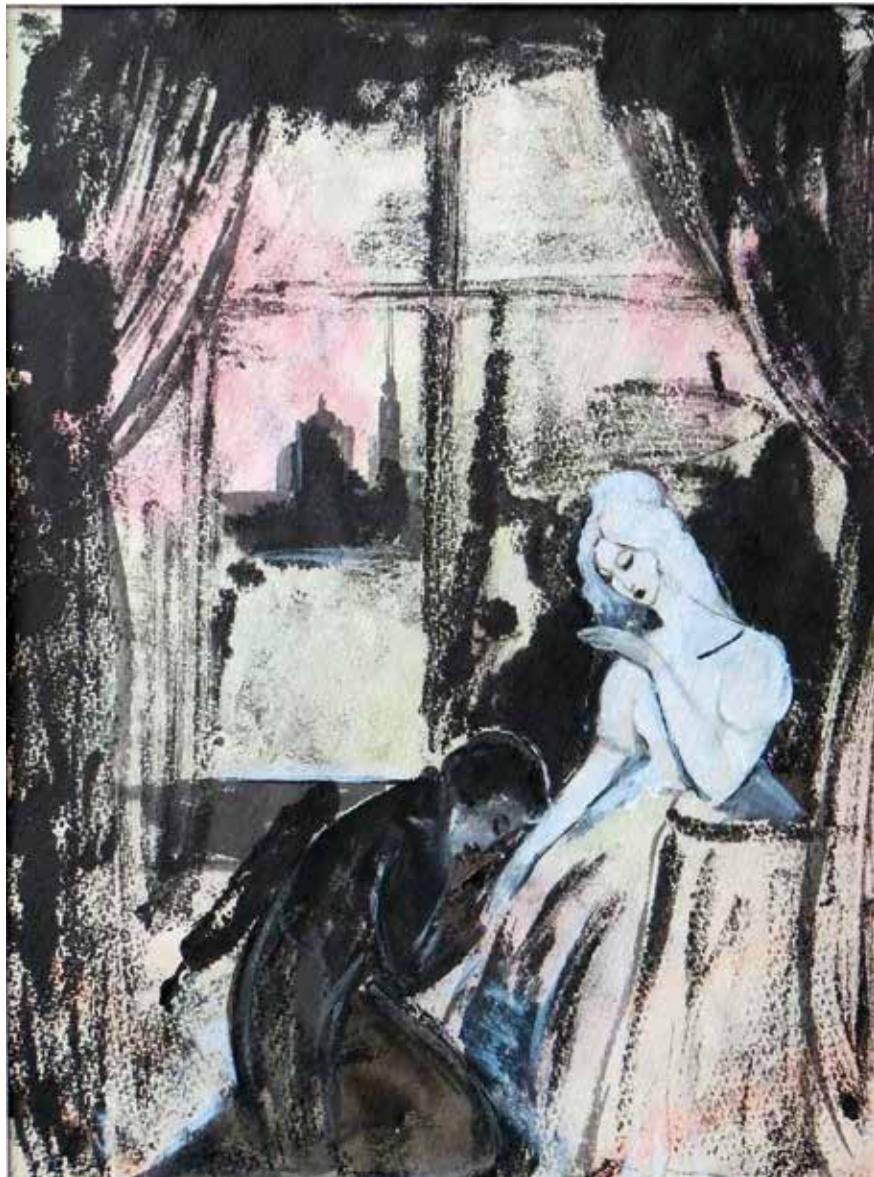
В июне – июле 2024 года в старинном особняке В. Д. Носова в Москве, недалеко от того места, где родился русский гений, прошла выставка, приуроченная к 225-летию со дня рождения Пушкина. На ней были представлены мои монотипии, акварели и живопись на темы «Пушкин – уроженец Яузской Москвы» и «Пушкин и Франция».

Как долго вы шли к своему стилю, в чем его уникальность? В каких стилях вам довелось работать?

Это абсолютно нормально, когда художник со временем меняется. Вспомним любого известного художника, например Пикассо. У него были розовый и голубой периоды,

и реализм у него был на высоком уровне благодаря прекрасной школе. Но к чему он пришел потом? Кажущиеся кривыми и косыми рисунки на самом деле тщательно выверены, и его заслуженно считают гением. Анри Матисс, Жорж Руо, импрессионисты, экспрессионисты – все они фантастические люди. Каждый художник выбирает близкую себе тему. Я, например, люблю сюжеты, и у меня картины всегда с сюжетом.

Что касается моего стиля, я шла к нему долго. Я работала в разных стилях, включая кубизм, психологический реализм и реалистичный романтизм. Каждая тема раскрывалась в определенный период моей жизни. Например, серия «Французские письма» родилась во время моего увлечения французской поэзией. Это

Прощание («Евгений Онегин»)

были самые продуктивные и вдохновляющие моменты моей карьеры.

В картине должна быть загадка: недосказанность интригует человека и включает его воображение. Хотя я также люблю реалистичные вещи, обманки, миниатюры – мне это очень нравится. Но недосказанность гораздо интереснее, чем четкое определение.

А как создавались иллюстрации к роману «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова?

Я делала иллюстрации к этому произведению по просьбе моих друзей, которые снимали офис и хотели оформить его в духе Булгакова. Чтобы придумать композицию, я много раз посещала знаменитую «нехорошую квартиру» № 50, в которой Булгаков поселил своих героев. В итоге у меня получилась небольшая, но очень красивая серия работ, включая портрет Булгакова. Я показала эту серию своему знакомому, который живет в Черногории, где находится музей Булгакова!

Он был так впечатлен, что заказал у меня открытки и постеры с этими иллюстрациями. Они действительно получились очень красивые. Меня никто не торопил, и я смогла глубоко погрузиться в эту непростую и глубокую тему.

Что значит для вас истинная роскошь?

Я считаю, что истинная роскошь – это возможность помогать. У меня много работ ушло на благотворительность. Мы организовывали аукционы, и я отдавала свои работы на помощь больным детям. Так, в 2019 году в Питере на одном аукционе у меня попросили работу, которая продана за очень большую сумму. Эти средства пошли на лечение девочки, больной раком.

Помощь требует энергии, и это естественно. Человек должен помогать, если может. Я, слава Богу, могу это делать. Некоторые говорят мне: «Тебе воздастся». Я отвечаю: «Если вы будете думать о воздаянии, то это уже неправильно». Нужно помогать с чистым и открытым сердцем. Если можешь – помогай, если нет – ничего страшного. У нас, к сожалению, не принято говорить о помощи, хотя существует множество организаций, которые помогают и людям, и бездомным животным. О них знают немногие. Но помощь – это святое.

Когда встречаешь людей, с которыми тебе хорошо, это тоже роскошь, ведь таких людей не так много. Не все могут подходить друг другу в определенный период жизни. У меня есть проверенные друзья, с которыми я могу поговорить о чем угодно.

В чем истинное назначение художника? Как вы оцениваете роль и значение искусства в современном обществе?

Я люблю наблюдать за людьми. Я художник, и мне интересно

Иллюстрация к роману «Мастер и Маргарита»

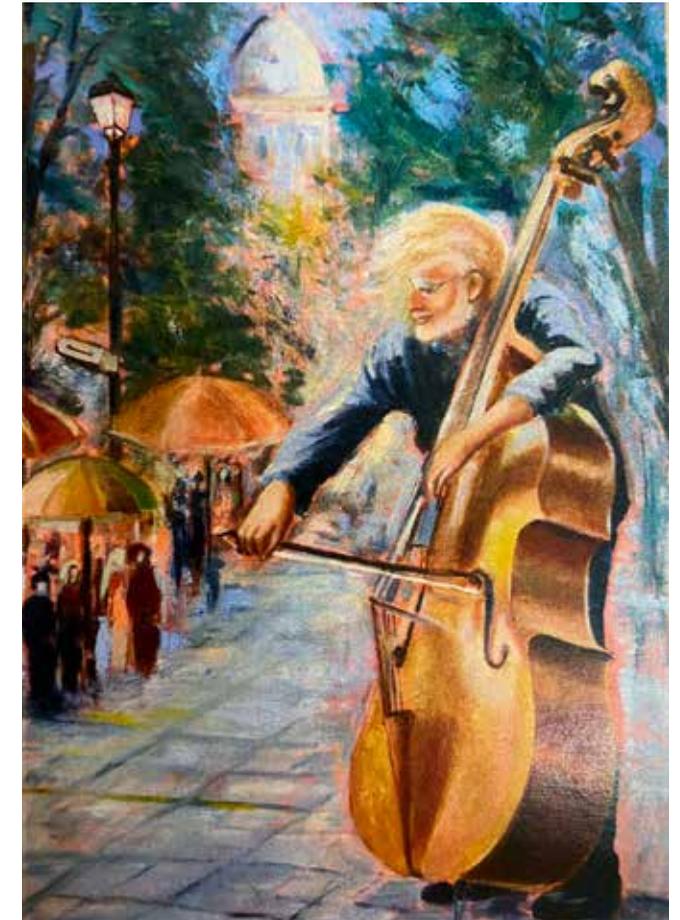
изучать сюжеты, которые встречаются на улице, в метро, везде. Я понимаю, что не все можно передать на бумаге. Для этого нужны другие визуальные средства, инновационные решения. Лет 15 назад у нас в галерее была выставка немецкой художницы Ребекки, которая создавала инсталляции. Одну из них я запомнила навсегда: это были тоненькие деревца, под каждым из которых находились разные детские и взрослые, женские и мужские башмаки. Эта инсталляция называлась «Все, которые ушли». И Ребекка сочиняла японские пятистрочные стихи танка. В этих строках заключена вся философия жизни. Ван Гог тоже увлекался танка, и в Пушкинском музее была выставка его работ, где были представлены эти стихи.

Какая из ваших работ вам дороже больше всего?

«Музыкант на Монмартре» – одна из моих любимых работ. Прототипом героя был реальный человек. Однажды, прогуливаясь по улочкам Парижа, я заметила этого словно не от мира сего музыканта. Он, не замечая никого, выводил мелодии на своей виолончели. Ветер играл его пышными белыми волосами. Под впечатлением я сфотографировала его и только год спустя написала эту картину.

Что для вас важнее – смысл или форма?

Передать смысл и настроение важнее всего. Если это присутствует в произведении, люди обязательно отреагируют.

Музыкант на Монмартре

Иногда мне хочется написать что-то грустное, но, подумав, не делаю этого. Моя личная задача как художника – передавать позитив, ведь жизнь и так полна испытаний. Но стойки всегда побеждают!

Что для вас счастье как для женщины и художницы в настоящий момент?

Жить, работать, двигаться вперед, предпринимать и работать на себя! Я никогда не могла усидеть на одном месте; сижу только тогда, когда рисую. Я точно знаю, что Бог есть и на все есть промысел Божий. Мне удалось реализоваться в любимой профессии. Когда меня спрашивают, как я выдержала все трудности, я отвечаю просто: я очень этого хотела.

ПЕВЕЦ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

7 февраля 1780 года родился видный русский живописец и график Алексей Гаврилович Венецианов

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Алексей Венецианов. Автопортрет. 1811

В 1824 году в Петербурге была опубликована статья одного из самых известных российских публицистов Павла Петровича Свиньина. Она называлась «Взгляд на новые отличные произведения художеств, находящиеся в Санкт-Петербурге».

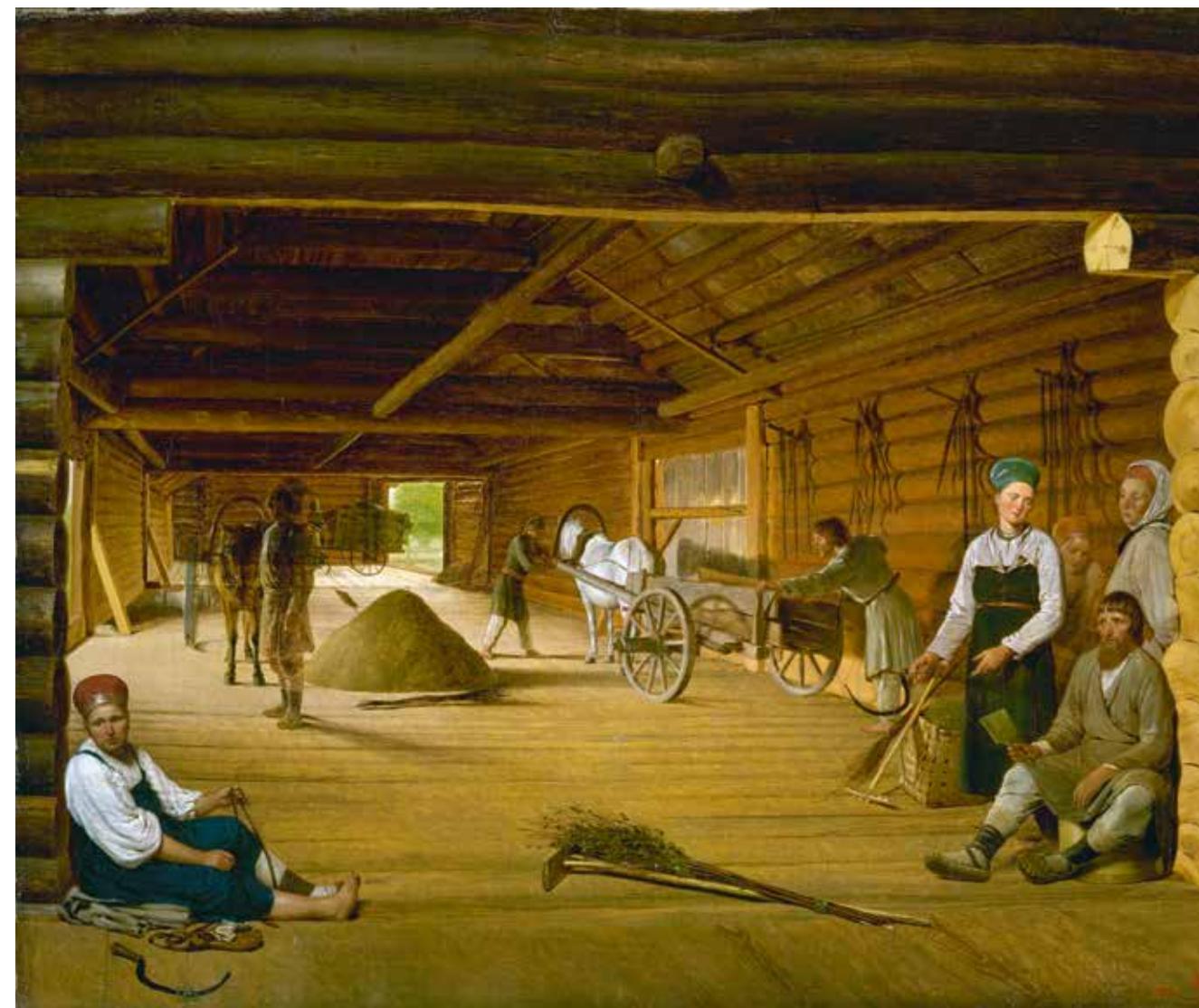
Знаниям и вкусу Свиньина публика доверяла. Он был писателем, журналистом, издателем, художником, историком и географом, собирателем русских древностей и издателем журнала «Отечественные записки». Все его статьи и критические заметки

широко обсуждались, а журнал внимательно читал и император.

Свиньин писал: «Наконец мы дождались художника, который прекрасный талант свой обратил на изображение одного отечественного, на представление предметов, его окружающих, близких его сердцу и нашему, – и совершенно успел в том. Картины, написанные г. Венециановым в сем роде, пленяют своею правдою, занимательны, любопытны не только для русского, но и для самого иностранного любителя художеств».

Алексей Гаврилович был выходцем из купеческой среды: он родился 7 (18) февраля 1780 года в семье купца 2-й гильдии. Разброс товаров, которые продавал отец будущего художника, был довольно забавным: кусты смородины, луковицы тюльпанов, школьные тетради и картины (живопись и гравюры). Последнее интересовало юношу более всего. Он стал копировать картины, делать собственные зарисовки, и в этом его поддерживала мать, которая в детстве училась рисовать. Родители, знакомые с художником Боровиковским, блестящим портретистом, определили сына к нему в ученики.

Скорее всего, это учение было классическим по форме и содержанию, но Боровиковский был к тому же большим мастером светотени, и это умение он своему ученику передал. Боровиковский был также феноменальным мастером пастели, и первые работы Венецианова также были выполнены в этой технике. Среди них особенно выделяется замечательный портрет декабриста Михаила Фонвизина.

Гумно. 1822–1823

Примерно до 30 лет Венецианов, занимаясь живописью, в то же время был чиновником лесного ведомства; он числился землемером и даже сдал экзамен, чтобы получить этот пост.

Но вскоре в его жизни произошло важное событие. Оценив его работы, главным образом выполненные в манере классицизма, преподаватели Академии художеств пришли к выводу, что мастерство Венецианова заслуживает присвоения ему звания академика.

Сначала он считался «назначенным академиком», но вскоре стал

полноправным академиком и мог иметь собственных учеников. Забегая вперед, скажем, что в числе примерно 20 учеников Венецианова были такие известные художники, как А. Алексеев, С. Зарянка, Е. Крендовский, А. Мокрицкий, Г. Сорока, А. Тырянов и другие. Заметим, что некоторые его ученики были крепостными.

На картине «Портрет К. Головачевского с учениками» Венецианов изобразил патриарха Академии с тремя мальчиками, которые символизировали три вида искусства: живопись, скульптуру

и архитектуру. Вообще же, созданные Венециановым портреты, как считали современники, воплощали лучшее, что было создано и в европейском, и в русском искусстве. Особенно в этом ряду выделялись два портрета: Н. Гоголя и Н. Карамзина.

Венецианов, конечно, мог стать в Петербурге модным портретистом, но, судя по всему, такая карьера его не устраивала.

Когда началась Отечественная война 1812 года, Венецианов решил внести свой вклад в агитационно-пропагандистскую деятельность

Крестьянская девушка с теленком. 1829

созданием карикатур на французов и так называемых «галломанов» – дворян, симпатизирующих французам. Сотрудничая с Иваном Теребневым, он создал десятки таких карикатур.

После окончания войны Венецианов серьезно заинтересовался историей крестьянской борьбы с французами и помощи, которую русские войска получали из деревень. Этот интерес, вполне возможно, и привел к тому, что он покинул Петербург и вместе с женой и детьми уехал в деревню Сафоново Тверской губернии.

С этого времени начался новый этап в творчестве Венецианова. Он был знаком с жизнью в деревне, но не имел представления о крестьянском быте. Как-то увидев, что женщины ходят по пашне босиком, он решил попробовать сделать то же самое. Домой он вернулся с израненными ногами. Только здесь, в Сафоново, он понял, как тяжок деревенский труд, как непроста в деревне жизнь женщин и детей. Но не трудности их существования, а романтика простых и честных отношений деревенских жителей, красота людей и природы вдохновили

Венецианова на создание, по сути дела, нового жанра – своего рода крестьянского романтизма.

Венецианов с трогательной симпатией относился к деревенской молодежи, верил, что среди крестьянских детей немало талантов и нужно помочь им раскрыться как можно раньше. Он основал художественную школу, и в этой школе в разное время прошли обучение рисунку и живописи свыше семидесяти мальчиков, среди которых были и крепостные. Некоторые ученики школы Венецианова стали со временем учащимися Академии художеств.

Сафоновский период творчества Венецианова отличается стремлением художника отразить в искусстве реальную атмосферу деревенской жизни с ее неторопливостью, которая сочеталась со строгим графиком необходимых в нужное время действий.

В небольшом имении художника было не так много возможностей воссоздать атмосферу широких полевых работ, благодаря которым Россия была способна экспортировать зерно в Европу и даже стать ее основным поставщиком вскоре после Отечественной войны 1812 года. Он прибегал для этого к самым разным, часто неординарным решениям. Так, для того чтобы написать одну из самых интересных своих атмосферных картин «Гумно», он выбрал просторную бревенчатую избу в своем имении и приказал выпилить одну из стен, чтобы показать ее внутреннее пространство и получить таким образом возможность решения пространственного изображения и широкой перспективы.

Считается, что наибольшую известность Венецианову принесли образы крестьян (картины «Жнецы», «Захарка», «На пашне. Весна»). Они отличаются искренностью, правдивостью и поразительной реалистичностью

На пашне. Весна. 1820

изображения. В целом, картины художника отличала филигранная техника исполнения. Именно в этом заключается секрет его признания в самых разных странах, где история масляной живописи исчисляется многими сотнями лет.

Венецианов был не только живописцем, но и теоретиком живописи. Достаточно сказать, что две его работы («Нечто о перспективе» и «О системе преподавания в рисовальных классах») до сих пор не утратили своей актуальности.

Он работал и как иконописец: писал иконы для Смоленского собора, для церкви Обуховской градской больницы. В последний год жизни художник работал над иконами для

церкви пансиона дворянского юношества в Твери.

Отдавая предпочтение народным мотивам, Венецианов выработал особый национально-романтический стиль, оказавший большое влияние на другие виды искусства, в том числе прикладное.

В первой четверти XIX века в Петербурге издавался журнал «Волшебный фонарь» – ежемесячное иллюстрированное издание, которое показывало «народные типы» в характерных костюмах того времени. На волне развития национального романтизма в России издание стало очень популярным. «Народные типы» по мотивам альманаха повторялись в русских

народных картинках, других изданиях и даже в фарфоровых фигурках завода Франца Гарднера в Вербилках.

В заключение откроем секрет, почему у художника была такая необычная фамилия. В первой половине XVIII века, когда турецкое засилье в оккупированной Османской империей Греции было особенно жестоким, оттуда эмигрировал в Россию прадед Алексея Венецианова по имени Федор Проко, поселившись с семьей в городе Нежин. Их почему-то стали считать беженцами из Италии и прозвали «Венециано». Позднее прозвище превратилось в фамилию Венецианов.

«ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ»: ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА

К 160-летию со дня рождения выдающегося русского живописца
и одного из главных портретистов своего времени Валентина Александровича Серова

ОКСАНА КОПЕНКИНА,
арт-аналитик, основатель сайта «Дневник живописи»

Валентин Серов. «Автопортрет». 1887

«Девочка с персиками» – не просто визитная карточка Валентина Серова (1865–1911). Это уникальная работа, которая позволяет понять художника на очень глубинном уровне. В ней так много серовского, что рассказывать об этом можно бесконечно.

Картина создана совсем молодым художником, у которого впереди еще сотни других работ. Ему было всего 22 года. Серов был настолько талантлив, что создавал шедевры, даже в ранний период своего творчества.

Но Серов имел одно важное преимущество: он родился в творческой семье. Его родители были композиторами. Именно с подачи матери Серов в девять лет начал обучение у такого мастера живописи, как Илья Репин. Поэтому уже в 15 лет он писал довольно сильные работы – например, портрет Ляли Симонович.

Интересно, что «Девочка с персиками» была создана сразу после поездки Серова в Италию, где он изучал шедевры старых мастеров. И несмотря на все свои впечатления, он пишет картину, мало похожую на работы художников эпохи Возрождения или барокко. Она написана в стиле импрессионизма, хотя до создания «Девочки с персиками» Серов, скорее всего, не видел ни одной работы французских импрессионистов. Да и мало, кто из русских художников их видел. Особо даровитых,

«Девочка с персиками». Портрет Веры Мамонтовой. 1887

Столовая в усадьбе Абрамцево (где и позировала Вера Мамонтова). Справа налево: Всеволод, Сергей, Александра и Андрей Мамонтовы (братья и сестра Веры Мамонтовой). Конец 1880-х

как известно, отправляли в Италию учиться реализму.

Получается, что Серов писал, как импрессионист, интуитивно. Причем это не единственная его работа в стиле «впечатленцев». Следующим летом он создал еще один шедевр – «Девушку, освещенную солнцем».

Признаков «воздушного и солнечного» стиля в «Девочке с персиками» очень много. Мазки на ней не спрятаны, создавая атмосферу легкости и свежести. Видно и желание Серова поймать жизненный момент. Как будто девочка только-только вбежала в комнату. Об этом говорит румянец на ее щеках. Села за стол, схватила персик. Вот она сейчас его разрежет ножом и будет им наслаждаться.

Все, как любил импрессионисты. Никаких кульминаций, закрученных сюжетов. Просто момент повседневной жизни.

Есть здесь и свойственный импрессионистам эффект «случайной» композиции. Посмотрите, как интересно «обрезано» рамой пространство. Слева край другой комнаты и стула в ней. Справа еле-еле влез «в кадр» подсвечник.

Но один момент все же отличает Серова от импрессионистов. Те, как правило, работали быстро. Ведь они хотели запечатлеть момент здесь и сейчас. Пока, например, не зашло солнце. Их шедевры – это результат работы нескольких часов.

Серов же быстро работать не умел. И «Девочка с персиками» – не исключение. Он писал

эту картину почти два месяца. Начал в августе, а закончил в сентябре. Отсюда и желтая листва за окном. И сами персики, которые созревали в оранжерее Мамонтовых как раз в сентябре-октябре.

Серов от природы был психологом: даже в таком молодом возрасте ему удалось запечатлеть характер Веры Мамонтовой. Девочка была очень подвижной и любознательной, но при этом она уже почти подросток и умеет держать себя в руках и позировать художнику. Все это мы легко читаем из созданного образа.

Живые глаза, в которых виден искренний интерес к происходящему. Загорелая кожа. Девочка явно все свободное время проводила на свежем воздухе. Слегка растрепанные

Портрет Ляли (Аделаиды) Симонович. 1880

Портрет Прасковьи Мамонтовой. 1889

волосы, просто постриженные. Легкая на подъем, умеющая веселиться девочка. Ее светло-розовая кофточка с нарядным бантом, а также простая обстановка комнаты хорошо дополняют образ.

А теперь сравним портрет Веры с портретом ее двоюродной сестры Прасковьи Мамонтовой. Он был написан в том же году, тем же 22-летним Серовым.

Вишневое платье. Серо-бордовый фон. Подбородок опущен. Глаза смотрят слегка исподлобья. Совершенно другое цветовое решение, другое выражение лица, другая поза. Перед нами девочка, склонная погружаться в себя. Она более ранимая, менее подвижная, чем Вера.

Интересно, что хотя Вера Мамонтова изображена на картине крупным планом, Серов смог включить в окружающую обстановку много примечательных деталей. Сразу становится понятно, что он хорошо знаком не только с самой девочкой,

но вообще с этим домом и его атмосферой.

И в самом деле, Серов считал усадьбу Мамонтовых в Абрамцево своим вторым домом. Его мать была очень занятой женщиной, не особо интересующейся сыном, а здесь он чувствовал себя любимым и нужным. Он подолгу бывал в Абрамцево с 10-летнего возраста. Отсюда и столько интересных деталей.

Что же мы можем прочесть по этим деталям? Обратите внимание, сколько на картине стульев! На фото той же столовой видно, что их и в самом деле было много. Очевидно, что семья была большая и гостей в ней любили.

Да, усадьба Мамонтовых была, по сути, клубом для творческих людей. Здесь часто бывали Васнецов, Врубель, Коровин, многие другие художники, писатели, актеры.

Еще мы видим на картине, что обстановка дома довольно простая, хотя Мамонтовы были людьми

богатыми. Стол накрыт простой скатертью, на стене – одинокое расписное блюдо...

Савву Мамонтова, главу семьи, называли русским Медичи – за его покровительство талантливым людям. Его не интересовало материальное положение гостя. Людей в этом доме ценили за одаренность и человеческие качества.

Интересно, что «Девочка с персиками» не была доступна широкой публике целых 40 лет после ее создания (если не считать участия картины в эпизодических выставках). Картина оставалась в семье Мамонтовых до 1929 года, пока ее не вывезли из усадьбы Абрамцево и не передали в Третьяковскую галерею.

Может, оно и к лучшему. Вряд ли публика оценила бы «Девочку с персиками» тогда, когда были популярны художники-передвижники. Ее время на тот момент еще не пришло.

БЕЗ СКИДОК НА ТАЛАНТ

К 165-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова

ИГОРЬ СУХИХ,

доктор филологических наук, профессор СПбГУ

Антон Павлович Чехов в 1889 году

«**Ч**итать же меня будут все-таки только семь лет, а жить мне осталось и того меньше: шесть...» Ученик и интимный собеседник его поздних лет Иван Бунин вспоминает эту чеховскую реплику, произнесенную во время прогулки по ночной Ялте, и добавляет: «На этот раз он ошибся: он прожил меньше».

Он ошибся и в другом. Читают его, если считать с первой публикации 1880 года, уже 145 лет.

«Переведен на все языки, за исключением иностранных...» – отшутился он в письме приятелю (1892). По приблизительным подсчетам, он переведен почти на сто языков.

Еще разительнее судьба Чехова-драматурга. Сегодня историю драматургии часто делают на два периода: от греческой трагедии до Чехова, от Чехова до наших дней. «Вишневый сад» (пьеса, которую Бунин не любил) называют «Гамлетом» XX века. «Чайка» входит в пятерку самых популярных мировых постановок. По числу экранизаций Чехов уступает только тому же Шекспиру и Диккенсу. Англичане, вообще, вводят произведения Чехова в курсы национальной литературы.

Он уже давно стал мировой легендой, одной из главных фигур – наряду с Достоевским и Толстым – великого треугольника века русской литературы.

Однако сегодня, кажется, не менее интересно и важно иное: не только значение его прозы и драмы, но и опыт его жизни и судьбы.

...Спohватившись, современники и даже родные потом вспоминали какие-то мелочи: сидение в лавке, пение в церковном хоре, гимназические шалости. «Он выглядел букой и все ходил по коридору мимо нашего класса, а мы прятались за дверью и дразнили его “чехонью”» (Г. Тан. «На родине Чехова»).

Но на пороге юности что-то произошло. Он остался один после бегства разорившегося отца и отъезда других родственников в Москву, жил на птичьих правах в ставшем чужим собственном доме, распродал вещи, с трудом оканчивал гимназию.

В восьмидесятом году в Москву приехал молодой провинциал, который сознательно строил свою жизнь по какой-то никому не ведомой и не видимой программе.

Он словно хотел доказать кому-то (кому?), что можно не плыть по течению (такова была драма судьбы его талантливых братьев Александра и Николая), а состояться вопреки неблагоприятным обстоятельствам.

Он окончил один из самых трудных университетских факультетов – медицинский – и много лет лечил встречаемых и поперечных, друзей и окрестных мужиков, не корысти ради, а из чувства долга.

Он мучительно зарабатывал писательскую репутацию, потом – славу. Но после того как его собеседниками становятся не Лейкин и Билибин, а Толстой и Чайковский, мог резко возразить родственнику: «Вы пишете: “...может быть, наша масть Вам уже не под стать”. Этакое слова грех писать. Неужели Вы думаете, что я уже успел сделаться скотиной? Нет-с, подождите немножко, теперь еще пока рано, еще не испортился, хоть и начал жить. Да и в будущем я едва ли буду делить людей на масти» (Г. П. Кравцову, 1883 г.).

И действительно, так до конца жизни и не делил.

Чуть позднее в исповедальном письме лучшему собеседнику и работодателю он выскажется уже развернуто и обобщенно: «Вы пишете, что писатели – избранный народ Божий. Не стану спорить... Не мне говорить о тернистом пути, разочарованиях и проч. Не знаю, страдал ли я когда-нибудь больше, чем страдают сапожники, математики, кондуктора; не знаю, кто вещает моими устами, Бог или кто-нибудь другой похуже. Я позволю себе констатировать только одну, испытанную на себе маленькую неприятность, которая, вероятно, по опыту знакома и Вам. Дело вот в чем. Вы и я любим обыкновенных людей; нас же любят за то, что видят в нас необыкновенных... Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей. Отсюда следует, что если завтра мы в глазах добрых знакомых покажемся обыкновенными смертными, то нас перестанут любить, а будут только сожалеть. А это скверно» (А. С. Суворину, 1888 г.).

В 1890 году ему исполнилось тридцать лет. Его «Степью» восхищаются восторженный Гаршин и суровый Салтыков. Он уже получил половинную Пушкинскую премию. В Александринском театре поставлен «Иванов». Во многих театрах с успехом идут водевили.

В таких случаях русские писатели и художники обычно отправлялись развлекаться в Европу. Он же почему-то поехал в прямо противоположном направлении – на Сахалин. Сделал перепись всех жителей каторжного острова, несколько лет работал над огромной книгой. А потом вернулся к обычным писательским делам – как будто съездил куда-то в Подмосковье.

Уезжая умирать в Баденвейлер, он будет хлопотать за сына мало знакомого дьякона, мечтавшего (!) перевестись из одного университета в другой. (Перечитывая это

письмо, хочется крикнуть кому-то: «Какая к черту мечта, оставьте его в покое, вы не видите, что происходит!»).

А за три года до этого он напишет письмо сестре. Завещание, которое прочтут только после его смерти.

Подробно расписав, что и кому достанется, он заканчивает так: «Я обещал крестьянам села Мелихова 100 рублей – на уплату за шоссе; обещал также Гавриилу Алексеевичу Харченко (Харьков, Москалевка, с. дом) платить за его старшую дочь в гимназию до тех пор, пока ее не освободят от платы за учение. Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно».

Кажется, о нуждах родного Таганрога и мелиховских мужиках он заботился не меньше, чем о судьбе родственников.

Творческие люди любят цитировать Пушкина: «Толпа жадно читает исповеди, записки *etc.*, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы, – иначе» (П. Вяземскому, 1825 г.).

Как правило, в стороне остается вопрос: а почему «высокому» (таланту, тем более гению) позволено больше, чем человеку толпы?

Чехов всю жизнь стремится доказать (опять-таки кому?), что нравственность едина, что нужно и можно жить без скидок не только на обстоятельства, но и на талант.

Чеховский интеллигент – сегодня понятие из словарей (и не уходящая ли натура?). Первым таким интеллигентом был он сам. И резкость некоторых оценок («Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция <...> которая брюзжит и охотно отрицает все...») объясняется тем, что говорится о своем, родном и близком.

А.П. Чехов в своем кабинете в Ялте. 1900

Мне кажется, что и его удивившая многих женитьба была отчасти идеологической: это должно быть в жизни нормального человека, вот и я...

Увы, поздно. Но и здесь он выбрал не жену-сиделку, а свободную женщину со своим призванием и судьбой.

И не надо, ради бога, про образ святого, нимб над головой, икону, которую сделали из него то ли «чеховеды», то ли, вообще, поклонники!

Про это хорошо сказал уже младший чеховский современник. «Из человекообразных не грешат только статуи на монументах. Ну а Чехов – менее всего статуя и всегда был, есть и будет человек, “человечиссимус”!.. И в этом-то именно его великое значение, смысл и корень его влияния. Великих

писателей много было на Руси. Бывали величины, стихийно большие Чехова, сотворившие такие громадные дела, что священный ужас берет, когда на них оглянешься. Но ни с кем, решительно ни с кем – кроме Пушкина – русский человек не чувствовал себя настолько своим, попросту интимным, с глазу на глаз другом, вровень, бесстрашно и откровенно советующимся о делах и мыслях жизни своей. Как у Пушкина, была у Чехова большая внутренняя цельность творчества и жизни, – и была она насквозь, до последней малой и глубокой черточки, русская» (А. Амфитеатров).

И еще раз вспомню Бунина: «Если бы он даже ничего не написал, кроме “Скоропостижной конской смерти” или “Романа с контрабасом”, то и тогда можно было бы сказать, что в русской

литературе блеснул и исчез удивительный ум, потому что ведь выдумывать и уметь сказать хорошую нелепость, хорошую шутку могут только очень умные люди, те, у которых ум “по всем жилушкам переливается”».

Если бы он даже не написал ничего вообще, можно было бы утверждать, что в русской реальности блеснул и исчез удивительный человек, который до последнего мгновения доказывал нравственную теорему превосходства нормальной человеческой жизни над всеми эксцессами и безумствами. Который не учил, но для многих стал ориентиром и нравственной опорой.

Но кто бы без «Дамы с собачкой» и «Вишневого сада» о нем узнал?

Увы, опять прав поэт... «Люди верят только славе».

«СНЕГ ИДЕТ, И ВСЕ В СМЯТЕНЬЕ...»

135 лет со дня рождения Бориса Пастернака

АЛЕКСАНДР ПАНФИЛОВ,
кандидат филологических наук

Борис Пастернак в гимназической форме. 1908

В 1960-х годах в среде либеральной интеллигенции, которой по преимуществу и стала тогда условная советская интеллигенция, сложился новый пантеон русской поэзии первой половины XX века – отличный от официального пантеона.

Первые четыре строчки новой иерархии заняли Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Цветаева. Намеренно называю эти фамилии в алфавитном порядке, потому что у каждого из этих поэтов были свои группы поддержки, свои апологеты, – абсолютное первенство выявить было весьма затруднительно. Понятно, что многое – в ситуации тогдашней несвободы – диктовалось причинами социальными, для нашей литературы это, увы, обыкновенная история.

Пастернак виделся в этом списке фигурой наиболее благополучной – человеком, по слову Давида Самойлова, «выкапывавшим метафоры в огороде переделкинской дачи, предвидевшим самовитый доплеск своей интонации куда угодно – хоть до подлости – и посему ответственность с себя снимавшим». Хотя понятно, что трагическая история «непубликации» на родине романа «Доктор Живаго», сведшая Пастернака в могилу, тут играла немалую роль.

Эта четверка, вышедшая из Серебряного века, почти всех признанных звезд того поэтического ренессанса собой заслонила – не говоря уж о звездах советской поэзии.

Дом-музей Бориса Пастернака в подмосковном дачном поселке Переделкино

За исключением, быть может, Блока, Маяковского да Есенина, но и это утверждение спорно.

Впрочем, пантеон пантеоном, а умным людям и в те времена было ясно, что, когда несвобода сменится свободой и социальные мотивировки канут в прошлое, произойдет неизбежная переоценка ценностей. Верил ли кто-то в относительно скорую такую смену – дело другое. Во всяком случае, еще в середине 1980-х, накануне советской катастрофы, культ Пастернака в интеллигентской среде оставался все тем же культом – со всеми его приметами: обильным цитированием, поклонением, особым придыханием и пр.

Вот вспоминается. Мы, тогдашние студенты Литературного

института, любили снимать зимние дачи в Переделкине. Дачки были уютные, с газовым отоплением, занесенные снегом, до Москвы электричка бежала двадцать минут, а вокруг гуляло отчетливое литературное эхо. Иногда к нам приезжали девочки, и мы, отправляясь с ними гулять, первым делом вели их на могилу Пастернака, где непременно читались стихи. «Попытка душу разлучить с тобой, как жалоба смычка...» «Любить иных тяжелый крест, а ты прекрасна без извилин...» И напоследок, про никновенно, – про «скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенье». Милое время – тихие зимы, вино, любовь, молодость, «снег идет, и все в смятенье...». И Пастернак, много Пастернака. Это

ностальгическое воспоминание – все про тот же культ.

Хотя нет, если честно, и тогда уже слышались иные голоса. Они твердили о безответственности Пастернака, о его неспособности переварить впечатления бытия, о метафорических побрякушках, о предпочтении звука смыслу, о невнятном бормотанье, о случайности его слов («И чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд»), о невыросшем мальчишке, утонувшем в эмоциональном захлебе... Но и то сказать – и при жизни Пастернака, в годы расцвета его таланта, он не был поэтом абсолютного успеха. Такого успеха он сам боялся – ведь это Пастернаком сказаны горькие слова о его кумире Маяковском, о том, что тот умер

второй раз, когда его стали насаждать, как картошку при Екатерине.

Всегда были полюса восприятия творчества Пастернака. Так, в 1930-е на одном полюсе мы находим Ходасевича, на дух не переносившего стихи Пастернака, а на другом – Цветаеву, письма которой, обращенные к Пастернаку, и сейчас читать стеснительно, настолько «нецеломудренными» кажутся иные их фрагменты. Недостатки того и другой видны сегодня невооруженным глазом: первый слишком доверяет холодной логике, которая никогда не справится с чистой эмоцией, не объяснит ее; вторая, наоборот, сама поэт всепобеждающей эмоции и ею судит близкого собрата, которым к тому же не на шутку по-человечески увлекается. И тут бал правит цветаевский эллипсис, не требующий логических связей, тут снова тотальное цветаевское тире – ликующее, страдающее, заполняющее собой пустоты, убыстряющее текст до какой-то предельной, почти невыносимой точки.

Но то полюса – а между ними говорилось всякое, и это всякое можно описать формулой: «... да, несомненно, великое дарование, однако...» «Да» к 1960-м годам стало больше, «однако» сходило на нет. Эмоции главенствовали, мысли упрощались и уплощались. Современная критика вообще сиюминутна, слишком отзывчива, потому и субъективна. Субъективность стихов рождала субъективность откликов. На некотором временном отдалении ситуация меняется: критика пытается превратиться в литературоведение, которое ориентировано на научную «объективность».

Вышли объемные биографии Пастернака, опубликованы теоретические исследования, претендующие на «завершенность» оценок. И вот уже нынешним студентам Литературного института, на лицах

которых гуляют ироничные улыбки, когда речь заходит о Пастернаке, приходится объяснять ценность его творчества, призывать не доверять сторонним словам, а лишь самим себе.

Говоришь о высоком бормотанье, об одухотворенности его поэтического мира, где все живет, дышит, летит, музицирует, переключается друг с другом, будь то утра, звезды, цветы, горные вершины, храмы или банальные шкафы. Они, эти нынешние студенты, не хотят читать «Доктора Живаго», и ты доказываешь им, что если это и неудача, то гениальная. И если в романе налицо композиционные провалы, если раздражает некоторое многоговоренье, ненужные подробности, временами заслоняющие главное (что, впрочем, можно оправдать особенностями пастернаковского зрения), то все это искупается поразительной русскостью этого текста, хорошей его традиционностью, желанием «дойти до самой сути».

Нынешние молодые уже не вполне понимают великую актуальность слов о «гениальной хирургии» большевистского переворота (а в этих словах отзывается поздний Блок с его мучительной совестливостью).

И где, как не в русском тексте, два героя-антипода – Живаго и Антипов-Стрельников – могут вести многочасовой душевный диалог о «вечном», о «последних вопросах русских мальчиков», когда вокруг катится в пропасть страна, а родные по крови люди почти сладострастно уничтожают друг друга. «Давайте поговорим, сколько вы будете в состоянии, со всею роскошью, ночь напролет, при горящих свечах».

Проблематика-то почти «достоевская». Вот антиномия русского сознания с ее категорическими полюсами: с одной стороны, приятие мира, любование им, когда с него

снята пелена внешнего, бытового, социального, случайного, а с другой – «безжалостность во имя жалости», мечта о возмездии за всю внешнюю некрасоту и социальную несправедливость, оборачивающаяся на деле жестокостью и миллионами невинных жертв.

И нежно любимая мною «Охранная грамота» уже нуждается в правильной рекламе, ибо изначально может оттолкнуть некоторой «темнотой» своих положений. А в ней по крайней мере три важнейших слоя. Это и любопытная попытка автобиографии, и квинтэссенция пастернаковского стиля, и важнейшие мысли об искусстве, которое, страшно похожее на жизнь, «стоит за каждым деревом и столь прекрасно разбирается в нас, что всегда недоумеваешь, из каких неисторических миров принесло оно свою способность видеть историю в силуэте».

А ироничные улыбки – они пройдут. Потому что если хорошо прислушаться, то и в современной поэзии, за ее новомодными обретениями и дерзаниями, услышишь – то далекое, то близкое – эхо Пастернака, который писал, что жизнь поэта «нельзя найти под его именем и надо искать под чужим, в биографическом столбце его последователей».

Собственный опыт: Пастернак, вроде бы давно пережитый, то и дело звучит во мне. Какое-то новое впечатление бытия – и фоном всплывают пастернаковские строки, такие знакомые, но вновь поражающие своей – несмотря ни на что – точностью, зеркальностью по отношению к жизни, взрывающие скучный автоматизм наших привычек и оценок. И это уже не отменимо, это будет длиться, всегда существовать, это будет снова и снова учить нас видеть мир как в первый раз, удивляться ему. Как это делал Борис Пастернак. Человек с детскими глазами.

СБЫЛОСЬ

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира Малышева из книги «Возвращение», вышедшей в 2022 году в московском издательстве «Вече»

Региональный фестиваль культуры и спорта, по обыкновению, завершался торжественной речью местного чиновника и вручением наград победителям. Сидящий в первом ряду Петр Евгеньевич Шелестов, представитель Союза писателей, приглашенный из столицы в качестве члена жюри, нетерпеливо поглядывал на часы. Он еще надеялся успеть на последний рейс, чтобы не принимать участия в ночных оргиях традиционного банкета. Шелестов попрощался с соседями

и уже начал потихоньку пробираться к выходу, как вдруг в полумраке перед ним возникла фигура незнакомца.

– Вечер добрый, Петро, – поздоровался он задорно, – я все смотрю: ты это или не ты. Но когда объявляли состав жюри, понял, что таких совпадений не бывает. Не узнаешь? А ну-ка, напрягись, вспомни, кто лет этак полста назад правым крайним в сборной школы мяч гонял и тебе пасы выдавал? Что, не узнаешь? Поди, и село Румяновку – родину

свою – забыл, мотаясь всю жизнь по городам и весям?

Петр Евгеньевич от такого неожиданного напора несколько растерялся, но, понемногу придя в себя, попытался вспомнить собеседника. Постепенно всплыли в памяти детство, школа, одноклассники, но кто этот стоящий перед ним лысый толстяк – ответа так и не находилось.

– Да ладно уж, не мучайся, – поняв, что его не узнают, засмеялся мужчина, – Колька

я Загоруйко, на задней парте в десятом «Б» сидел.

– Добрый вечер, Николай, э-э-э, как вас по батюшке?

– Васильевич.

– Да-да, Васильевич, как же, как же, припоминаю, извините, что сразу не признал, столько лет прошло, а вы какими судьбами здесь?

– Да я после школы в физкультурный поступил, а по окончании в родное село вернулся учителем. Вот меня как заслуженного педагога-тренера и послали на фестиваль с учениками из нашего района. Ну что, Петро, может, заглянем в кафешку за углом да поднимем по чарке за нашу встречу? – предложил Николай.

– Ну если только на полчаса, а то мне на самолет, – неуверенно согласился Шелестов.

И одноклассники двинулись к выходу.

– Так как там наша Румяновка поживает? – спросил Петр Евгеньевич, когда они, усевшись за столик, заказали легкой закуски, графинчик водки и осушили по рюмке.

– Да что с ней случится-то? Как стояла, так и стоит, многоэтажек только поприбавилось да дачников уйма летом наезжает, – ответил Николай.

– Ну а из одноклассников кого-то встречаешь?

– Кто уехал, кто-то уж в мире инном, но человек десять пенсионеров из нашего класса в поселке осталось, – разливая еще по одной, продолжил рассказ Загоруйко. – Кстати, помнишь такую Людку Романову, нашу первую красавицу в школе, за ней тогда все мальчишки ухлестывали, да и ты тоже вроде был к ней неравнодушен? – спросил Николай и добавил: – Вот она, жива-здоровая, в Румяновке живет, часто видимся то в магазине, то на почте. Веселая дама. А вообще-то мы раз в году на выпускном все встречаемся в школе как ветераны, так сказать, напутствие молодежи даем.

Даже из других городов в этот день наши приезжают и прилетают. Вот и ты бы родину навестил. В столице-то чай засиделся? Посидим, выпьем, юность вспомним, глядишь, и не увидимся больше, – предложил Загоруйко.

– А что, может и впрямь приехать? – задумчиво произнес Петр Евгеньевич. – Сколько лет в родных краях не был... Когда, ты говоришь, у вас сбор?

– Да вот аккурат через две недели, – ответил Николай.

Выпив на посошок и записав номер телефона товарища, Шелестов поехал в аэропорт и к середине ночи был уже в своей холостяцкой квартире. Он принял ванну, облачился в махровый халат и присел к письменному столу. Выдвинув ящик, Петр Евгеньевич достал толстую потертую кожаную папку и стал перелистывать пожелтевшие от времени страницы. Первая запись была датирована девятым сентября тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Начинаясь она с фразы: «Здравствуй, дорогая Людмила, пишет тебе твой одноклассник Петр. Долго не решался тебе написать, но все же пишу. Прошло уже три месяца, как мы закончили школу и расстались. Но мне кажется, что прошла вечность. За это время я понял, что не могу жить без тебя. Нам надо обязательно увидеться и о многом поговорить. Прошу тебя ответить мне и написать, когда мы сможем встретиться». Это было короткое письмо, которое Шелестов в силу своей природной робости так и не решился отправить. Потом он написал второе послание, которое тоже не отправил, потом были третье, четвертое, пятое – и таких накопилось за долгие годы множество.

Постепенно Петр стал доверять далекой Людмиле все свои мысли, рассказывать о перипетиях жизни, советоваться с ней. Это в конце концов вошло в привычку

и превратилось в постоянную потребность. Как только ему надо было принимать какое-либо решение, Петр Евгеньевич доставал вечером заветную папку, ставил на стол фотографию юной одноклассницы и начинал писать очередное письмо. А когда заканчивал, еще долго сидел, неотрывно вглядываясь в прекрасные, дорогие черты Людмилы. Ее обворожительная, чуть лукавая улыбка, ее прекрасные серые глаза, обрамленные длинными ресницами, спадающая на лоб вьющаяся прядь светлых волос – все это завораживало Шелестова, вводило в ступор, из которого он через какое-то время с трудом выбирался.

Облик молодой красавицы как бы подзадоривал его, как бы говорил: «Ну что же ты, давай, не робей!», но одновременно делал его нерешительным и возводил перед ним неприступную стену, которую невозможно было преодолеть.

Частенько он вспоминал, как пришла в их десятый класс новенькая, как вскоре она вызвала повышенное внимание у мальчишек и ревнивую неприязнь у девочек. И как отличник Петя Шелестов с первого взгляда по уши влюбился в светловолосую одноклассницу, не решаясь ей об этом поведать. Только на выпускном вечере, случайно оказавшись с Людой в классе вдвоем, он наконец-то признался в своих чувствах. Однако девушка не восприняла это всерьез. Она нежно, по-матерински, погладила его по голове, чмокнула в щеку и убежала танцевать, сказав на прощанье: «Ну что ты, Петюнчик, какая любовь? Нам еще в институт поступать надо».

Так и жил Шелестов, проводя долгие годы в общении с неприступной красавицей, доверяя ей самые сокровенные мысли, но не отправив ни одного из написанных писем. Нельзя сказать, что он не пользовался вниманием у женщин.

Несколько раз дело доходило даже до женитьбы, но в последний момент Шелестов прерывал отношения, говоря себе: «Нет, это все же не моя Людмила!»

Однако командировка и случайная встреча с одноклассником что-то перевернули в Петре Евгеньевиче, придали решимости. «Вот так и жизнь закончить, не увидевшись со своей мечтой? – думалось ему. – А они, оказывается, каждый год встречаются, даже издали приезжают! Нет уж, хватит, может, хоть на старости лет проживем вместе с моей Людмилой. Определенно поеду, и закончатся наконец-то мои мучения».

Несмотря на позднее время, он позвонил своему секретарю и попросил заказать билет в областной

город, а также обеспечить там машину с водителем.

Две недели пролетели в предвкушении предстоящей встречи. Каждый вечер Шелестов писал письма обворожительной блондинке, подробно обсуждая и советуясь с ней, как лучше организовать их свидание, куда они пойдут, о чем будут говорить. По такому случаю он приобрел новый модный костюм, долго придирчиво выбирал галстук и шляпу. Ему казалось, что для исхода этой встречи важна была каждая деталь.

И вот, наконец, наступил день, когда Петр Евгеньевич сел в поезд и за сутки добрался из столицы до областного центра, где его встретил расторопный шофер. По дороге в Румяновку Петр

с трудом узнавал родные места, которые за столько лет сильно заполнились элементами цивилизации. А в самом поселке он так и не смог определить, где был его дом и как доехать до родной школы. Когда с помощью подсказок прохожих машина достигла своей цели, церемония проводов в жизненный полет выпускников была уже в полном разгаре.

– Ну что же ты опаздываешь?! – встретил его во дворе Загоруйко. – Уже все речи произнесли, сейчас последний звонок прозвонит. Пошли быстрее, наши тебя ждут.

Шелестов попросил водителя подождать, и они с Николаем стали пробираться сквозь толпу школьников и учителей на второй этаж, где раньше находился их класс.

– Вон, смотри, наши у окна стоят, – сказал Загоруйко, – давай для них сюрприз сделаем. Ты останься у соседнего окна, как будто незнакомый, и шляпу напяль, чтобы уж совсем не узнали, а я у них спрошу, мол, не знаком ли им вон тот человек.

Николай пошел к группе пожилых мужчин и женщин, в которых Петр не смог узнать кого-либо из своих бывших однокашников. Среди них особенно выделялась одна бойкая старушенция, одетая в какую-то потертую рабочую куртку и неестественного зеленого цвета мятую юбку. Наряд завершали стоптанные, никогда не чищенные сапоги. Особенно поражало лицо дамы, чрезмерно напудренное, что, впрочем, не могло скрыть годами нагулянного алкогольного румянца, изборожденного темно-синими прожилками, словно реками на географической карте. Редких, седых, немыслимо причесанных волос осталось на голове ровно столько, сколько необходимо для определения того, что она все-таки принадлежит к особям женского пола. При всем при том женщина находилась в центре внимания, без умолку что-то говорила и громко смеялась хриплым басовитым смехом заядлого курильщика.

– А ну-ка, Людк, посмотри, кто к нам пришел?! Узнаешь? – прерывая смех этой дамы, игриво спросил Загоруйко.

Все повернулись в сторону Петра. Возникла короткая пауза.

– Ты што ли про того пузана в шляпе? Да хер его знает, такие у нас не водятся. Видать, из начальства прибыл индюк

надутый! – ответила Людка, а это была именно она, и засмеялась.

– Ты че же, мать, своих не признаешь? Это же наш Шелестов – ухажер твой. Петр Евгеньевич, давай иди уже к нам, – позвал Николай.

Шелестов в растерянности посмотрел на удивленные лица своих состарившихся одноклассников, замялся и со словами: «Да-да, здравствуйте, товарищи, я сейчас только до машины сбегая и вернусь», – не оглядываясь, рванул из школы.

– Петюнчик, золотко мое, куда ж ты, касатик, поскакал? – услышал он за спиной, и скрипучий женский смех вытолкнул его на улицу.

Петр Евгеньевич плюхнулся на заднее сиденье, выдохнул водителю: «Гони!» – а затем надолго затих в полуобморочном состоянии. На автомате он приобрел билет и сел в поезд.

Пришел немного в себя Шелестов только вернувшись поздним вечером домой. Постояв полчаса под душем, он сел в кресло, достал из стола

столь дорогую для него папку и, налив себе полный стакан виски, погрузился в чтение писем. Всю ночь Петр Евгеньевич перечитывал свои многолетние послания и доливал расслабляющий напиток до тех пор, пока и то и другое не закончилось.

Под утро он вышел на балкон, разжег угли в гриле и стал одну за другой бросать в огонь страницы своей жизни. Последней на костер была отправлена фотография красавицы-блондинки. Медленно сторая, улыбаясь сквозь языки пламени, она непокорно и испытующе смотрела на Шелестова, словно спрашивая: «Ну что, слабо тебе, Петюнчик?»

Так и не заснув, Петр Евгеньевич с утра отправился на работу, где написал заявление об увольнении. А через день он выставил на продажу квартиру и улетел в глухой сибирский поселок к дальней родственнице доживать ставшую такой пустой и никчемной жизнь.

Иллюстрации Марии Сотниковой

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Предлагаем вниманию читателей рассказ известного российского журналиста
Ольги Кузьминой

У Вовы, ныне почти доросшего уже до Владимира Игоревича, лет с двадцати была традиция: тот час после боя курантов он набирал произвольный телефонный номер

и поздравлял незнакомых людей с Новым годом.

Результатом звонка были когда ответные добрые слова, когда ответные сердитые, когда полное

непонимание. Кто-то принимался хохотать, кто-то – откровенно злился и даже ругался, не воспринимая розыгрыш, а бывало, что просто в недоумении вешали

трубку. Сколько людей, столько и реакций.

Не изменил себе Вова и в этот Новый год. Под бой курантов выпили, звонко чокаясь, и он отправился на кухню в предвкушении

разочарования был вязким и терпким, как дешевое вино. Что за непраха! Набрать еще раз? Или, значит, не судьба?

Пока он размышлял, гудок вдруг прервался и тихий, дребезжащий старушечий голос ответил протяжно:

– Алло-о, слушаю!

Настроение тут же поднялось. Вова откашлялся и бодро от- рапортовал:

– С Новым годом вас! Всего вам, всего, здоровья крепкого самое главное, спокойствия.

В трубке молчали.

– Алло? – переспросил он, желая убедиться, что его слушают.

Дрожащий от волнения голос ответил после долгой паузы:

– Спасибо... Спасибо тебе, внучек. Я же знала, что ты позвонишь!

Вова не успел вставить ни слова, а неведомый голос, захлебываясь от волнения, принялся изливаться на него волны долго сдерживаемой нежности:

– Внучек, кровиночка ты моя! Да какое ж тебе спасибо за звонок! Я верила, дорогой ты мой, что ты позвонишь, вспомнишь бабушку! Господи, есть ты на свете! Спасибо тебе, ясный мой, деточка, спасибо! А я сижу тут одна, совсем пригорюнилась – столько лет тебя не слышала, неужто, думаю, опять не позвонишь, хоть на праздник-то! Как ты? Золотой мой, так скучала ведь по тебе, все глаза выплакала... Оно понятно – бабка старая, глупая, что с ней говорить. Но я знала почему-то, что ты обязательно позвонишь мне, соколик ты мой... Вот так праздник у меня сегодня...

– Послушайте! – Вова пытался прервать поток полубессвязных, путающихся, цепляющихся друг за друга слов. – Подождите! Я... Я совсем не ваш внук. Послушайте! Я позвонил вам просто так, просто так, набрав случайный номер...

– Внучек ты мой дорогой! – старушка плакала, не слушая его. – Да ты скажи мне хоть словечко – как ты? Где работаешь сейчас?

– Подождите, – в горле у Вовы пересохло, – я прошу вас, да послушайте вы меня...

– Не женился еще, родимый мой, а? Ну расскажи мне... Как же хорошо, что ты позвонил...

...На кухню заглянула Таня; вопросительно тряхнула головой – все в порядке? Вова махнул рукой – мол, потом. Зажал рукой трубку и коротко пояснил:

– Потом расскажу, мне поговорить надо. Все нормально.

Таня улыбнулась, пошлав ему воздушный поцелуй, и скрылась в комнате. Оттуда раздавались взрывы смеха: Новый год вступил в свои права. А в трубке все клокотал, захлебываясь, старушечий голос:

– А девушка есть у тебя, внучек?

– Есть, – со вздохом ответил Вова, сдавшись.

– О, – обрадовалась старушка. – Это хорошо. Как это хорошо! Одному по свету мыкаться негоже. Ты ее любишь?

Он никогда не задумывался об этом. Та, что была когда-то, была им любима, это точно. Эта...

– Даже не знаю. У нас все так непросто...

– А что не складывается-то, внучек?

– Да сам не знаю... Так получается, что...

Неожиданно для самого себя Вова вдруг принялся рассказывать невидимой старушке про перипетии своей личной жизни. Про то, как они ссорились с любимой из-за полной ерунды, и как все пережитое вместе не скрепляло, а разрушало их отношения. Он говорил о том, о чем не говорил никому и никогда: о своей мечте об уютном доме, о том, как страстно он желает, чтобы его просто ждали – любого, в любом настроении, о том, как с детских лет, ощущая нехватку мирных, домашних отношений

и тепла, он грезил своей семьей, созданной по его представлениям. Он говорил о том, как тяжело переживались ими с сестрой родительские дразги и как они еще совсем маленькими представляли другие отношения – глубокие, взаимно дополняющие...

В середине рассказа он осекся: а слушают ли его? Старушка тут же заволновалась:

– Говори, говори, внучек, слушаю я тебя, внимательно слушаю...

Его так давно никто не слушал с таким вниманием... И он продолжил говорить, но осекся вновь: а что если в семье неведомой ему бабушки не было никаких дразг, и она сейчас поймет, наконец, что он – не ее внук? Ему стало страшно от этого, что-то сжалось внутри и обожгло его – точно потоком кипятка из кастрюли; однако старушку, казалось, ничто не изумило. Он услышал, как она вздохнула, потом ответила смиренно и тихо, будто виноватая в чем-то:

– Да прости ты родителей-то... Ну, ссорились, с кем не бывает. Ты о другом думай – как свою жизнь построить.

– Да не складывается все как-то...

– А ты мудрее будь. Когда уступи – нет в этом вреда. А когда и на своем нужно настоять. Ты смотри – в мелочах-то и зажать свой характер можно, нет в этом ничего такого. Это человек по гордыне своей только думает: нет, не буду уступать, проявлю характер! А знаешь, внучек, ведь порой характер-то как раз в том, что себя обломать надо...

Он слушал ее мягкий, ласковый голос и вспоминал свою родную бабушку – резкую, жесткую, обычно бескомпромиссную, но наполненную при этом безраздельной любовью к нему и сестре. Глубина ее любви стала очевидной лишь после ее смерти – тогда, когда она исчезла вместе с ней, растаяла вместе с ее угасшим строгим взглядом,

и вместо нее, исчезнувшей, обнаружилась черная, зияющая пустота.

– ...И ты будешь счастлив, внучек мой дорогой, солнышко. Я утонула тебя, наверное?

– Да нет, что ты, бабуль, – вырвалось у Вовы. Сначала он хотел исправить проскочившее «ты» на «Вы», но... понял, что не сможет. И не хочет этого делать. А еще ему вдруг стало невероятно страшно оттого, что сейчас этот разговор прервется и затихнет; ему казалось, что стоит исчезнуть этому мягкому, дребезжащему голосу, и он останется одиноким и никому ненужным...

А она что-то говорила и говорила; и он понял, что ему действительно интересно слушать про ее перипетии с соседкой, какой-то наигнувшей Маргаритой Сергеевной, которая что-то там не так ставит в общем коридоре, и про цены на лекарства – кстати, какие нужны, он тут же записал на листочке, хотя она и возмущалась – что ты, внучек, не вздумай тратиться, такие деньги, а у молодых одни траты, одни траты...

... Кот Ломтик прыгнул на стол, прошел мимо тарелок, обметая их хвостом. Не кот, а свинья какая-то. Вова в раздражении скинул его со стола за загревок; кот взвыл, и в последний момент уцепился лапами за телефонный аппарат; он «поехал» с клеенки на пол и упал со страшным, как показалось Вове, грохотом. В довершение ко всему заметавшийся в испуге кот зацепился за провод и каким-то чудом умудрился вытащить вилку из розетки. И телефон безвольно замолчал.

Вова подхватил провод трясуцимся руками. Он все никак не мог засунуть переходничок в розетку; наконец, это получилось – телефон ожил, загудел. Вова нажал кнопку повтора набора номера. Но аппарат молчал; номер почему-то не сохранился в его склеротичной памяти. Он пробовал еще и еще; даже тряса

трубкой возле уха, будто пытаюсь вытрясти из нее умерший вдруг дребезжащий голос старушки, но ничего не выходило.

... В ту новогоднюю ночь он чудовищно напился. И под утро, забывшись зыбким, тревожным сном, видел во сне свою бабушку, только она была совсем другой, такой, какой он никогда прежде не видел – не полной и высокой, а маленькой, худой, с пучком серых волос. Она, замотавшись в незнакомую ему шаль, ходила в волнении по крошечной квартире, снимая иногда трубку телефона и слушая длинные гудки, вся – ожидание. Но в квартире ее было тихо, телефон не звонил; лишь только приглушенно включенный телевизор блистал новогодними красками, сменяя одну картинку неистового веселья на другую...

... После праздников Вова пришел на телефонный узел. Милая девушка внимательно выслушала его:

– Да, теоретически восстановить номер, с которым вы были соединены, можно. Но звонков в тот вечер было очень много, вы же понимаете – линия в Новый год всегда перегружена. И у нас случился сбой. Так что, увы, ничем я вам помочь не смогу. Простите.

– Но может быть хотя бы что-то можно сделать?!

Девушка мило улыбнулась, показала голосов:

– Я очень сожалею. Будем надеяться, абонент вам перезвонит.

... Он вышел на улицу, сел в машину. Она, плохо прогретая с утра, натужно старалась высечь из двигателя ровный, мягкий звук.

Вова не слышал неровного звучания двигателя, не видел – или не замечал – начинающейся метели. Глядя в никуда, он просто сидел – ничего не чувствуя, не ощущая, ни о чем не думая, изредка вытирая с раздражением слезы, которые упрямо бежали и бежали из его глаз, не в силах остановиться...

МНОГОЛИКАЯ ГОРДЫНЯ

Серый кардинал в повести Максима Замшева

ЭЛЬДАР КАСАЕВ,
публицист, кандидат экономических наук

В ноябре минувшего года на страницах литературного журнала «Москва» была опубликована повесть Максима Замшева «Я не могу так жить». Во время увлекательного чтения глубоко погружаешься в судьбы персонажей, пытаешься понять, почему их жизни сложились именно так.

Проблема отцов и детей, ответственность родителей и отпрысков друг перед другом, дружба, любовный треугольник, поиск себя в постоянно меняющемся мире – вот что волнует автора. Он в свойственной ему манере не дает прямых ответов и рецептов счастья, но наталкивает пытливое читателя на самостоятельный поиск решений обозначенных выше проблем.

Многие годы изучая священные книги, духовные законы, влияние глубинных чувств человека на его здоровье и судьбу, убедился: болезни, несчастья, измены, разводы – следствие сильной подсознательной агрессии, которую люди не ощущают. Она – следствие привязанности к материальным и, особо подчеркну, духовным ценностям. Жизнь, семью, здоровье, работу, деньги, статус, способности, нравственность, принципы, идеалы не стоит ставить выше Бога. Это лишь средства увеличения любви к Нему. Если хотя бы что-то из вышеперечисленного

Екатерина Егорова. Теневой игрок

сделать самоцелью, подсознательная агрессия неминуема.

Все без исключения персонажи повести страдают от высокой гордыни, приводящей к зависимости от близких людей. Под гордыней в данном случае понимается отказ от укрепления единства с Богом. Ее облики различны: пребывание в иллюзиях, скованность, чувство превосходства над людьми, абсолютизация внешних возможностей (связей, положения в обществе, финансов), неуемное желание все контролировать, идеализм, доводящий до иступления, тщеславие, зависть, нежелание выходить из зоны комфорта, совершенствовать

мировоззрение и улучшать характер.

Ложная картина мира, неверная система приоритетов, нарушение неотвратимо действующих духовных законов рано или поздно приводят к смертельно опасному уровню гордыни. Чтобы человек не погиб и имел шанс покаяться, включается защитный механизм: появляется поклонение людям.

Иными словами, подсознательная агрессия перераспределяется, вынуждая человека поклоняться не только инстинкту самосохранения, но и инстинкту продолжения рода. Поклонение первому проявляется нежеланием брать на себя ответственность, зажатостью, боязнью совершить ошибку,

повышенными претензиями к людям и недовольством окружающим миром. Второму – притуплением чувств к любимому человеку (общение с ним становится невкусным), необузданной ревностью, обидчивостью, похотливостью, внешней неухоженностью (дабы оттолкнуть подсознательного кумира – противоположный пол).

Инстинкты – лошадь, человек – всадник. Если их поменять местами, мы сильно привяжемся к временным благам и включится принудительный механизм спасения: болезни, неурядицы, страдания, преждевременные старение и смерть. Куда лучше, не дожидаясь

Екатерина Егорова. Анчар пороков

жесткой помощи свыше, по доброй воле начать процесс исцеления души и тела.

Для выздоровления стоит первым делом преодолеть гордыню. Ее уровень снизится – легче будет избавиться от поклонения людям.

Если же корень останется в питательной почве инертности, самобичевания, высокомерия, раскидистый анчар грехов и болезней продолжит отравлять человеку жизнь.

Чтобы решить масштабную задачу, необходимо разбить ее на части,

по мере сил стараясь справиться с одной, затем с другой. И так до победного конца. Кроме того, в духовной жизни полезно учитывать природные циклы, органично вливаясь в гармоничное течение мироздания.

Повествование Максима Замшева начинается с того, как главный герой весьма неважно себя чувствует осенью. Весной – прилив сил, поднятие энергии, активная деятельность. Осенью – напротив. Однако это не повод унывать и прятаться в «проверенную скорлупу», как это обычно делал 45-летний Алексей Степанович Гусаров, быстро устававший на работе и мучившийся от незащищенности. Осень тяжело переживает привязчивый человек, который не научился жертвовать на материальном и, самое главное, духовном уровне.

Для счастья, включая в это понятие ментальное и физическое здоровье, следует овладеть навыком приносить одну из самых трудных и вместе с тем целительных жертв – жертву справедливостью. Когда кто-то повел или ведет себя с человеком несправедливо, последнему стоит сердечно обратиться к Богу, стараясь ощутить Его незримое присутствие во всем. Затем нужно осознать, что таким образом Всевышний лечит его душу от гордыни, проявленной как поклонение идеалам и нравственности.

Любовь выше справедливости. Человек, глубоко прочувствовавший смысл этой фразы, не станет скрупулезно анализировать до закипания мозга действия обидчиков, клясть их, мстить, отрекаясь от любви и единства. Напротив, не предъявляя претензий Богу, не осуждая себя и людей, направит выделившуюся при стрессе энергию на изменение мировоззрения, характера, образа жизни.

Полезно запомнить: если нас несправедливо оскорбили, значит, мы дали повод, подсознательно молясь на идеалы и принципы.

Осенью человек испытывает сильный стресс: из глубин души выплывают программы, мешающие получать тонкую энергию от Создателя. Энергию жизни. Притупление

чувств, мрачные мысли, разбитость, апатия – следствие падения тонкой энергии. Причиной ее стремительного снижения является программа самоуничтожения. Откуда же она у Алексея Гусарова?

Замшев дает наводку: главный герой разведен, причем между бывшими супругами отношения натянуты. Глубинные обиды на родных включают подсознательную программу самоликвидации. Испытывая длительное недовольство женой во время семейной жизни, он, сам того не подозревая, стал подсознательно обижаться и на дочь, которая после этого интуитивно начала отдаляться от отца. Его ноющая спина – следствие обид на женщин. Обиды – следствие поклонения идеалам и благополучию.

Люди со слабой подсознательной верой в Бога рано или поздно сформируют программу самоуничтожения, полностью избавиться от которой будет весьма непросто. Потребуется затяжной и порой мучительный труд души, дабы изменить к лучшему не только поступки, но и мысли, чувства.

Как правило, человеку удастся лишь снизить активность программы самоликвидации, отстранившись от подсознательных кумиров. Редкий человек готов сделать это добровольно. Алексею приходит на помощь судьба: молчаливый холостяк обитает в неуютной квартире вместе с папой, полуниним пенсионером с множеством болезней, который некогда был ведущим артистом крупного столичного театра. Разве о такой жизни мечтал Гусаров-младший, когда жил с супругой и дочерью в отдельной квартире?

Родители и дети имеют плотную энергетическую связь и сильно влияют друг на друга в любом возрасте. Преступный поступок Гусарова-старшего, совершенный на почве ревности много лет назад, повлиял на то, что его сын, ведомый

благими намерениями, «вырастил из жены монстра» и был рад не общаться с ней после развода. Причина, забравшая мать Алексея в мир иной, свидетельствует и о ее глубинной привязанности к людям.

Дети – увеличительное стекло родителей: положительные и отрицательные установки последних усиливаются в их отпрысках. Возмездие за несправедливые поступки настигает детей скорее. И Замшев это умело изображает.

В талантливом произведении нет случайностей. Название проекта, из-за которого у правоохранительных органов возникли вопросы к Гусарову-младшему, отсылает к подсознанию. Именно там – тяжесть нашего прошлого и ростки будущего.

С первых страниц автор создает главному герою условия, позволяющие уединиться, пересмотреть свою жизнь, а в конце повести – максимально быстро преодолеть глубинное неприятие судьбы, сбавив волю в кулак и обрета решимость стать другим человеком. Образно говоря, освободить мучущуюся, как птица в клетке, душу от пут грехов. Воспользуется ли он щедрым подарком судьбы?

Крик души, вынесенный в заголовок повести, и хитросплетения сюжета вселяют надежду на перерождение участников любовного треугольника во главе с Алексеем Гусаровым. Испытания, искушения, страдания вынудили их искать опору не в страстях и привязанностях, а в настоящей любви, которая зародилась в истерзанных сердцах. Возрастая на благодатной почве покаяния, она способна проявить лучшее в людях, помочь им освободить души от увесистых гирь предрассудков и несбывшихся ожиданий, выйти из собственноручно возведенной тюрьмы страхов, обид, неприятия себя и окружающего мира.

В ПОИСКАХ МОРОЗА

(сказка для детей всех возрастов)

Предлагаем вниманию читателей рассказ российской писательницы Марины Соловьевой, любезно предоставившей нам право первой публикации

Маруся заканчивала уже третье подробное письмо для Деда Мороза. Почему третье? Да потому что так надежнее для исполнения желания. Первое послание лежало на подоконнике в терпеливом ожидании, когда же его заберет пролетающий мимо на лихих конях волшебный дедушка. Второе было отправлено традиционным способом, таким же древним, как и сам дед: по почте, в конверте с симпатичной новогодней маркой, обратным адресом и пометкой: «Деду Морозу лично в руки». Третье планировалось передать Деду Морозу на его родине через соседских ребят, которые уже целый месяц рассказывали всем во дворе о предстоящей экскурсионной поездке в ледяные чертоги волшебника в Великом Устюге.

В Марусином классе все только и обсуждали, кто что хочет получить на праздник. Она с интересом слушала своих одноклассниц, в основном мечтающих получить на Новый год куклу-младенца, обязательно похожую на настоящего новорожденного ребенка с распашонками, чепчиками, сосками и еще множеством самых разных прибабасов. Во 2 «А» по поводу этих пупсов случился самый настоящий бум. На переменах это было основной темой для разговоров, кто-то умудрялся даже приносить в класс своего малыша, чтобы похвастаться его обновками, аккуратно уложенными в портфеле. Мальчишки же полностью сосредоточились

на роботах-трансформерах, способных быстро, буквально одним щелчком, превращаться в подвижные машинки и обратно.

– Попроси себе на Новый год такого же! Будем вдвоем играть и бои устраивать! – предложил одноклассник Мишка, живущий в соседнем подъезде.

Маруся только плечами пожала и неопределенно улыбнулась. У нее не было ни модной куклы, ни популярного робота, но это огорчало не сильно, ее печаль была в другом. У Маруси давно и серьезно болела мама, а в последнее время ее состояние заметно ухудшилось. С детства слабые почки превратились в настоящую проблему, вытаскивающую за собой хвостиком целый букет болезней. Мама быстро уставала и все чаще оставалась в кровати. Маруся очень любила по вечерам поговорить с мамой обо всем на свете, уютно устроившись у нее в ногах. Они обсуждали прошедший день, школьные новости, строили планы и обязательно вспоминали о папе – летчике-полярнике, настоящем герое, пропавшем без вести сразу после Марусиного рождения. Девочка обожала эти вечерние разговоры и часто мечтала вслух, что будет, если папа вдруг вернется. А он обязательно вернется, не может не вернуться, ведь никто никогда не видел его умершим, а это значит, что надежда есть, особенно сейчас, когда он так им необходим.

Из деревни приехала бабушка с большими сумками, набитыми разными домашними заготовками,

и поселилась в их городской квартире всерьез и надолго. Она варила невкусный, но с ее слов полезный жирный куриный суп, жарила толстые маслянистые котлеты и никогда не покупала сладкого, считая вредным все, кроме собственного варенья. Бабушка называла свою дочь как-то очень непривычно, даже по-детски, Нюсей, трепетно ухаживала за ней и постоянно вспоминала Бога.

– Совсем почки отказывают! – в очередной раз сокрушалась бабушка, рассказывая соседке тете Вале за вечерним чаем историю маминой болезни. – Все врачи предупреждали, что нельзя рожать, – так нет, не послушалась. Как же, от любимого человека обязательно должно быть любимое дитя. Только здоровья больше нет и жизнь на волоске висит. Не слишком ли высокая цена? А где любимый? Тю-тю! Как только узнал прогноз ее болезни, так и свинтил в неизвестном направлении! Тоже мне, летчик полярный! Надо же было такое придумать, чтобы девчонке мозги столько лет засорять несбыточными мечтами.

Маруся, уже переодетая в мягкую розовую пижамку с выпуклыми веселыми слонятами и полностью готовая ко сну, замерла в шаге от ванной комнаты, перед закрытой дверью кухни с толстым мутным стеклом, не в силах двинуться дальше. Голова слегка закружилась от неожиданных новостей и поплыла. Девочка затаила дыхание, плотно прижавшись ухом к двери.

– Операция сложная нужна, в этом городе ничего подобного не делают, а там, где делают, – огромная очередь, не каждому удастся ее дождаться. А долго ли дочь без операции протянет – одному Богу известно! – продолжала изливать душу бабушка.

– Нужно знать, к какому врачу пробиваться. Ведь есть же лучший среди всех остальных? – соседка громко отхлебнула чая, звякнув чашкой о блюде.

– Есть такой, да только далеко. Мороз его фамилия. Светило медицины. Слышала, что жил когда-то в нашем городе! – бабушка громко шмыгнула носом, а Маруся молниеносно юркнула в ванную комнату и, открыв на полную мощь кран, принялась под хлещущую воду лихорадочно осмысливать услышанное.

«Папа, папочка, ну как же так? Разве так можно? “Своих не бросаем” – это же твое любимое выражение. Или это мама придумала для поддержания красивой легенды? И как же ты живешь на белом свете, зная, что где-то совсем рядом живу и я, причем не на другой планете и не в чужой галактике! Стоп. Самое главное сейчас – это мама, мамочка моя любимая. Даже подумать не могла, что все настолько опасно. Стоп. Сопли развезла, а надо действовать. Нужно найти и притащить сюда этого Мороза, пусть спасает скорее маму! Подумать только, существует же, оказывается, этот дед на самом деле, а я и не верила», – Маруся как-то сразу успокоилась, вытерла слезы и прошмыгнула на цыпочках в свою комнату.

До Нового года оставалось всего три дня, но никаких ответов на ее послания так и не приходило, хоть одно письмо с подоконника все-таки исчезло, а другое, совершенно точно, было доставлено в Великий Устюг, что клятвенно подтвердили дворовые приятели.

Мама совсем перестала улыбаться и быстро утомлялась. Медлить дальше было нельзя. Нужно было срочно действовать – искать волшебного деда Мороза.

Проснувшись утром, Маруся резким движением отодвинула занавеску и выглянула в окошко. Небо подмигивало тысячью оттенков синего-голубого цвета. Улицу завалило свежим искрящимся снегом, окутавшим белоснежным лебяжьим пухом обглоданные ветром скелеты деревьев. Дворник торжественно и важно разметал метлой снежный покров, выпускающая из-под прутьев своего инструмента характерные свистяще-скребущие звуки.

«Вот выскочить бы сейчас и поваляться от души в этом снежном царстве-государстве! И забыть хоть на минуту обо всем на свете!» – подумала девочка. Внизу, около подъезда, стоял Мишка и, скинув варежки, увлеченно лепил снеговика.

– Ты сегодня в школу на елку идешь? – закричал он, увидев Марусю. – Говорят, интересно будет, целое представление с Дедом Морозом! Только костюм нужен карнавальный. Я пиратом буду.

– Конечно иду! – Маруся мгновенно юркнула внутрь квартиры.

«Как же я могла забыть! Чуть не пропустила! Вот он шанс!» – девочка начала рыться в шкафу, пока не достала оттуда старенькую, когда-то связанную бабушкой, смешную шапочку красного цвета. Потом она сбегала на кухню за крахмаленным белым кухонным фартучком, только что вышедшим из-под бабушкиного утюга и вытащила из кладовки старую плетеную корзинку. Костюм Красной шапочки был готов.

Огромная елка возвышалась в самом центре школьного спортивного зала и, играя огнями, заполняла все пространство невероятным запахом свежей хвои.

Маруся огляделась, немного привыкла к яркой толпе и постепенно начала различать среди строты карнавальных костюмов знакомые лица. Совсем недалеко от нее расположились подружки-одноклассницы в костюмах самых известных сказочных красавиц – от Русалочки до Рапунцель. Чуть подальше стоял никогда не унывающий Мишка в большой черной шляпе и пиратской повязке на одном глазу. Новогодняя музыка заглушала ребячий шум, поднимая всем настроение.

Дед Мороз со Снегурочкой появились откуда их точно никто не ждал – из примыкающей к спортзалу небольшой тренерской комнаты. Дальше все было, как обычно, с веселыми хороводами, танцами у елки, загадками и подарками. Маруся смогла добраться до Деда только отстояв длинную очередь. За новогоднее стихотворение дедушка протянул ей шоколадку и быстро повернулся к следующему сказочному персонажу.

– Подождите, подождите, мне надо вам кое-что сказать очень важное! – затараторила Маруся. – У меня болеет мама и обязательно нужно, чтобы вы пришли к нам домой! Нужно ваше волшебство, чтобы она выздоровела. Ее надо обязательно развеселить, тогда она точно поправится!

– Ты же видишь, сколько детей хотят со мной сегодня пообщаться? Давай попозже поговорим, хорошо? – ответил «дедушка» густым басом и легонько отодвинула девочку в сторону.

Маруся чуть не расплакалась, но быстро взяла себя в руки и приготовилась к долгому ожиданию. После спетой хором песни про елочку Дед Мороз лихо подхватил под руку Снегурочку и исчез там же, откуда и появился. Маруся глубоко для храбрости вдохнула и отправилась следом, пока

Фото: Макс Зиндел/ Unsplash

волшебник не умчался на следующую елку.

– Опять ты! – воскликнул учитель труда почему-то голосом Деда Мороза.

«Интересно, зачем он надел красный халат волшебника? И когда только успел?» – пронеслось в голове у девочки. Она внимательно посмотрела на гладкую поблескивающую лысину учителя и на небрежно валяющийся на стуле колпак с белыми волосами и бородой. Сразу так тоскливо стало на душе, словно она подсмотрела в замочной скважине чужую тайну.

– Закажите для мамы Деда Мороза через фирму по организации праздников, это самый простой вариант, – посоветовала Снегурка, а учитель труда, как ни в чем не бывало, весело подмигнул Марусе одним глазом и стащил с себя красный халат с меховой оторочкой.

На улице буйствовал ледяной дождь с ветром. Марусе показалось, что утренний белый пушистый снежок ей всего лишь приснился. Осень и зима продолжали отчаянно торговаться, кто же здесь все-таки главный. Заметно похолодало, и вода начала заковывать все вокруг плотной хрустальной глазурью, одевая в ледяные скафандры.

– Смотри, все слабые деревья сразу сломались, а сильные стоят и терпят! – к Марусе подошел Мишка, уже без пиратской повязки на лице.

– Да, все как у людей... Я обязательно уговорю бабушку заказать деда Мороза нам домой.

Долгий и уверенный звонок в дверь разбудил маму. Красноносый дед в синем халате с золотыми звездами явился уже под вечер 31 декабря, без устали повторяя одни и те же дурацкие четверостишия и смеясь над ними громче всех. Он почему-то обращал внимание исключительно на Марусю, полностью игнорируя болеющую маму. Девочку не оставляло впечатление, что его завели специальным ключиком и он теперь долго не остановится. От деда неприятно пахло селедкой, один ус все время отклеивался, язык заплетался, а на посохе болтался совсем свеженький ценник. Маруся сначала оторопела от всего происходящего, а потом, схватив шубку, метнулась за дверь.

Мишка летел навстречу через три ступеньки, крепко сжимая в руках большой красивый конверт.

– Письмо, письмо, еле-еле выпросил у нашего почтальона! Обещал тебе лично в руки до Нового года доставить. Ура! Волшебный дед все-таки ответил!

Девочка осторожно вскрыла конверт, достала красивую открытку и стала читать: «Дорогая Маруся! От души поздравляем тебя с Новым годом и желаем, чтобы твоя мама обязательно поправилась! Не сдавайся и помни, что в Новогоднюю ночь случаются настоящие чудеса!

Работники почты».

Во двор Маруся вышла одна, оставив разочарованного Мишку переваривать услышанное, и сразу попала на настоящий бал снежинок, плавно танцующих в свете фонарей. Природа, как будто

устала от вечной борьбы, выдохнула и успокоилась, разрешая всем вокруг насладиться праздником. Маруся медленно добрела до детской площадки и присела на край скамейки, не понимая, что же делать дальше. Мимо пробежала толпа Дедов Морозов с мешками и посохами – все, как полагается, яркие, красивые и бойкие. Девочка проводила их взглядом, непроизвольно скривив на лице презрительную гримасу.

– Не веришь в деда Мороза? – Маруся даже не заметила, как на противоположном конце лавочки оказался светловолосый худощавый мужчина в очках и смешном новогоднем колпаке, сдвинутым немного набекрень.

– Да все они фальшивые! А мне сегодня так нужен настоящий! – задумчиво произнесла Маруся, а потом вдруг неожиданно для себя начала рассказывать незнакомцу про все свои переживания: про мамину болезнь и про неудачные попытки ее спасти, про героя-полярника, которого уже и папой называть не хотелось. Она говорила и говорила, не в силах остановиться, иногда всхлипывая и смахивая варежкой слезинки. – Где теперь искать мне этого Мороза, ума не приложу!

– Знаешь, так получилось, что в моей жизни ничего нет кроме работы. Я попал в этот город из-за череды странных и не сильно зависящих от меня обстоятельств. Очень хотелось сделать новогодний сюрприз своим школьным друзьям, а они, не зная этого, уехали на Алтай. Еще минут десять назад я чувствовал себя никому не нужным и глубоко несчастным, не понимая, что делаю в городе своего детства в полном одиночестве, да еще и в новогоднюю ночь. А сейчас потихоньку начинаю понимать, зачем я тут и почему сижу именно в это время на этой лавочке. Потому что я нужен тебе. А может

быть все наоборот, и ты нужна мне во много раз сильнее? Я открою тебе небольшой мой секрет: не все Морозы фальшивые, я, например, самый настоящий!

Маруся недоверчиво-оценивающе посмотрела на этого серьезного дядьку, хотя и в колпаке, но совсем не похожего на Деда Мороза.

– Мороз Иванович? Паспорт для начала покажите, а потом поговорим!

Мужчина открыл сумку, достал и протянул паспорт.

– Мороз Дмитрий Иванович, – медленно по слогам прочитала Маруся и вскинула на нового знакомого удивленные глаза, – а так бывает?

– Именно так и бывает! Удивительным образом чудеса случаются, когда уже совсем перестаешь ждать, но понимаешь, что сделал для их появления все возможное. Кто ищет, тот всегда находит. А если не справляется сам, то ему обязательно помогают высшие силы. Я тот самый доктор-хирург, о котором говорила твоя бабушка, занимаюсь лечением самых сложных пациентов. Разберемся как-нибудь и с болезнью твоей мамы!

Так случился самый неповторимый и самый веселый Новый год в жизни Маруси с самым настоящим Морозом, правда до деда ему еще было очень далеко. Все мамы анализы и результаты обследований он посмотрел задолго до боя курантов и сказал, что в новом году все будет хорошо, а потом его просто никуда не отпустили. И он остался с ними, чтобы провести вместе эту удивительную новогоднюю ночь и всю дальнейшую жизнь, чтобы вылечить Марусину маму и научить ее заново смеяться, чтобы эта невероятная волшебная история продолжалась.

Ну, и кто сказал, что сказки обязательно должны заканчиваться?..

ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Мы продолжаем публикацию повести Валерия Поволяева

Косяков даже не заметил, как «Чехов» исчез, – человек этот обладал способностью внезапно появляться и также внезапно исчезать, а вообще он работал здесь, наверное, очень долго, устроился сюда, вполне возможно, еще при царе. В гостиную он вернулся не один, а с человеком, лицо которого, как и лицо Сталина, было известно каждому жителю Советского Союза, – даже ребятишкам в детских садах. Это был Калинин, которого в газетах часто называли «всесоюзным старостой».

Гости поспешно вскочили. Вместе со всеми также поспешно, если не быстрее остальных, поднялся и полковник.

– Сидите, сидите, друзья, – глуховатым, с какими-то шестящими сердечными нотками в голосе проговорил Калинин, красноречиво придавив рукою пространство. – Сидите, прошу вас!

Следом за Калининным еще один человек вкатил в гостиную черный лакированный столик на беззвучных резиновых колесиках.

Калинин, не обращая внимания на своих сотрудников, продолжал разговаривать, поинтересовался у присутствующих, как они чувствуют себя после дерзкой операции – все-таки выкрали прямо из-под носа у немцев важного штабного генерала вместе с портфелем, – и услышав короткий, очень точный доклад Серебрякова, довольно улыбнулся.

– Хорошо, очень хорошо, что все герои здоровы, а главное – живы, – проговорил Калинин, продолжая улыбаться.

Он обернулся к черному лакированному столику, на котором ровным рядом были уложены

небольшие книжечки с матерчатymi обложками и оклеенные красным кожзаменителем коробочки. Коробки были закрыты. Все до единой. Но нетрудно было догадаться, что в них находится.

Вот только какого достоинства этот товар, понять было непросто. Ордена Красной Звезды? Может быть. Медали «За отвагу»? Тоже может быть. А возможно, – об этом даже неловко было подумать – ордена боевые, популярные еще с Гражданской войны – Красного Знамени? Но такая награда достанется, надо полагать, только одному человеку из всей команды – капитану Серебрякову. Он сделал больше всех в обеспечении этой операции, именно благодаря командиру экипажа она прошла успешно.

– По решению Ставки Верховного Главнокомандования Президиум Верховного Совета СССР постановил отметить вас высокими наградами Родины!

Вид у Калинина был какой-то домашний, совсем не соответствующий лихому военному времени, и сам Михаил Иванович был очень похож на мирного университетского завхоза или, если взять выше, доцента, читающего студентам лекции... Можно придумать и другое – «всесоюзный староста» походил на доброго старичка-бухгалтера из какой-нибудь конторы, принимающего деньги за расходуемое электричество и выдающего индульгенции – счета с синей треугольной печатью.

Калинин говорил что-то еще, но Косяков почти не слышал его, в ушах возник звон, почти перекрыл голос «старосты», перед глазами заскользили какие-то блохи. Судя по всему, это была психологическая

реакция на нагрузку, которую испытывал в последнее время Косяков. Но надо было успокоиться, прийти в норму, вообще постараться подавить в себе всякие чувства, а главное – вернуться на землю и дослушать речь одного из руководителей страны. Впрочем, Калинин к этой поре перестал говорить (он, кажется, совсем не был горазд на длинные речи) и повернулся к передвижному столику.

Чеховский двойник, прикативший столик, поспешно подал ему коробочку с матерчатой книжечкой, лежавшей под ней. Калинин взял все это в руки, неспешно потетешкал, будто ребенка, на лице его возникло что-то теплое, по-старчески спокойное. Судя по всему, он был мужиком сдержанным, мудрым, наверное, даже очень мудрым, иначе ему вряд ли бы удалось подняться на такую огромную властную высоту. Через несколько мгновений он обернулся и покачал головой.

Все верно – он ожидал своего помощника – молодого человека с покатыми плечами и розовым, хорошо выбритым лицом; помощник возник будто бы из ничего, чуть ли не из-за портьерного пространства (а портьер тут было много), развернул папку.

– Указ Президиума Верховного Совета Союза СССР, – прочитал он звучно, четко, тщательно выговаривая каждую букву, будто бы актер на сцене, специально для этого нанятый, – дальше прозвучала фамилия капитана Серебрякова и его имя с отчеством.

Капитан поднялся, шагнул к Калинин. Тот по-старчески неторопливо, подрагивающими пальцами раскрыл коробочку, извлек находившийся внутри орден, хотел

было прикрепить к гимнастерке капитана, но ткань гимнастерки была плотная, зимняя, а орден был на винте, шпенек у винта толстый, нужно шило, чтобы проколоть ткань, поэтому Калинин показал присутствующим награду и спокойным царским жестом опустил ее назад, в картонное нутро. Коробочку отдал в руки капитану.

Это был орден Ленина, высший в стране, выше было только звание Героя Советского Союза.

Серебрякова вызвали первым, поскольку он был командиром и больше всех сделал, чтобы трофейный «Юнкерс» вернулся на подмосковный аэродром, дальше же помощник «всесоюзного старосты» начал вызывать награжденных по алфавитному списку. Вторым был вызван старшина Быкасов, ему Калинин также вручил орден Ленина, третьим – капитан Голубенко, он тоже получил орден Ленина...

Значит, весь экипаж награжден орденами одного достоинства – высшего. Выделять кого-либо не стали, как не стали и опускать...

Точно! Косяков тоже получил коробочку с орденом Ленина, пожал Калинин руку (пальцы у Михаила Ивановича были мягкими и теплыми), затем проговорил обязательную благодарную фразу и вернулся на свое место... Хотел было раскрыть коробочку и посмотреть на орден, но застеснялся – неудобно.

Потом подошла алфавитная очередь Интерны. Калинин наговорил ей много добрых слов. Замыкающим стал старшина Юзлов, бортстрелок.

После церемонии награждения «всесоюзный староста» проговорил манерно, как в царскую старину:

– Пожалуйте за мной! – неторопливо развернувшись, он двинулся в соседнюю комнату. Там был накрыт стол и стояли три раскупоренные бутылки шампанского.

Молодой помощник Калинина решительно устремился к ним.

В тонкой, почти прозрачной вазе (старый китайский фарфор, этой вазе было, наверное, не менее двухсот лет) лежали крупные желтобокие яблоки; по нескольким плоским тарелкам были разложены бутерброды – самые разные. С колбасой, ветчиной, сыром, кавказской бастурмой.

И хотя экипаж «Юнкерса» утром неплохо заправился кашей и яйцами всмятку, на бутерброды потянуло всех – очень уж аппетитно они выглядели, ну просто маняще, как некая еда неземного происхождения. Но еда была земная, наша, русская.

Калинин тоже прошел в эту комнату, взял в руки бокал с шампанским, улыбаясь, чокнулся с каждым, машинальным движением свободной руки поправил аккуратный клинышек бородки, мазнул пальцами по усам и проговорил виновато:

– Было бы время, посидел бы с вами, пообщался, может быть, и песню спел, но времени в обрез, – он с неожиданным сожалением вздохнул, проглянуло в нем что-то чистое, даже детское, кающееся, – ни одной свободной минуты нет.

Бокал с шампанским он держал в руке, даже не пригубив: то ли ему предстояла встреча со Сталиным, и он опасался, что тот засечет исходящий от него винный дух, то ли пошаливал желудок, и пить шампанское ему запретили врачи... В общем, причина имелась.

Серебряков хотел было полюбопытствовать, что было в портфеле, который экипаж вместе с владельцем доставил из Смоленска, и открыл было рот, но Калинин словно бы почувствовал вопрос, приподнял обе ладони и решительно придавил ими воздух.

– Закусите, отпробуйте шампанского, оно лучшее из того, что есть у нас, и выпейте обязательно чаю, у нас к чаю – великолепная выпечка.

Когда Калинин исчез, уйдя за одну из многочисленных портьер, появился полковник (еще две минуты назад его не было, отлучался куда-то) и подцепил пальцами так и не понадобившийся Калинин бокал. Серебряков, уже считая полковника своим человеком (за неделю съели много каши и, надо полагать, притерлись друг к другу), все-таки задал вопрос, который так и не задал «всесоюзному старосте»:

– Товарищ полковник, если не секрет, что было в портфеле, который мы доставили из Смоленска?

– Секрет, еще какой секрет, – мгновенно сделавшись хмурым, отозвался полковник, покосился в сторону помощника «всесоюзного старосты» – тот явно был из своих же, из тех, кто раз в месяц является на Лубянку с докладом и получает инструкции, как жить и действовать дальше.

У помощника вид был невозмутимый, словно бы он ничего не видел и ничего не слышал... Занимался делом, порученным ему: разливал шампанское. Должность у него такая – разливать шампанское.

В следующую минуту полковник оттаял и проговорил:

– Лично я от товарища Калинина услышал следующую фразу, – полковник поднес к губам кулак, кашлянул в него, будто в микрофон, поправил воротник гимнастерки, словно бы тот давил ему на шею, и произнес глуховато, почти калининским голосом, хотя изображать из себя «старосту» не стал и обещанную фразу так и не процитировал, видимо, побоялся чего-то. – Товарищ Калинин сказал, что вы сделали великое дело, о вашем полете было доложено лично товарищу Сталину и что товарищ Сталин, как и Ставка, был доволен результатами вашего рейда в немецкий тыл. Ордена, которые вы только что получили – это по решению Ставки. Цените!

– А что находилось в портфеле, товарищ полковник? – Быкасов, как всегда, был на высоте, оправдывая славу говоруна, несущуюся за ним по всем авиационным частям фронта, на котором старшина воевал.

– Что находилось, что находилось... – повторил полковник ворчливым усталым голосом, будто сам слетал в Смоленск и вернулся оттуда, вымотанный донельзя. – Что находилось, то и находилось. Понятно, товарищ старшина?

– Так точно! – Быкасов щелкнул каблучками. Сделал это лихо.

– Большого сказать пока не могу. Документы, одним словом. Понятно?

– Так точно! – Быкасов вновь по-актерски звонко щелкнул каблучками.

– За нашу с вами победу, – тем временем провозгласил помощник Калинина. Гост его был услышан и награжденные с серебряным звонком сомкнули бокалы.

– За нашу победу, общую на всех, другой не надо, – поддержал зардевшегося помощника Серебряков, одним глотком расправился с шампанским, поглядел на опустевший бокал и с сожалением произнес:

– Неплохо бы хряснуть его об пол, чтобы победа побыстрее явилась, да неудобно – Кремль все-таки.

– Ни-ни-ни! – запоздало вскинулся помощник. – Посуду у нас бить нельзя! Буфетчица этого не поймет.

В общем, на застолье этом главной фигурой были не помощник Калинина, не заслуженный военный с четырьмя полковничьими шпалами в петлицах, а буфетчица. Что ж, во всю торжествует популярная ленинская формула, насчет кухарки, способной управлять государством – вот мадам в белом переднике и управляет.

Косяков едва приметно улыбнулся и постарался отогнать от себя опасную мешанину мыслей, способную самостоятельно, почти

без участия человека слепиться во что-нибудь такое, за что его по головке не погладят.

Вскоре бутылки с шампанским опустели, кухарка, стоявшая наготове, чтобы управлять не только государством, новых не выделила и на этом торжественная наградная трапеза закончилась. Полковник, глянув на часы, висевшие на стене, сравнил показания стрелок со стрелками собственных наручных часов, озабоченно свел брови в одну линию и вышел из комнаты.

Через несколько минут вернулся, вновь сверил собственные часы с казенными и произнес помолодевшим, ставшим звучным голосом:

– Пора! Машины у подъезда.

Праздник закончился. После команды полковника помощник исчез и собравшиеся стали поспешно поправлять на себе гимнастерки, загиная под ремни складки... По старой русской традиции они готовы были продолжить торжественный завтрак, плавно перешедший в обед с шампанским и бутербродами, а потом, уже у себя в гостиничной «едальне» перевести его в ужин... Там же вечером совершить и главный ритуал уходящего ноябрьского дня – опустить ордена в стаканы с водкой, обмыть их, а потом привинтить к своим гимнастеркам. Это – обязательная процедура, если, конечно, человек хочет, чтобы количество наград у него не убывало, а прибавлялось.

Полковник хорошо понимал, чем сегодня будут заниматься его подопечные авиаторы, и не перечил им – они заслужили это. Он просто молчал и в пути сосредоточенно разглядывал заснеженные пейзажи, торопливо наползающие на «Эмку».

Сидевший рядом с Косяковым командир экипажа половину обратной дороги мялся, вздыхал, подносил ко рту кулак, но не кашлял, поскольку кашля не было, неуклюже шевелился, разворачивая ноги

то в одну сторону, то в другую, потом помял пальцами шею и приподнялся на сиденье:

– Т о в а р и щ полковник, можно вопрос?

– Можно.

– Если, конечно, не секрет...

– Ну! Давайте, капитан.

– Всем нам интересно, что было в портфеле, который мы привезли из Смоленска?

Опять то же? Полковник развернулся на сиденье в половину корпуса, всмотрелся в Серебрякова немигающими глазами, очень быстро обретшими жесткое выражение (вообще-то, жесткость была присуща людям его профессии: без этого им просто невозможно было работать).

– И вы туда же? – гневно спросил полковник. Казалось, еще мгновение и полковник достанет откуда-нибудь из-под сиденья наручники и защелкнет их на запястьях капитана. Из черных, похожих на чугунные заклепки зрачков у него струилась злость.

В следующий миг полковник справился с собою, взгляд у него потух.

– Извините, товарищ полковник, – запоздало повинился Серебряков.

– Всему свое время, капитан, – негромко, но очень холодно произнес полковник, со скрипом развернулся в обратную сторону и лопатками, всем своим тяжелым телом вдавился в спинку сиденья. – Придет время – узнаете.

От голоса его, от тона даже мотор «эмки» начал работать, кажется, тише – того гляди, заглохнет... Но мотор не заглох. До своей маленькой, но ставшей очень привычной, даже уютной, хотя и с голыми сиротскими стенами гостиницы они доехали уже без всякого словесного общения; с хрустом давя начавший подмерзнуть снег, подкатили к простенькому центральному входу; обычная деревянная дверь с тремя грубыми петлями очень

проигрывала роскошным дверям, открывающимся перед теми, кто входил в сверкающее кремлевское здание.

Вечером Косяков рассказал полковнику о своей домашней ситуации, о бараке, окнами своими глядящем в заснеженные поля Московской области, об умершей матери и невесте, ушедшей, судя по всему, на фронт и потерявшейся там: на письма она перестала отвечать.

– Сколько вам времени надо, чтобы побывать дома? – спросил полковник, прощупав взглядом Косякова, на мгновение остановившись на новеньком ордене, привинченном к левой стороне шевиотовой гимнастерки, и тут же отведя в сторону строгие глаза.

– Если начинать с Павелецкого вокзала, откуда идет трамвай, часа три... Может быть, четыре.

– Трамвай отпадает. Я вам дам машину.

Тут Косяков повел себя не как боевой летчик, так себя ведет, скорее, паркетный шаркун, а не военный человек: благодарно прижав к груди руки, он начал бормотать что-то невнятное. Полковник же, хорошо понимая, что все эти слова, восклицания, междометия и прочая звуковая мишура – штука совсем не обязательная и, недовольно поморщившись, решительным жестом остановил старшего лейтенанта.

– Есть другая закавыка, – проговорил он негромко, знакомым жестким тоном, – ваш отъезд запланирован на завтрашнее утро, билет уже заказан. Сегодня ночью должны уехать Голубенко, Юзлов, Быкасов. Ваш билет придется переделывать в железнодорожной комендатуре.

– Товарищ полковник, – ноющим голосом затянул Косяков, но полковник, повысив голос, оборвал его. – Уедете завтра вечером или ночью, поездов на юг идет несколько. В крайнем случае – послезавтра утром... Главное только – чтобы ваш командир

полка не открутил вам кое-что за опоздание.

Косяков благодарно вытянулся.

– Спасибо, товарищ полковник. Шофер – сержант в романовском полушубке, сухопарый, с тщательно выскобленными трофейной золингеновской бритвой щеками дорожку к поселку Волхонка-ЗИС знал едва ли не наизусть, без всяких карт, много раз здесь бывал. И очень скоро «эмка» оказалась среди знакомых тротуаров, заметенных снегом, и остановилась около водопроводной колонки с длинной, будто мечкладенец рукоятью насоса. Шофер расклеил словно бы спекшийся от молчания рот:

– Дальше куда?

– Направо, туда вон, – Косяков показал на последний, огруженный под снегом барак, подле которого обрывалась тротуарная дорожка.

– Туда не проеду, – сказал шофер, приподнявшись на сиденье и рассмотрев барак получше, – снега слишком много. Подожду здесь.

Что ж, это тоже вариант. Косяков вылез из «эмки». Поселок был пуст – ни одного человека. Хотя узкий деревянный тротуар был выскоблен метлой, это означало, что люди здесь все-таки есть, существуют они – живут, дышат, хлеб едят, воду пьют, каждый день ловят радиосводки с фронта; осознание того, что бараки здешние не мертвы, а обитаемы, рождало внутри тепло. Но вот ведь как – вместе с теплом рождалась и горечь, и это было понятно: здесь умерла его мать, мама, отсюда ее увезли на кладбище, здесь ее поминали прощальной стопкой... В горле у Косякова что-то зашевелилось, заскрипело жалко.

Он посмотрел, до конца ли очищен от снега тротуар, ведущий к его барачу или нет, чуть не охнул от внезапной оторопи, когда засек, что узкую дорожку пересекает мерзлая хрустящая охапка, свалившаяся откуда-то сверху, едва ли не с проползающего сверху

облака, – значит, дорожку к родному барачу чистят нерегулярно... А что это означает?

Это означает, что в бараке, вполне возможно, никто уже не живет. Протестуя против этого, хотя и понимая, что от него мало что зависит, Косяков помотал головой и метнулся вперед, сапогами расшвырял охапку снега, лежавшую на тротуаре, проделал в ней дорожку и двинулся дальше. Дальше тротуар был очищен, от этого на душе сразу сделалось как-то спокойнее, даже просторнее... Может быть, пространство раздвинулось, потеснило серый туман, наползающий на город, победило дымный мрак, готовый опуститься на бараки? Нет, этого не было, но в пространстве, в воздухе, а может быть, и в мире что-то произошло, и это чуткий человеческий организм засек мгновенно.

Дверь в барачный подъезд была плотно прижата к косяку, чтобы в тамбур не наносило снег, старший лейтенант аккуратно приоткрыл ее, ровно настолько, чтобы пролезть, и также аккуратно закрыл. В груди опять что-то заняло. Косяков остановился посреди лестницы, ведущей на второй этаж, справился с неожиданно возникшей одышкой, затем без помех двинулся дальше.

В их отсеке были три вместительные жилые комнаты, кухня, плотно заполненная керосинками и примусами, кладовка, забитая в основном ненужными вещами, умывальник с двумя носиками, у которого утром иногда выстраивалась очередь, и крохотный чулан, где хранили тряпки, веники, большую швабру, одну на все комнаты второго этажа, чтобы по очереди убирать коридор, кухню и места общего пользования.

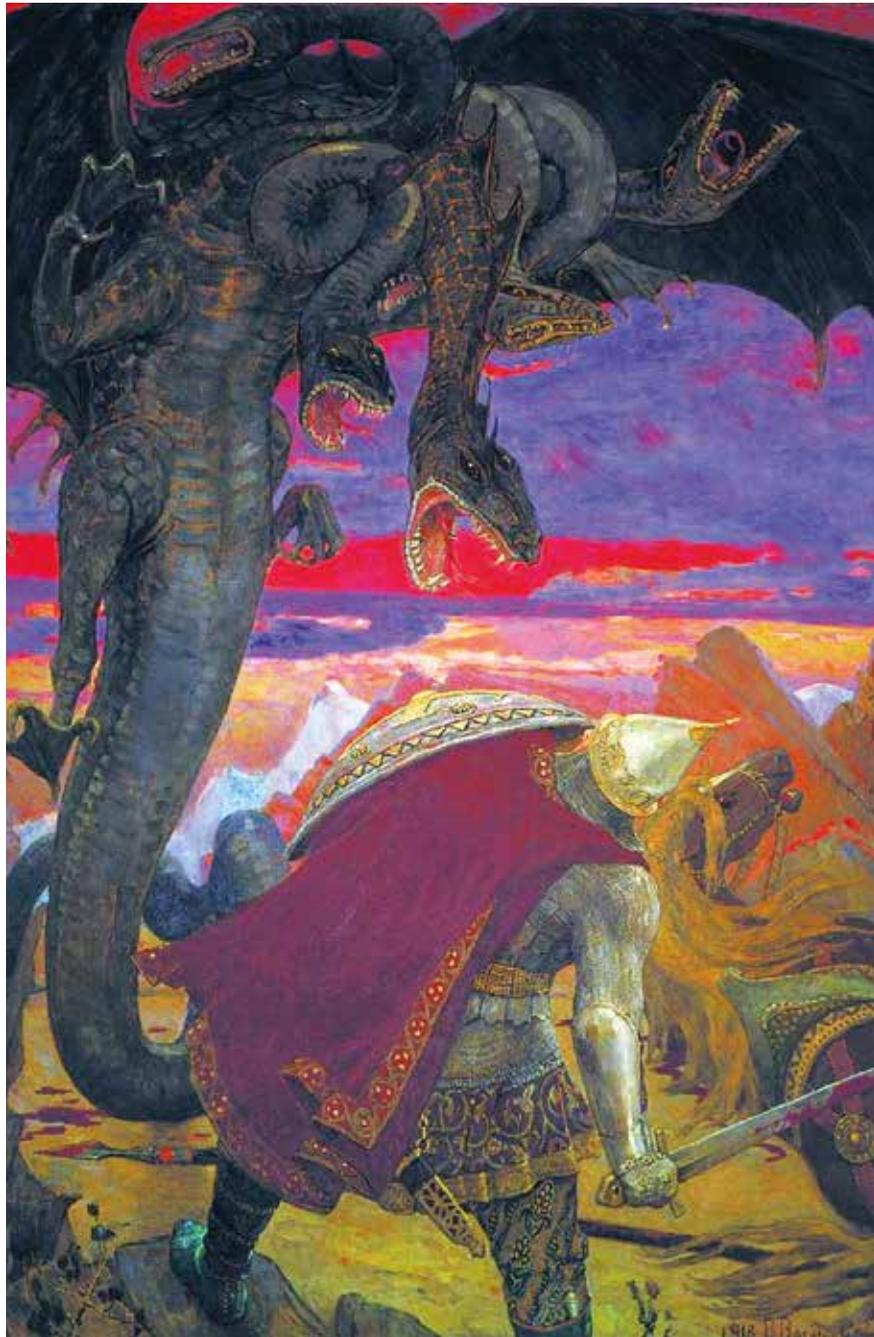
Косяков не без робости вошел в отсек (его, кстати, можно было смело называть квартирой, коммунальной квартирой: здесь было тепло и уютно) и остановился.

Продолжение следует

«БУДЬТЕ МУДРЫ, КАК ЗМИИ»

2025 год по восточному календарю – год Змеи, символа мудрости, которого так не хватает в современном мире

СЕРГЕЙ МАКИН

Виктор Васнецов. «Бой Добрыни Никитича с семиглавым Змеем Горынычем». 1918

На Урале верили в разумных пресмыкающихся: змей и ящериц-оборотней. В сказах Павла Бажова действуют голубая змейка, Великий Полоз и Хозяйка Медной горы. Они помогают хорошим людям находить полезные ископаемые, а злых, жадных и жестоких людей наказывают. Про Великого Полоза говорят: «Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял». Хозяйка Медной горы превратила скверного приказчика Северьяна в глыбу пустой породы (сказ «Приказчиковы подошвы»). Правда, по Бажову, встреча с малахитницей, обращавшейся в зеленую ящерицу с человеческой головой, ни для кого добром не кончается. Даже для того, кого она полюбила: «Степан тоже счастья в жизни не поимел. Женился он, семью завел, дом обустроил... Жить бы ровно да радоваться, а он невеселый стал... Так на глазах и таял... Вот она, значит, какая Медной горы Хозяйка! Худому с ней встретиться – горе, и доброму – радости мало» (сказ «Медной горы Хозяйка»).

Печаль Степана, как и то, что Данила-мастер, герой сказов «Каменный цветок» и «Горный мастер», после возвращения из горы нет-нет, да и «задумывался», можно объяснить тем, что оба тосковали по нездешней красоте и неземной (вот уж точно: подземной) любви. В наше время этому нашли бы другое объяснение: околдовала мужиков горная демоница! Сейчас настоящим героем выглядит Северьян – крутой мужик,

истинный хозяин, «убойца», предтеча «новых русских». Но дело-то в том, что положительные герои Бажова действовали от полноты добра и любви, а у наследников Северьяна их нехватка. Когда обыватель добивается до «красивой» (читай «гламурной») жизни, в очередной раз оказываются справедливыми слова мудрого змея – Великого Полоза: «Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье (золото. – С.М.) поймаются, так откуда только на их всякой погани налипнет».

Энергичные и теплокровные

А могли ли существовать разумные рептилии? Один из героев научно-фантастической повести Ивана Ефремова «Сердце Змеи» (1958) восклицает: «Никаких мыслящих чудовищ, человеко-грибов, людей-осьминогов не должно быть!...» Это полностью совпадает с мировоззрением классика советской фантастики – не только писателя, но и ученого-палеонтолога, специалиста по доисторическим пресмыкающимся.

В статье «Космос и палеонтология» (1968) Ефремов утверждал: «Попытки развития мозга делались не раз в истории Земли, но все они были преждевременны, потому что организмы еще не поднялись на нужный уровень гомеостаза (свойство биологических систем сохранять относительную устойчивость. – С.М.) и энергетика. <...> Энергозапасы, скажем, в печени пресмыкающегося примерно в 50 раз меньше, чем у высшего млекопитающего. Поэтому у крокодила длительность бега по суше просто несоизмерима с многочасовым бегом волка, льва, копытного».

В годы, на которые пришлось творчество И. А. Ефремова,

биологи считали: энергетика у пресмыкающихся всегда была низкая, они холоднокровные, поэтому разумные рептилии не могут существовать в принципе.

Еще на школьных уроках биологии мы узнаем, что у рыб сердце двухкамерное (желудочек и предсердие), у земноводных и пресмыкающихся – трехкамерное (желудочек и два предсердия). Причем у пресмыкающихся желудочек разделен на две половины – венозную и артериальную. Правда, перегородка желудочка неполная. У наиболее совершенных современных пресмыкающихся – крокодилов – сердце четырехкамерное, два желудочка разделены полной перегородкой, однако богатая кислородом артериальная кровь смешивается с венозной, бедной кислородом, в спинной аорте. Почти до самого конца XX века считалось, что такими же были и сердца мезозойских ящеров.

В 1993 году в Южной Дакоте (США) ученые сделали сенсационное открытие, коренным образом изменившее устоявшееся представление о динозаврах. Среди останков травоядного ящера палеонтологи обнаружили его окаменевшее сердце. Результаты компьютерной томографии позволили сделать вывод: сердце динозавра было не только четырехкамерным, но и с полным разделением артериальной и венозной крови – как у млекопитающих и птиц, и в этом случае динозавр был теплокровным! Следовательно, его энергетика была высокой – со всеми вытекающими последствиями.

Многочисленный отряд динозавров состоял из семейств, в том числе троодонтидов. Типичными признаками этого семейства были большие глазницы, длинные ноги и развитые передние конечности, которыми ящеры хватали добычу. Троодонтиды были весьма высокоразвитыми пресмыкающимися,

исследователи отмечали у них черты сходства с археоптериксами – первоптицами.

В 1970-е годы канадский палеонтолог Дейл Рассел обратил внимание на почти гуманоидную внешность одного из троодонтидов – стенонихозавра. А при раскопках в канадской провинции Альберта нашел верхушку черепа этого ящера с отчетливыми следами выпуклых долей среднего мозга, сравнимого с мозгом низших приматов. Используя метод эволюционной реконструкции, ученый решил установить, как бы выглядел этот динозавр, если бы развил заложенные в нем «таланты». «Развившиеся динозавроиды, – писал Рассел, – были бы выше человека, имели бы зеленую кожу, большие и круглые глаза. У них не было бы зубов и ушей, не было бы и хвоста. Они имели бы короткую шею, широкие плечи, подвижные трехпалые конечности. Их мозг весил бы в среднем 1100 граммов. Нельзя сказать с уверенностью, но динозавроиды, несомненно, имели бы достаточно развитую систему обмена информацией, возможно, и телепатическую. Они издавали бы звуки, скорее подобные щебетанию птиц, нежели реву хищников».

Если существовали теплокровные рептилии, они способны были испытывать родственные и родительские чувства или даже любовь – как Хозяйка Медной горы.

Кто виноват? Змей

Ежегодно от укусов ядовитых змей в мире умирают до 138 тысяч человек. Много. Однако от рук своих же *Homo sapiens* погибает гораздо больше: около 450 тысяч. В иные годы счет убитых шел на миллионы. Человечество постоянно воюет. Пресса ежедневно сообщает о новых жестоких преступлениях. Количество

Питер Пауль Рубенс и Ян Брейгель Старший. «Эдемский сад с грехопадением человека». Около 1615

фильмов с убийствами зашкаливает. Телеэкраны оккупировали маньяки, роботы-терминаторы мужского и женского обличья, хищные ящеры юрского периода. И конечно, злые коварные инопланетяне. Они нас завоевывают

и завоевывают. А мы этих гадов крушим и крушим.

Гады: именно так по-русски раньше называли пресмыкающихся. Это слово означает нечто низменное, отвратительное. Не зря так обзывают неприятных людей: гадина, гад

ползучий. При виде пресмыкающегося – змеи или крокодила – людей охватывает отвращение, гадливость. Исключение составляют лишь ящерики да черепашки.

В России возобладало отрицательное отношение к змеям.

Былинные богатыри сражались со Змеем Горынычем. У православных популярна легенда «Чудо Георгия о змие» и одноименные иконы. Это отразилось на гербе Москвы, где всадник поражает копьем крылатого змея. В обыденном

христианском сознании змея ассоциируется прежде всего с виновником грехопадения Адама и Евы. Однако история зловредного библейского пресмыкающегося характеризует одну из особенностей человеческой психологии: сваливать

вину на других. Кто виноват в том, что род людской несовершенен? Змей. Так бей его, проклятого!

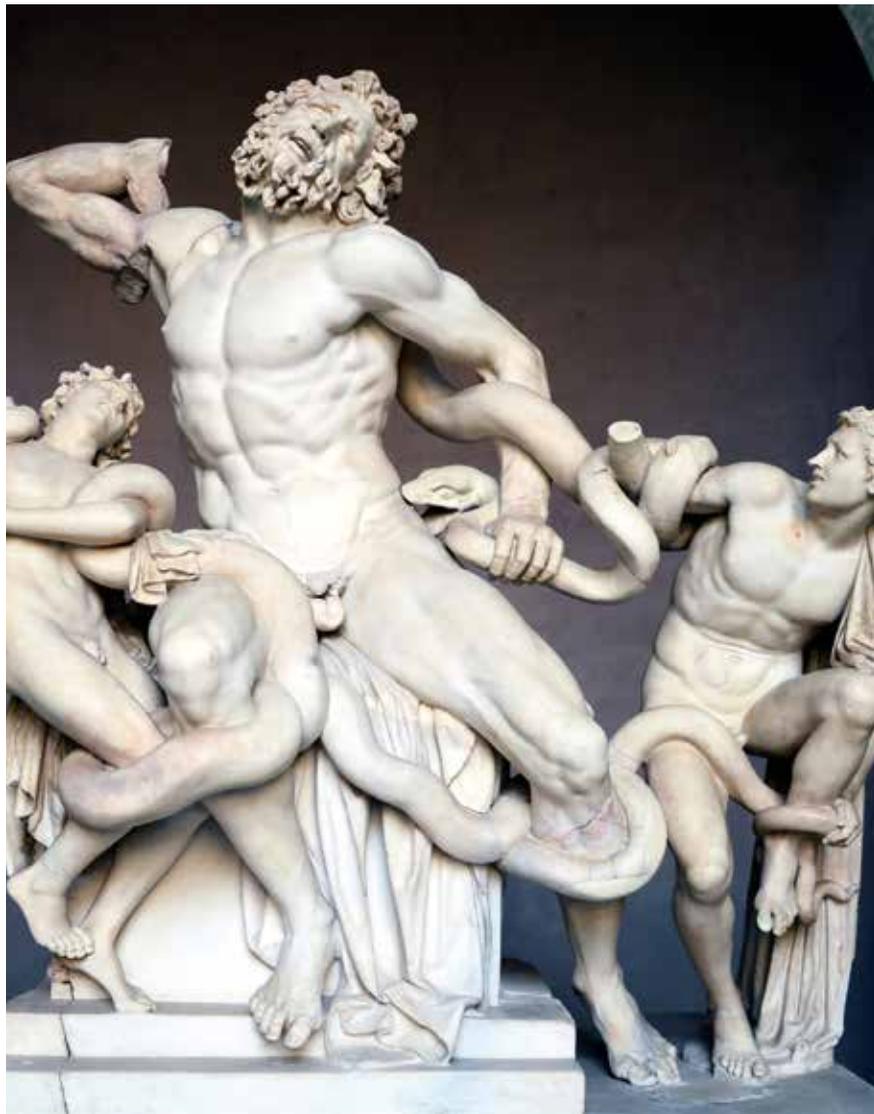
Змееносцы и змеборцы

Но вот что удивительно: в религиях народов мира змеевидные существа являлись культурными героями. У эллинов змееногий Кекроп основал первый храм богини Афины, подарил Аттике законы. Крылатый змей Кецалькоатль учил индейцев наукам, запрещал человеческие жертвоприношения. Змеи были спутниками богов и героев: в греческой мифологии Триптолем, любимец Деметры, переносился из страны в страну на колеснице, запряженной крылатыми змеями, и учил людей земледелию.

В наше время две змеи находятся на вершине архиерейского, в том числе патриаршего посоха – патериссы. Считается, что это напоминание о словах Христа: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16).

Пророк в стихотворении Пушкина получил вместо грешного языка «жало мудрых змеи» от шестикрылого серафима и повеление от Бога: «Глаголом жги сердца людей».

Природа легендарных змей двойственна. С одной стороны, они несут гибель. С другой стороны, змей используют в своих целях высшие силы. В Ветхом завете по велению Господа жезл Аарона в присутствии фараона превращается в змею. Во время исхода из Египта израильтяне ропщут, и Бог наказывает их, насылая ядовитых змей. Но после молитвы Моисея о снисхождении к согрешившему народу Господь дает совет пророку: изготовить медного змия, при взгляде на которого ужаленный оставался жив. В память об этом Христос говорит Никодиму: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому,

«Лаокоон и его сыновья». Работа греческих ваятелей родосской школы Агесандра, Полидора и Афинодора. Вторая половина I века до н. э.

дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:14–15).

Аналогичная картина в греческой мифологии, где змеи и губители, и целители. Эвридика, возлюбленная Орфея, сошла в мрачное царство Аида, укушенная ядовитой змеей. Гера, ревнивая жена Зевса, послала к колыбели новорожденного Геракла, сына громовержца от земной женщины, двух змей. Младенец задушил их.

Не столь благополучно закончилась история с Лаокооном, жрецом

Аполлона, который убеждал троянцев уничтожить оставленного греками огромного деревянного коня. Тогда два огромных змея выплыли из моря и погубили жреца вместе с сыновьями. После этого змеи скрылись под щитом статуи богини Афины, противницы троянцев. На эгиде, волшебной накидке Афины, – голова горгоны Медузы, у которой вместо волос – змеи.

При этом символами медицины стали чаша со змеей – сосуд Гигиены, дочери античного бога врачевания Асклепия (Эскулапа),

и его жезл-кадуцей, обвитый двумя змеями.

Символ бесконечности

В хатха-йоге есть поза змеи или поза кобры: нижняя часть тела человека прижата к земле, верхняя, при опоре на руки, поднята. Благодаря своей невероятной гибкости змеи могут не только высоко поднимать голову, но и сворачиваться в кольца, принимать вид спирали.

Один из древнейших образов, связанный с этими рептилиями, – уроборос: змея, кусающая свой хвост. Это символ бесконечности, смерти и возрождения, взаимосвязи начала и конца, круговорота всего на свете. Да и в науке есть змееобразные знаки: например, символ бесконечности – горизонтальная восьмерка, двойное кольцо. А по законам диалектики, развитие идет по спирали, серпентоидной по своему облику (от латинского *serpentes* – змеи).

В научно-фантастическом романе Александра Казанцева «Фазты» действие начинается на Фазтоне – гипотетической планете между Марсом и Юпитером. На пути героев романа встают стены с орнаментом в виде спирали. Стены настроены на определенные биотоки мозга и открываются от соответствующих мыслей при взгляде на спираль. Это напоминает заклинание «Сезам, откройся!» из сказки «Али-Баба и сорок разбойников». А на скафандрах фазтов – их излюбленное изображение, спираль: «Ведь любое разумное существо, где бы оно ни обитало в звездном мире, узнает в ней образ галактики». Или змеи.

Действительно, наша галактика «Млечный путь», как и многие другие, – спиральная. А ДНК, хранящая генетическую информацию живых существ, имеет вид двойной спирали. Есть мнение, что применительно к этой макромолекуле

Федор Бруни. «Медный змий». 1841. В центре картины – пророк Моисей

лучше употреблять слова «двойной винт». Но все равно похоже на двух змей.

Это будет последний и решительный бой?

Древние индийские предания говорят о «небесной войне», которую вели между собой дэвы и асуры. Используя более привычные европейцам термины, «боги» и «демоны» (индийское «дэв» родственно латинскому *deus* – бог). Сегодня это порой трактуют как военное столкновение в космосе.

Модернистские интерпретаторы Библии полагают, что некогда произошла великая галактическая война между гуманоидами и рептилоидами. Гуманоиды потерпели поражение и, согласно договору, уступили

многие космические зоны (в том числе Солнечную систему) своим противникам.

Показательно, что в христианстве дьявол связан со змеем, его называют «князем мира сего» и ждут его гибели. Вот отрывок из современной эзотерической литературы: «Сущности, символизируемые змеем, – воплощение некоей эволюции, не имеющей ничего общего с человеческим родом. Они происходят из областей Вселенной, населенной ящерицами и змеями (рептилоидами), которые, пройдя длинный путь развития, превратились в существ, обладающих теперь высшим знанием и колоссальными силами. Они лишены всяких эмоций, поскольку их эволюция происходила однобоко, только в сфере разума и силы. Внутри земного шара ими построены энергетические установки,

обеспечивающие им связь с их родной далекой планетой. Они направили свой разум и свое знание на то, чтобы манипулировать людьми на Земле, управляя судьбой мира, в котором они живут». (Из книги Армина Ризи «Смена власти на Земле». М.: Райхль, 2009).

Однако в будущем, по мнению эзотериков, звездные гуманоиды одержат верх. При этом они ссылаются на Апокалипсис, иначе Откровение святого Иоанна Богослова:

«И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. И услышал я громкий голос, говорящий с небес: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего...» (Откр. 12:9–10).

АРАБЕСКИ ВЛАДИМИРА ТИТОВА

Предлагаем вниманию читателей подборку из вышедшего в Издательском центре «Азбуковник» сборника рассказов Владимира Александровича Титова

Владимир Титов в селе Глубоково. Россия

Фото: Екатерина Софронова

Заря над океаном

Дверной замок щелкнул, как по лбу: ключи остались в квартире.

Каждое утро я выходил в ближайший магазинчик на углу соседнего блока взять молока и булку на завтрак. В любое время дня, в тесном помещеньице магазинчика на перевернутом ящике сидела толстуха, болтая непонятно с кем. Продавщица за прилавком не обращала на нее никакого внимания, редкие покупатели, не задерживаясь, проходили мимо. Видимо, разговор ее был с человечеством вообще.

Смысла идти за молоком теперь не было. Месяца полтора назад ближайший человек в этом городе – Ситников – устроил меня в квартире, принадлежавшей (и теперь пустующей) его друзьям и соседям. Накануне они – пара, муж с женой – пригласили меня ехать с ними на *weekend* к ним на дачу в ста километрах от Нью-Йорка. Я отказался – дел по горло. Положение глупейшее: сегодня суббота, хозяева вернутся в понедельник. В кармане три долларовых бумажки с мелочью. Что ж, зовет, стало быть, давнишнее желание съездить на океан, искупаться. Жара в Нью-Йорке установилась с начала мая, и к исходу месяца я уже изнывал от жары.

Кони-Айланд: широкая песчаная полоса, океанский простор, орущие жадные бакланы. Космическим кораблем на пустынном берегу – огромное безучастное колесо с висящими люльками.

Вообще-то, я собирался на Брайтон-Бич, но загляделся из поезда на этот берег и вышел чуть раньше. Выбрался из сабвея и зашагал по песчаному берегу. И тут удивление: на горячем песке, на другой стороне планеты, кучками, такие же точно, как в деревне у нас, полевые ромашки. Мелкие, дрожащие лепесточки с наивными желтыми сердечками. Не знаю,

зачем стал рвать их, рассматривать в упор, вдыхать горьковатый их запах. Ромашковый букет в руке на фоне океана удивлял больше, чем увиденный впервые лес нью-йоркских небоскребов, – те казались органичнее.

Через пару часов дозвонился-таки до Ситникова.

– Приходите, конечно, жду.

Ситников – человек своеобразный, даже с самыми близкими друзьями он на Вы. Образ жизни, устройство быта – все на особый манер. Квартира из трех комнат (если считать с кухней) завалена, нет, забита плотно до потолка не пойми чем. Входная дверь, открываясь, показывала лишь узкую щель, такую, что, будучи довольно худым, Ситников прямо на лестнице раздевался почти до ноля и боком протискивался в этот проем.

Внутри – лаз (именно лаз, так как на метр от пола также был завален), как трещина в скале. Он вел в образовавшуюся пещеру – спальное место.

То есть я не рассчитывал найти там место ночлега, но он мог куда-то пристроить. Была и другая мысль, главная. Квартира, в которой я жил, находилась на первом этаже. В квартире были традиционно американские окна,двигающиеся вверх-вниз. Одно окно было подпорчено, ходило туго, со скрежетом, до конца не закрывалось, оставляя щель примерно с палец. Можно было подцепить чем-то с улицы, ломиком, скажем, и поднять окно.

Вслушав мой план, по-деловому взвесив ситуацию, Ситников выдал полную экипировку: маленький ломик, клещи.

– Клещи-то зачем?

– А вдруг гвозди...

Две разные отвертки, молоток.

– А теперь, Вовочка, слушайте: ваша задача, когда вы влезете в окно... Где у вас документы лежат? От окна далеко?

– Нет, близок.

– Так, ваша задача опередить полицейских. Даже когда они схватят вас за ноги, вы должны брыкаться, кусаться, любыми путями добраться до вашей сумки и паспорт им прямо в нос, прежде чем они вас поволочут обратно.

Я аж вспотел:

– А при чем тут полиция? Почему вы думаете, что меня будут ловить?

– А как же... это уж обязательно. И ловить будут, и поймут. Вы только к окну пристроитесь, как все соседи, увидав вас, кинутся звонить в полицию. И полиция явится мгновенно. Главное, успеть, успеть. Не даваться им на полпути.

– Зачем же вы мне все это даете, инструменты эти, раз вы уверены, что меня поймут?

– Поймают, да. Но ведь в окно-то лезть надо. – И сунул мне в нагрудный кармашек пятидесятидолларовую бумажку.

– А это зачем, деньги?

– Ну, в тюрьме там, знаете, пригодятся...

Но вышло вот как. Подцепить ломом раму оказалось не так просто: окно от земли начиналось на уровне моего носа и поднять его не удавалось никак – не хватало упора. Я вернулся к Ситникову.

– Вовочка, да я вас устрою наилучшим образом, – встретил меня Ситников.

Квартира его была на верхнем шестом этаже. Где-то для своих, неизвестно каких целей подцепил он ключи от входа на крышу. Крадучись пробрались мы наверх.

Нью-йоркские крыши... Явление. Плоские, с низенькими бортами, густо залитые смолой. На крышах устраивают шумные пьянки, рекламные фотосессии, случаются и деловые «пати»; на крыше можно увидеть дощатый забор, увитый колючкой, наспех слепленные сараи и вполне капитальный домик – самострой; огородик с цветущей

картошкой, чахлые кудрявые березки и черт знает что еще...

По-цыгански, как в поле под звездами, расстелил я постель и уснул в ту же минуту. Это была первая за месяц ночь полноценного сна, когда проснулся не от удушья, разбитый, с чугунной головой, мокрой

ни внешним видом, ни поведением, ни восприятием окружающего. Ситников – это аномальное явление. И вот когда это явление вклинивается в вялую аморфную серую массу... Представьте, когда это такое входит в вагон московской электрички... Ситников –

Владимир Титов... Кто он? Художник? Писатель? Путешественник? Русский бывалый мужик? Думаю, что у него нет личин, есть одно лицо. Лицо свое он не потерял, пронеся через жизнь, что дано избранным. Цену за свою свободу он заплатил большую: дорого давались картины, разошедшиеся по всему миру, а его рассказы, скорее всего, можно отнести к редкому жанру «титки»: это такие небольшие по формату повествования, близкие к устному жанру, что-то промежуточное между фольклором и современной прозой. «Титки» еще и потому, что приятели зовут его Титом, а сам он порой подписывает свои работы Tit.

Владимир Александрович родился в 1950 году в Москве, учился в художественной школе, затем в Московском полиграфическом институте. В 1972–1974 годах посещал студию Василия Ситникова, который называл его своим лучшим учеником. В 1982 году эмигрировал во Францию. Участник многих групповых выставок художников-нонконформистов. Его персональные выставки проходили в Берлине, Париже, Вашингтоне, Москве, Санкт-Петербурге. В настоящее время живет в Париже и Москве, а летом – в деревне Матюшино.

В арабесках Титова запечатлены страницы жизни замечательных художников: Василия Ситникова (1915–1987), Владимира Пятницкого (1938–1978), Виктора Романова-Михайлова (1930–1997) и Анатолия Зверева (1931–1986). Но часть – не целое, и чем закончились эти истории, тебе, читатель, проще будет узнать из книг Владимира Титова.

Алексей Шульгин

подушкой, – без борьбы до самого утра с духотой, цепляясь за выскальзывающийся сон.

Проснулся, казалось, на росистом лугу. Дохнуло забытой уже утренней прохладой. И даже легкий совсем ветерок тронул недвижимый воздух.

А из-за океана рвалось меж громадин торчащих строений, лезло, резало лучами, бросая вокруг черные тени, поднималось СОЛНЦЕ.

СИТНИКОВ

Ситников не укладывался ни в какие общепринятые рамки

это перманентное театральное представление.

Во-первых, внешность. Немолодой уже человек (седая борода) спортивного сложения, быстрый как вихрь, в солдатских сапогах, спортивных штанах и майке. Для особо торжественных случаев – майка красная, вся в дырах, как решето, а на животе дыра размером в ладонь скреплена булавкой. Зимой сверху того же самого одевалась ватная телогрейка, на голове (если мороз ниже 20 градусов) – заячья шапка, вывернутая наизнанку («Голове ведь приятнее, когда мех внутри и черт знает, почему всегда делают наоборот»).

А рядом в длинной белоснежной шубе семенит, едва поспевая, стройная и юная красавица-жена.

В магазине толстухи из молочно-колбасного отдела на время бросают работу; удивленно и восторженно разглядывают необычного покупателя.

В советские времена масло продавали на развес: стояли на прилавках такие кубики полуметровые – масло «Вологодское», масло «Крестьянское», масло шоколадное, и от них резали необходимые куски. Ситников брал в кассе чек на килограмм масла и той, что хозяйничает за прилавком, говорил: «Мне, пожалуйста, двести грамм, но из середины!» Продавщица сначала не понимала, затем таращила глаза, потом брала свой инструмент и сначала разрезала весь этот кубик и уж потом сложными маневрами из самой середины добывала тот самый двухсотграммовый кусок. Таким же образом покупалась картошка. В овощном стояли мешки с картошкой. Ситников платил за мешок и говорил грузчикам: «А теперь высыпайте все и наберите два кило, но хорошей».

Такие неадекватные номера не были желанием удивить – это была норма его поведения. «Я за советскую власть – она выселила всех из подвалов и поселила в современные квартиры», – говорит, поднимая мольберт вверх. Мольберт со стуком втыкается в потолок. «Сволочи! – Я против советской власти: такие низкие потолки в этих квартирах».

Ситников, жена его, теща и я обедали на даче. На костре (дача еще строилась, кухни не было) сварили кашу. Василий Яковлевич разложил кашу по тарелкам, а себе оставил закопченную кастрюлю, зажал между ног и стал есть. Теща в ужасе вскрикнула: «Что вы делаете? Вы же испачкаете себе брюки!» А на нем черные спортивные штаны.

– Чем же я их испачкаю?

– На кастрюле грязь!

Ситников зачерпнул полную горсть сырой, рыжей глины и всей ладонью протер от колена до пояса.

– Вот, что такое грязь!

Другой раз остался я ночевать на той же даче. У них для ночлега был лишь маленький сарайчик: втроем там не поместиться. Ситников отвел меня в ближайшую деревню к знакомой хозяйке. Сказал, что я у нее переночую и за хлопоты вручил ей трешку (хозяйка, конечно, просияла).

– Ой! – фальшиво запричитала польщенная тетка. – Василий Яковлевич, что же вы деньгами-то швыряетесь.

Ситников вытащил из кармана приличную пачку десятков и швырнул в потолок. Бумажки разлетелись по всей избе.

– Вот как швыряются.

Тетка уже нефальшиво, в испуге выкатила глаза.

О художнике Пятницком

«Ты ведь художник, так? Мы тут, значит, стенгазету делаем, так может, подмогнешь, нарисуешь чего-нибудь; тебе тут все равно до завтра париться».

Появился большой лист бумаги, краски. Володя взялся за дело с удовольствием. И вот пятнички фантазии заплясали на милицейском листе. В кабинете за столом сидит милиционер с большой звездой на погонах. А с плаката, что на стене, смотрит строгими глазами комсомола, предупреждая: БУДЬ БДИТЕЛЬНЫМ! Но из-за плеча ее крадучись высунулась другая ехидно-мерзкая физиономия, вроде как из-под маски вылезает и тянется преступной рукой прямо из плаката, и холодное железо пистолета уперлось в висок генерала. И тут с края листа (одна нога осталась за кадром, другая выкинута вперед) наперерез бросается молоденький

милиционер-лейтенант, видимо, или даже сержант – и видно, как через мгновение он ловким милицейским приемом сокрушит преступную длань.

По середине листа Пятница оставил совсем узкую полоску для заметки, получилось что-то вроде границы, за которой развернулась другая картина – веселая, этакая милицейская пастораль.

На парковой лужайке – дивно красивый фонтан с павлинами. Хвосты разукрашены радужными камнями, а головки сияют золотом. Но по центру фонтана плывет безобразное корыто, в нем развалился отвратительный тип. Руки закинул за голову, кепка на лицо, и папироска такая наглая дымит из-под кепки (вся, наверно, изжеванная), и ноги свои отвратительные босые с суковатыми пальцами выставил напоказ – задрал на борт корыта. Ну, хулиган. И рожа такая мерзкая, пьяная... В общем, из тех, кому не место в нашем обществе. Но правоохранители уже тут как тут. Трое милиционеров баграми вцепились в корыто и тащат к барьеру. Сияет и солнце, сияют и лица отдыхающих граждан. Но непонятно даже для самого Пятницы: из кармана одного из милиционеров высунулся и хихикает маленький чертик.

На утро следующего дня Пятницу допросили и отправили с Богом. А еще через день он опять явился в ментовку и заявил, что должен закончить начатую работу. И просидел там еще целый день.

Ну и что, скажут, за достижение такое великое? И всего-то – нормальное проявление для настоящего художника. Так и должно быть. Всегда и со всяким. И часто ли это происходит? К сожалению, наше время все больше изобилует обратным явлением.

И сразу вспоминается другая история. Был среди знакомых моих художник... ну, скажем так:

особого восторга от его искусства я не испытывал, но был он для меня таким что ли примером творческой чистоты, какого-то даже духовного величия и в работе, и в самом образе жизни: нравственным критерием, если хотите. После каждого визита к нему выходил я из дома очищенным, каким выходит верующий из церкви.

И вот в очередной такой заезд показывает он мне картину (он любил показывать, показывать все, что у него есть, лишь бы смотрели). На картине десятка два-три заковыристых элемента, но все лишь слегка намечено, чтоб только сюжет уловить было можно. И размер не маленький, в общем работа в самом начале. Сюжет был любопытный, и я сказал, что может получиться интересная вещь. В ответ я услышал следующее:

– Может, конечно (лицо при этом выражало муку), но ты же видишь, сколько тут еще работы...

Он взял холст и поставил лицом к стене.

– Если вот закажет кто, тогда закончу. А так, совершать такие подвиги... это, знаешь, уж слишком, это не для меня.

Больше с этим человеком я никогда не встречался.

А про Пятницу... Я думаю, сколько сейчас разных людей хотели бы увидеть этот его «ментовский» шедевр?!

Ода Виктору Михайлову

Прошу снисходительно отнестись к возможным неточностям. Это не художественное произведение, но и не биография. Цель была – показать образ героя. Я ничего не придумывал, рассказал о том, что сам видел, слышал от самого Виктора и от его ближайших друзей.

<...> Село Михайловское. Витя Михайлов, Виктор Сергеевич Михайлов, он же Романов-Михайлов

(Романов появилось позже как самостоятельный проект). Витя никогда не скажет напрямую, что принадлежит к державной фамилии, но в разговоре таинственно намекнет, что родословную свою ведет от Рюрика.

У Вити все непросто: всякое, самое мелочное даже мероприятие или событие – покупка картошки, выгуливание собаки или попавшийся под ногами кривой гвоздь – имеет мистическую сторону. Поэтому и на мир в целом он смотрит более прицельным, испытующим взглядом, чем остальное человечество.

Однажды, подходя к его дому, я застал его за таким занятием: Витя стоял на улице у своего подъезда и внимательно наблюдал за кошкой. Поздоровавшись со мной, он продолжал следить дальше. Потом пояснил: «Смотрю вот, какую кошка траву ест, кошка умная, знает какую ей для здоровья надо». Это он для себя хотел приладить кошкину траву.

Отсюда и все движения его в жизни оказывались незаурядно яркими ходами, как у гениального шахматиста.

Удивительно, но встретившись с ним впервые, я увидел в нем невероятно скучного, безликого человека средних лет с заурядной внешностью и отсутствием всякого содержания. Впечатление оказалось обманчивым. Это вот как в детстве в зоопарке удивляли крокодилы: валяются в воде эдакие чурки бесчувственные, фанерные муляжи, и лишь при долгом наблюдении замечаешь, что эти фанерные ящики водят глазами. И мне представлялось, что и передвигаются они еле-еле, на манер ленивцев. А между тем, это едва ли не самые быстрые твари на земле.

Перформансы художников-акционистов скучны и вымучены. Витя же целиком свою жизнь заявил перманентным перформансом – всегда неожиданным, живым, острым.

Появившаяся идея сразу развивалась в кипучую энергию, и начинало все кружиться с бешеной скоростью. Таким образом, например, в результате сложнейших операций-манипуляций (все, впрочем, в соответствии с тогдашними законами) Витя из маленькой квартирки на окраине переселился в пятикомнатную квартиру в самом красивом районе Москвы: на улицу Рылеева (теперь Гагаринский переулок), что поднимается от Гоголевского бульвара и далее вплетается в паутину арбатских переулков.

Вначале появился Зверев, и Витя выделил ему комнату, которая впоследствии так и стала называться – «Зверевской». А вскоре квартира превратилась в клуб всякого рода неприкаянных эксцентриков.

В те времена новостройки потянули людей из центра массовым порядком. Люди, оставляя старое жилье, оставляли и бабьино-прабабьино барахло: так сказать, отряхнулись от старой жизни – купили пластиковой мебели, жизнь по-новому повели.

И завалили помойки уникальной мебелью, золочеными барочными рамами, коваными сундуками инкрустированными перламутровыми мозаиками, рукописными книгами, позеленевшей медной посудой и черт знает чем еще... В общем, было где разгуляться Витиной фантазии с его природным пониманием вещей. Вскоре квартира наполнилась антикварной роскошью, а затем быстро превратилась в склад и в заключение – в ту же помойку, из которой вся эта красота и выживалась. Управлять своими страстями Витя не умел.

Нет, поначалу-то было все прилично, даже можно сказать изысканно. В самой большой комнате (нет – это была ЗАЛА!) на стенах – картины, иконы, пустая овальная рама с кудрявой золотой резьбой. В углу – черный рояль. В другом – большое мягкое кресло.

В кресле полуутоп Толя Зверев. Перед ним – изящный ломберный столик (ампир с позолотой), на столе – коньяк, нарезанные на красивой тарелке яблоки.

– Старик, угощайся, очень хорошие яблоки – лучше картошки. Следующий раз захочешь картошки – покупай такие вот яблоки. <...>

Но очень скоро (страсть вышла из-под контроля) комнаты стали походить на баррикады: беспорядочные нагромождения, похоронившие под собой и рояль, уперлись в потолок. Традиционная интерьерная эстетика прекратила существовать. Как обнаружил художник С. Бордачев, изучая по фотодокументам баррикады: «Никакой композиции!» В дом Вити явилась эстетика особого толка – назовем ее баррикадной.

АЗ

Зверев за работой – это театр, которому еще не придумано названия. Спокойно, с безразличным даже видом, надавив прямо на холст красок, в момент вдруг сосредотачивается, прицеливается взглядом (прожигает прямо насквозь) и бешеным движением размазывает все в кашу. И зажали на холсте цветы, чье-то лицо засветилось, солнечным теплом загорелись сосны.

АЗ похож на шамана: мечется, швыряет на холст, бумагу попавшие под руку предметы – окурки, сахар, томатный сок – тоже годится. Он не помнит себя и, кажется, не видит ничего вокруг – тигр на охоте. Мог сделать виртуозный рисунок на запотевшем стекле, не задумываясь об исчезновении его через минуту. Главное не в том, чтоб сделать ВЕЩЬ, которую продать можно, – важен творческий выплеск, почти как корове избавиться от молока.

Раз АЗ писал портрет дамы (та очень, ну прямо очень хотела иметь на стене свое красивое

В деревне Матюшино. Россия

Фото: Екатерина Софронова

изображение), положил холст на пол и яростно швырял, вытряхивал из банок, поливал краски. В этот момент в комнату влетела хозяйская собака и пробежала по холсту. Хозяйка ахнула, закрыв от ужаса глаза. «Все пропало...» – выдавила упавшим голосом. АЗ: «Да что вы! Она внесла важный элемент!»

В мастерской Володи Немухина на мольберте стояла только что законченная картина. Автор не торопился убрать холст, любовался удачной работой. Володя отправился в магазин. АЗ спал на диване. Вернувшись из магазина, художник увидел свой холст, замазанный зверевскими красками. Володя не кинулся

на него с ножом, Володя любил АЗ и поздравил его с очередным шедевром. Ну, что тут поделаешь, если муза явилась в такой момент.

С окружающими АЗ в основном общался, как с детьми, на которых нельзя ни сердиться, ни спорить с ними, ни что-либо требовать. Никогда никого не ругал, никому не завидовал, редко говорил об искусстве, буркнет иной раз: «Васильев – вот гений», да помянет Леонардо да Винчи как своего учителя. Не говорил о современниках, тем более критически (дети, что о них говорить).

Речь АЗ назвать обычной человеческой было трудно. Говорил он

притчами, каламбурами, истину открывающими прорицаниями, стихами и, конечно же, абсурдистскими выкладками. Думаю, так же он говорил и со своей матерью, а доводилось если, и с самим собой.

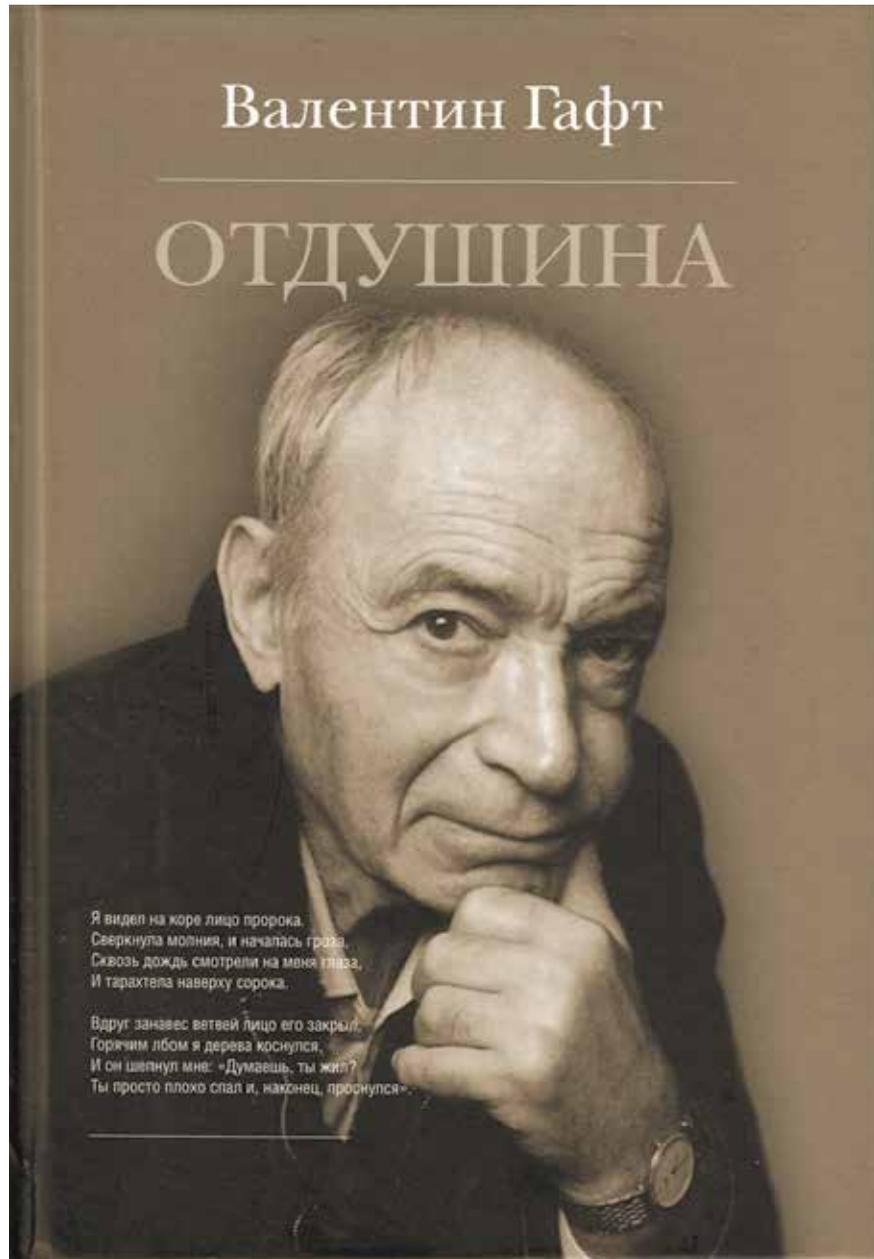
К АЗ обращается молоденький совсем художник. Он впервые попал в такую компанию, комплексует страшно – рядом сидит титан, настоящий «монстр», гений. Он, может, и не о том хотел спросить, но от избытка чувств и от волнения задает нелепый вопрос: «Анатолий Тимофеевич, что самое главное в искусстве?» АЗ: «В искусстве, мой юный друг, самое главное – это основное!»

ОЧЕРК

С ЗЕМЛЕЮ ВМЕСТЕ В ФУЭТЕ

Воспоминания о Валентине Гафте

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Элегантен, великолепен, спортивен, остроумен. Тяжелые погружения Гафта-актера в слои человеческого бытия... А ведь и проходные его роли в посредственных фильмах (что

не относится к качеству его игры) сияли гранями постигнутого и пропущенного через фильтры и призмы дара, которым он так щедро делился с нами...

Гафт в фильме «Футболист» (1990). Он тренер футбольной команды, но спившийся с кругу, ушедший в дебри алкогольного анализа себя и двинувшийся наперекор мафии. Он вторгается в ее планы, разрушая их, и в финале получает нож в спину прямо на ревущем, беснующемся стадионе...

Контраст: Гафт – Фирс. Старый, глупый, добрый Фирс. И почему доброта часто союза с глупостью? Почему ум, который тоже своеобразный дар, может легко ужиться со змеиной, эгоистической, аспидной злостью?

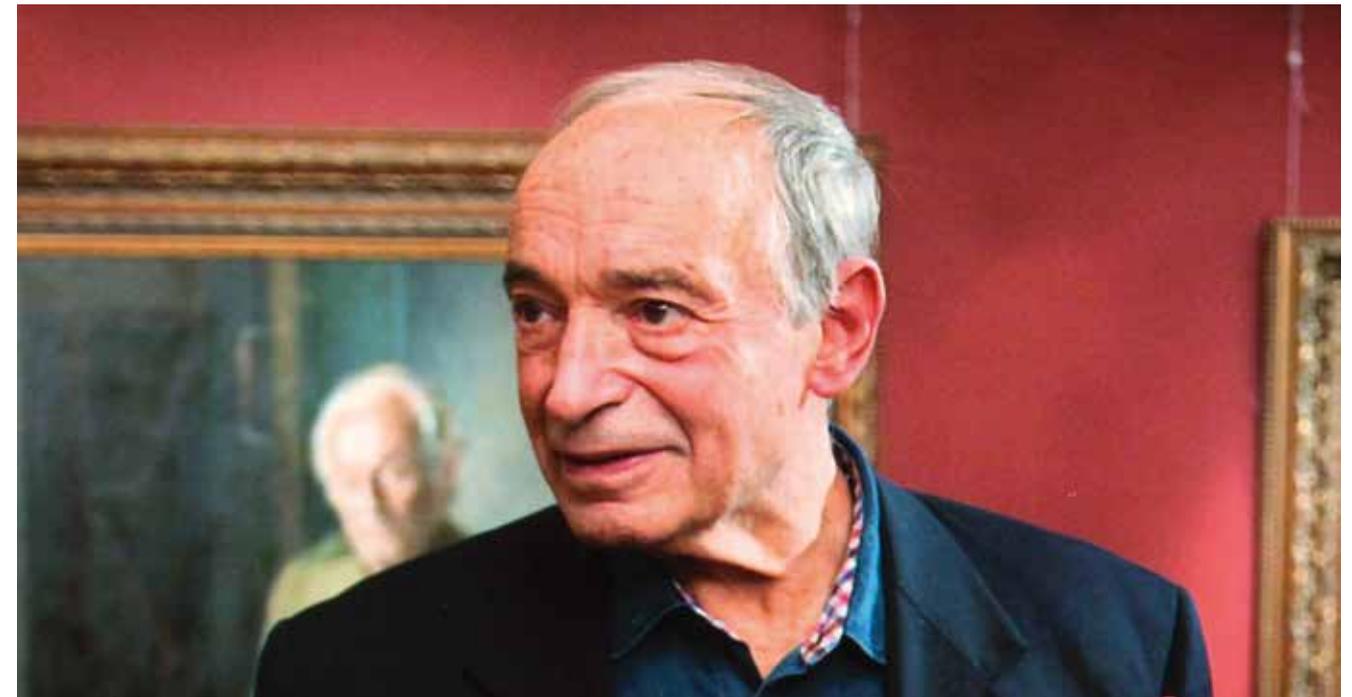
Гафт-городничий: не стандартный: Сквозник-Дмухановский, персонаж гоголевского «Ревизора», подразумевает пузатость, низкорослость, упругий бобрик на голове. А Гафт – красавец!

Играл ли Гафт в пьесах Тенниси Уильямса? Ему бы пошло, поскольку так точно, так ювелирно передавал он психологические изломы, что осталось в ролях из Диккенса...

Тайна Эдвина Друда не будет разгадана, а Сэм Уэллер навсегда останется верен смешному пузатому Пиквику...

Выпустив третью книгу стихов и используя справочник Союза писателей Москвы, я послал ее Гафту, разумеется, ни на что не рассчитывая. И когда мама, подойдя к телефону, несколько ошалевши сказала: «Тебя Гафт!» – я растерялся.

Ему понравились мои стихи...

Гафт был самоедом. Будучи пристрасстно честным и жестко относящимся к себе, говорил, и я уверен, что на сто процентов искренне: «У меня все так плохо...» Он утверждал, что только у Рязанова получались у него роли, плюс несколько театральных...

Гафт мог бы сыграть смерть: не в том плане, в каком появляется, нарушая женский образ оной, Нильс Экерот в провидческом фильме Бергмана «Седьмая печать», а в сумме всех ощущений: от детского, первого ужаса, багровой гущей заливающего мозг, до последнего вздоха...

Гафт, рассуждающий об алкоголе как об одном из вариантов примирения с действительностью... Гафт стойкий, неунывающий... Гафт великолепный.

Мой отец (я, похоронивший его в 19 лет, связан с ним космически) первые тридцать лет жил в колоритном доме в конце Хохловского переулка. Вспоминаю: папа, вернувшись как-то домой, рассказал: Саш, сейчас Гафта видел... Сажу на скамейке, он в театр идет...

– И ты?..

– Сказал: «Здравствуйте, Валентин Иосифович!» Он ответил, я поднялся, обменялись рукопожатиями...

Есть нечто извращенное в бесконечной узнаваемости актеров. Но есть и нечто великолепное, – словно код народа отражается и в этом узнавании любимых...

Гафт, всегда отвечавший мне, сочинителю, получая мои книжки. Помню, когда послал ему книгу стихов о Якутии, он позвонил мне, а я, услышав мощный рокот его голоса, признался: «Ой, Валентин Иосифович, а я пьян...» И он засмеялся: «Лучшее состояние на свете...»

Говорили о каменно-льдиистой Якутии, я интересовался, не гастролировал ли там театр... Нет, Гафт никогда там не был...

Но он был всюду: ибо такой градус творческого бытия подразумевает всеохватность.

Стихи Гафта. Они возвращаются, играют, смеются, как краткий, составленный из четверостиший Бестиарий, который так

удобно цитировать... Но фуэте — всего верней:

*Все начиналось с фуэте,
Когда Земля, начав вращение,
Как девственница в наготу,
Разволновалась от смущения,
Вдруг раскрутилась в темноте.*

*Ах, только б не остановиться,
Не раствориться в свете,
Пусть голова моя кружится
С Землею вместе в фуэте.*

*Ах, только б не остановиться,
И если это только снится,
Пусть как можно дольше длится
Прекрасный сон мой — фуэте!*

Вращаются слова, точно пойманные в сачок момента ради вечности...

Гафт-эпиграммист. Жесток, насмешлив, хватает пороки за шкуру, жаль только скользкие они, выворачиваются...

Гафт, продолжающийся в бесконечность: всегда, во всем, что бы ни сделал, а оставил нам столько, что и слова бледнеют пред громадой сделанного...

ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА ЛУПАНА

В эти зимние дни мы вспоминаем Виктора Николаевича Лупана, который на протяжении шестнадцати лет, с 2006 по 2022 год, являлся главой редакционного совета и главным редактором «Русской мысли». Именно благодаря ему в 2011 году нашему изданию был возвращен исторический формат журнала 1880 года.

С 1985 года Виктор Николаевич жил и работал во Франции, был ведущим журналистом-международником журнала *Figaro Magazine*, опубликовал более 200 репортажей из самых горячих точек планеты, снял четыре полнометражных документальных фильма по собственным сценариям, возглавлял в определенные годы французские издательства *Syrtex*, *Presses de la Renaissance*, *Éditions de l'Œuvre* и *Editions du Rocher*.

Многое было сделано Виктором Лупаном, который с 2010 года входил в состав Патриаршего совета по культуре РПЦ, и для сохранения русского культурного наследия за рубежом.

Блестящий профессионал, мудрый руководитель, всегда доброжелательный, общительный, искренний – таким останется он в нашей памяти.

РУССКИЙ ШЕРЛОК ХОЛМС

На Селезневской улице в Москве состоялось торжественное открытие памятника Аркадию Францевичу Кошко (1867–1928), руководителю Уголовного сыска Российской империи, начальнику Московской сысковой полиции.

«Редко кто из людей нашего поколения не слышал имени обвиняемого Бейлиса...» С этих слов начиналось заключение Аркадия Кошко по так называемому «делу Бейлиса». Это был самый громкий судебный процесс в до-революционной России. Приказчика Менахема-Менделя Бейлиса обвинили в «ритуальном убийстве» 12 марта 1911 года учителя Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского. Процесс в Киеве разделил всю страну

на две части – реакционеров-антисемитов и демократов-прогрессистов. И если после долгих разбирательств, несмотря на государственное давление на присяжных, Бейлис был оправдан, то это в значительной степени благодаря вмешательству в расследование Кошко.

«Сыщик Кошка» – так называли его в начале прошлого века в многочисленных детективных рассказах, посвященных различным расследованиям Аркадия Францевича. Следак-легенда, работавший уникальную систему идентификации преступников и лично арестовывавший самых опасных бандитов, Кошко был удостоен в 1913 году в Швейцарии на Международном съезде криминалистов высокого признания: возглавляемая им российская полиция была названа лучшей в мире. В 1917 году Аркадий Францевич отказался служить Временному правительству и ушел в отставку. Но ему не удалось спокойно пожить в имении в Новгородской губернии: его собственность национализировали.

В течение нескольких месяцев Кошко возглавлял в Крыму полицию генерала Врангеля. Ну а потом?.. Иммиграция, Стамбул, где «русский Шерлок Холмс» (так называли Кошко) открыл собственное сыское агентство. Оно успешно работало, пока Мустафа Кемаль, стремившийся выслать всех российских эмигрантов, не закрыл учреждение. И Аркадий Францевич с семьей получил политическое убежище во Франции...

От британского Скотленд-Ярда, где знали о высочайшем профессионализме Кошко, пришло приглашение на работу в Лондоне. Но Аркадий Францевич, ставший писателем и издавший три тома полицейских мемуаров, отказался. Навсегда остался патриотом России. Он умер в Париже в 1928 году.

Памятник лучшему сыщику Российской империи Аркадию Кошко.
Скульптор Владимир Иванов